

ДЕТОУБИЙЦА

Часть первая: "На уме и вне ума"

Часть вторая: "Под утайкой"

Часть третья: "Колодничьи палаты"

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр Алексеевич – император России

Екатерина Алексеевна – императрица

Алексей Петрович – наследник престола

Марья Алексеевна – царица, сестра Петра Алексеевича

Евдокия Федоровна – бывшая царица, первая жена Петра Алексеевича

Толстой Петр Андреевич – начальник тайной канцелярии, шеф тайной полиции

Шефиров Петр Павлович – вице-канцлер, шеф чужеземной коллегии

Мария Даниловна Гамильтон – камер-фрейлина императрицы

Орлов Иван Михайлович – денщик императора

Ефросинья (Афросинья) Федоровна – крепостная девка, любовница Алексея

Глебов Степан Богданович – майор гренадерского полка, любовник Евдокии Федоровны

Румянцев Александр Иванович — капитан гвардии
Князь Мещерский — поручик гвардии
Князь Михаил Долгорукий
Кикин Александр — бывший денщик императора, чиновник
адмиралтейства
Вяземский Никифор Кондратьевич — учитель Алексея Пет-
ровича
Иван Большой Афанасьев — слуга Алексея Петровича
Иван Малый Афанасьев — слуга Алексея Петровича
Яков Носов — слуга Алексея Петровича
Чуркин — повар царицы Марьи Алексеевны
Михайло Босый — богомол
Каптелина — старица Суздальского Покровского монастыря
Агафья — старица Суздальского Покровского монастыря
Анна Кремер — экономка фрейлины Гамильтон
Катерина Терновская — горничная фрейлины Гамильтон
Василий Семенов — конюх
Досифей — архимандрит Суздальского Покровского монас-
тыря
Феофан Прокопович — архиерей Псковский
Яков Игнатов — протопоп Верхнеспасского монастыря,
духовник Алексея
Макаров Анатолий Васильевич — кабинет-секретарь импера-
тора Петра Первого
Феофилакт Шапский — шут, он же обер-палач, обер-кнут-
мейстер
Аксинья Трофимова — шутиха
Герцог Гольштинский
Граф Шенборн — австрийский вице-канцлер
Дольберг — референт-докладчик австрийского императора
Карла Седьмого
Герцогиня Волфенбительская
Граф Даун — вице-король Неаполитанский
Вайнгард — секретарь Неаполитанского вице-короля
Плеер — посланник (резидент) австрийского двора в Петер-
бурге
Прусский, ГанOVERский, голландский, французский, китай-
ский посланники в Петербурге
Габриэль — шведский пленный

Мусин-Пушкин
Марья Пушкина
Селивестр - монах-книгописец
Артемий — товарищ Селивестра по острогу
Негритенок — слуга Петра Алексеевича
Мужики, посадские, мещане, солдаты и прочий разночинный
народ Империи Российской.

Время действия: 1717-1719 годы. Финал — 1725 год.

Место действия: Петербург, Москва, Суздаль, Вена, Неаполь.

В драме, по возможности, сохранены устная речь и грамматика
петровского времени.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НА УМЕ И ВНЕ УМА

Сцена 1

Теремные покои Кремлевского дворца. В столовой комнате два камердинера царевича Алексея Петровича, Иван Большой Афанасьев и Иван Малый Афанасьев, занимаются утренней уборкой.

Иван Малый Афанасьев. В Успенском к чистой обедне звонят, а его величество государь-царевич Алексей Петрович все почивают. Уж черный народ с обедни идет, уж чистую публику созывают на молебен.

И в а н Б о л ь ш о й А ф а н а с ь е в. Вчерась царевич до-
поздна был в гостях, где, не знаю, приехал домой, хмелен,
взял меня в спальню и стал с сердцем говорить: Меньшикову,
да Тóлстому, да Гавриле Ивановичу Головкину с детьми их
и женами, разве что умру, то не заплачу. Быть их головам на
колях. Я ему молвил: царевич-государь, изволишь сердито
говорить и кричать. Кто услышит и понесет им. Он мне мол-
вил: я плюну на них, здорова бы мне была чернь. Когда будет
мне время без батюшки, я шепну архиереям, архиереи при-
ходским священникам, а священники прихожанам. Тогда уж
мне доверять будут, который Отечеству в тягость.

И в а н М а л ь и й А ф а н а с ь е в. А вы как же?

И в а н Б о л ь ш о й. Я как же? Я стою и молчу. Посмот-
рел на меня царевич долго и пошел молиться. Я пошел к себе.

Входит камердинер Яков Носов.

Я к о в Н о с о в. Гутен морген. Чего поделываете?

И в а н Б о л ь ш о й. Рассуждаем.

Я к о в Н о с о в. Поздно государь-царевич почивает,
гневлив проснется. И вчерась весь день сердитовал. Никифору
Кондратьевичу Вяземскому, учителю своему, снявши парик,
вцепился в волосья. *(Смеется.)*

И в а н Б о л ь ш о й. Пролытый год в сенях у государыни
Екатерины Алексеевны его величество Алексей Петрович
вовсе Никифора Кондратьевича наземь повалили и изволили
ногами пинать. *(Смеется.)*

Слышен хриплый крик из спальни: "Иван!"

И в а н Б о л ь ш о й. Ваше величество государь-царевич,
которого Ивана кличете? Большого или Малого?

Алексей показывается в дверях в шлафроке и ночном белом атласном
колпаке, мятый, заспанный, зевая и потягиваясь. Камердинеры кла-
няются.

А л е к с е й. Здорово, молодцы. Иван Малый Афанасьев,
где ты, курвец, дубной порошок поклат?

Иван Малый. Ваше величество государь-царевич, глянуть надобно в мешочек бархатный, который в скрыне жестяной маленькой

Алексей *(зевает)*. Поди глянь. Да постелю прибереи. *(Иван Малый торопливо уходит в спальню)*. Время которое?

Иван Большой. В Успенском уж чистую обедню отзвонили, ваше величество.

Алексей. А день который?

Иван Большой. Ваше величество это ноне сообразить тяжко. Бог сотворил землю в сентябре, а государь-батюшка Петр Алексеевич изволили солнечное течение переменить на генварь, дни перепутав.

Яков Носов. Ваше величество, государь-царевич, месяца июня тринадцатый день по новому календарю.

Алексей *(думая о чем-то про себя)* Истинно истинно тринадцатый...Ты, Яков Носов, поди, мне с Иваном Большим словом надобно перемолвиться. Да, скажи повару и хлебнику, что я уже пробудился.

Яков Носов. Ваше величество, государь-царевич, который камзол подавать да штаны которые?

Алексей. Камзол да штаны подавай суконные, песочные.

Яков Носов. А галстух?

Алексей. Галстух флеровый, черный.

Иван Большой. Ваше величество, государь-царевич в сием одеянии вы вчерась изволили от гостей воротиться и ныне оно отдано в стирку и починку.

Алексей. Тогда подай галстух кисейный, а камзол парчовый, золотой по зеленой земле. *(К Ивану Большому)*. Никифор Вяземский али брат его, Сергей, не являлись?

Иван Большой. Никифор Кондратьевич с утра быть изволили, коли ваше величество почивать изволили.

Алексей. Яков, пошли к Вяземскому на покровку... Нужно мне спешно.

Яков Носов. Слушаюсь. А которую шпагу подавать? С медным эфесом али с вызолоченным?

А л е к с е й. Поддай кортик с эфесом серебряным, гриф которого оклеян ящером.

Я к о в Н о с о в. Слушаюсь. *(Уходит.)*

А л е к с е й *(подходит к Ивану Большому)*. Не досадил ли я вчера кому?

И в а н Б о л ь ш о й. Мне от вас, ваше величество, никакой досады и тесноты не было.

А л е к с е й. И не говорил ли я вчера пьяный чего?

И в а н Б о л ь ш о й. Говорили, что как без батюшки время будет, на кол Меньшикова, да Толстого, да иных прочих посадите. Лишь бы, говорили, была бы вам чернь здорова.

А л е к с е й. Кто пьян не живет? У пьяного всегда много лишних слов. Я поистине себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасных слов говорю много. А после о сем очень тужу. Ну, что ж ты стоишь и задумался?

И в а н Б о л ь ш о й. Что мне, государь говорить?

А л е к с е й. Ты чтоб этих слов моих напрасных не сказываю а буде ты скажешь, ведь тебе не поверят. Я запрюсь, а тебя станут пытаться *(смеется)*.

И в а н Б о л ь ш о й. Ваше величество, государь-царевич, что мне до этого дела и кому сказывать?

А л е к с е й, То-то, гляди.

Появляется Яков Носов с одеждой и кортиком. Алексей уходит с ним в спальню. Иван Большой достает с полок-поставцов посуду и расставляет ее по столу. Входит Вяземский.

В я з е м с к и й. Государич при доме?

И в а н Б о л ь ш о й. При доме и сейчас изволят выйти.

В я з е м с к и й. А более никого?

И в а н Б о л ь ш о й. Никого. Одна обслуга домашняя.

А л е к с е й *(быстро входит в камзоле, парике и при кортике)*. Я тебя услышал, Вяземский. Здравствуй.

В я з е м с к и й. Доброго здравия желаю, государич. Ты меня сегодня не ожидал?

А л е к с е й. Как не ожидал, послано за тобой на Покровку, да ты, слава Богу, сам прежде явился.

В я з е м с к и й. Сего дня, государич, ты должен был учиться геометрии, фортификации и сферическим наукам у ин-

женера Фридриха Галибартона, однако ж оный инженер, вчерась из каляски выпав, руку вывихнул и переломил и чаёт он, что оная болезнь продолжится.

А л е к с е й (*досадливо морщась*). Все у тебя, Вяземский, геометрия да сферические науки. Ты, Вяземский, не человек, а циркель.

В я з е м с к и й. Для того я и приставлен государем Петром Алексеевичем.

А л е к с е й (*нетерпеливо перебивает*). Купчую на Афросинью и брата ее Ивана принес?

В я з е м с к и й. В крепостях братних, которые у него в Москве, купчей не найдено.

А л е к с е й (*сердито*). Я ж приказал брату твоему Сергею Вяземскому сыскивать.

В я з е м с к и й. Государич, благословен и многосчастлив тот, которого Бог наделил честной женой, каковой была ныне почившая в Бозе законная супруга ваша кронпринцесса Шарлотта.

А л е к с е й (*вспылив*). Я тебя, Вяземский уже бивал шлепами, аки блудну овцу.

В я з е м с к и й. Государич, крепостную сию работную деву мою, Афросинью Федоровну, в недоумении лишь можно созерцать при вашем величестве, от которого по смене на престоле вами батюшки вашего зависеть будет счастье и польза столь многих миллионов душ человек русских.

А л е к с е й. А мое счастье, Вяземский, как же? Моя польза? Ведь и я среди миллионов русских душ свою душу имею. Так ведайте же, что я на Афросинье женюсь. Ведь и батюшка мой такое учинил. Я, однако, прежнюю жену мою законно похоронил, а батюшка мой с матушкой моей развелся, в Суздаль заточил и с ливонской крестьянкой живет Мартой Скавронской, переименованной в русскую царицу Катерину.

В я з е м с к и й (*испуганно*). Государич, ваше величество, допустимы ли такие беспокойные рассуждения об особе царствующей, Божьей помазаннице.

А л е к с е й (*насмешливо*). Уж помазанница Божья. Три веры сменила, как чулки шелковые, парижские. Была спер-

ва в лютерстве, потом в католицизме, а ныне в православии.

В л а з е м с к и й. Государич, ваше величество, ныне та та кими речами смотрят.

А л е к с е й. Кто смотрит?

В л а з е м с к и й. Государево око.

А л е к с е й. Это значит, генерал-прокурор Павел Иванович ной женой развелся и вступил в брак с другой. Он, что ли, меня осудит?

В л а з е м с к и й (*оглядываясь на Ивана Большого*). А все ж поберечься не лишнее. Ноне такие времена, что холопы на бар извет несут и изветные деньги получают. Хамово колено.

А л е к с е й (*сжав кулак и поднося к носу Вяземского*). Ты мне про русского нашего простолюдина такое не моги. Кожный наш крестьянин да посадский есть души нашей одушевленный ком. А ты кто? Никишко Вяземский, некто званием от последних (*видя, что Вяземский стоит, втянув голову в плечи, ожидая тумьков, остывает и говорит спокойней*). Циркель ты немецкий. Все делаешь с примеру сторонних, чужих земель. Ну, скажи. Вяземский, чем жена английского конюха, швейцарского пастуха, немецкого солдата лучше, добронравней жен наших приказчиков, дворецких, конюшиных? Чем серый попугай лучше певчего скворца? Нет, более я не желаю, чтоб меня бес сватал, а сатана венчал.

Входит Яков Игнатов.

Я к о в И г н а т о в (*слыша последние слова Алексея*). Радостно мне сие слышать, государь-царевич. Хорошо, что наследства без любви не хочешь. Через одно лишь золото слезы не текут ли?

А л е к с е й (*сразу посветлев лицом*). Отец Яков! Ух, как я без тебя истомился. Ух, как ожидал. Я ни к кому, кроме тебя духовника моего, исповедоваться не хожу, а накопилось много, душа тяжела. Изнемогаю. (*Целует Якову руку.*) Ноне те, кто должны исцелять, душу портят. Вот Невского архиман-

дрита батюшка любит, видно, за то, что вносит в народ лютерские обычаи.

Яков Игнатов (*целует царевича в лоб*). Я только из Киева. Был у киевских чернецов. Кланяются они тебе и книги посылают: "Камень веры" и иные. И Киевский Печорский архимандрит тебе кланяется. И от чернецов Михайловского монастыря тебе поклон. Ждали тебя, да не приехал.

Алексей. Велено мне в Москве быть до зимнего пути. Два человека на свете, как боги: Папа Римский да царь Московский.

Яков Игнатов, Не царь Московский, а император Петербургский. Сей иноземный титул не соединим с понятием о русском государе-царе-батюшке. И не токмо в Великороссии, но и в Малороссии мужики-хохлы говорят: черт знает, кто такой ваш император. Мы знаем праведного государя, за которым хлеб и соль едим.

Вяземский. Сии непристойные слова оттого говорят, что по простоте своей не знают, что его величество соизволил зваться императором. Оттого и воспитатели важны, духовные и светские.

Алексей. Молчи, Вяземский, молчи... Христом Богом молю, молчи... (*К Якову*.) Мне, отец Яков, сегодня сон снился. Ангел велит мне пойти в церковь. Вижу, в церкви на алтаре сидит монах. Монах меня благословляет и говорит: "Вера тебя спасет. Не ропщи, сноси все с терпением, полагайся на Бога".

Вяземский. Доктора доказывают, что сон есть произведение обремененного, слабого желудка, раздраженных нервов, паров, кои поднимаются к голове, теснят мозг, приводят в действие воображение и расстраивают сон, определенный всякому животному для восстановления истощенных буденных сил.

Алексей. Все это, Вяземский, пустословие. Ни один доктор не знает причины действия нервов, оттого, что анатомия тела мертвые, в коих жизненного движения уже нет. Я анатомов, особливо чужеземных, на кол бы сажал. Батюшка же мой шибкий любитель мертвого. В Амстердаме, в анатомич-

ке заметив, что некоторые из его свиты брезгают разрезанными мертвецами, велел им зубами разгрызть мертвые тела. А коли лекари резали помершую жену мою Шарлотту, батюшка стоял и наблюдал и ковырялся в ее кишках. *(С брезгливостью и скорбью отворачивается к окну.)* Я сего не видел, ибо в обмороке лежал. Мне сие поведали.

В я з е м с к и й. Однако же нельзя протиречить анатомии — науке важнейшей, процветание имеющей в лучших университетах немецких, французских, датских и прочих. Вот недавно было в курантах, что какой-то галл открыл, будто мозг в черепе сложен, как салфетка, и что его можно развертывать.

А л е к с е й. Поди прочь, Вяземский, надоел ты. *(Всплыв.)* Поди прочь, сука, блядь!

В я з е м с к и й. Ты, государич, от двора отказывать мне не можешь, поскольку я определен именным указом государя. *(Уходит.)*

А л е к с е й. Устал я, отец Яков, нервами заболел. Батюшка меня в Москву отпустил, как бесполезную вещь, и отсюда я без его слова выйти не могу. Батюшка хотел сделать меня солдатом и утвердить во мне вкус к жестокому ремеслу. А я моря не люблю, войну не люблю.

Я к о в И г н а т о в. Дед твой, Алексей Михайлович, тишайшим прозывался, а православие от унии защитил, Киев добыл. Ныне же столько русской крови льется из-за гнилых шведских болот.

А л е к с е й. В чем же спасение?

Я к о в И г н а т о в. В перемене царствования. Церковь находит только в этом путь высшего спасения. Надо лишить отца трона.

Входит Иван Большой.

И в а н Б о л ь ш о й. Повар и хлебник спрашивают, подавать ли?

А л е к с е й. Закуски ставь, а с горячим погоди. Я исповедаться должен.

Уходит с духовником в спальню.

И в а н Б о л ь ш о й *(сам себе)*. Царевич великое имеет горячество к попам. *(Начинает расставлять по столу бутылки и блюда.)*

Входит Афросинья, лет восемнадцати, светловолосая, маленького роста

А ф р о с и н ь я *(к Ивану Большому)*. Командинер, прынчик здесь?

И в а н Б о л ь ш о й. В спальне.

А ф р о с и н ь я. Я к нему иду.

И в а н Б о л ь ш о й. Не один он.

А ф р о с и н ь я *(встревоженно)*. И кто же при нем?

И в а н Б о л ь ш о й. Духовник.

А ф р о с и н ь я *(успокаиваясь)*. Тогда я посижу *(садится к столу)*. Табаком воняет.

И в а н Б о л ь ш о й. Верно, у меня славный табак, хорошо стертый, но не для твоего носа. *(Набивает нос табаком.)*

А ф р о с и н ь я. Вот я скажу про тебя слово прынчику. Будет тебе на каленые орешки. Вот я на стол поклала баулец, видишь?

И в а н Б о л ь ш о й. Ну вижу.

А ф р о с и н ь я. Возьми из баульца мое дамское махальце, да подай. *(Иван Большой подает. Афросинья обмахивается)*. Ты, командинер, по виду человек неласковый, и мне до тебя ни дела, ни нужды никакой нет.

Иван Малый вносит блюда с закуской и калачами. Афросинья берет калач, намазывает его икрой, кусает.

А ф р о с и н ь я. Надо б в поварню передать, пусть пришлют мне в деревню икры паюсной, черной и красной, икры зернистой, семги, сняточков... Слышь, командинер, передай в поварню.

Из спальни выходят Алексей и Яков Игнатов. Лицо Алексея залито слезами.

Яков Игнатов *(продолжает с сердцем)*. Всяко благочестивое христианское доброе дело единым словом – суевением названо. И кто в них, в еретиках, был пущий пьяница, и нахал, и сквернослов, и шут, тот зван и вменяем в простосердечного и благочестивого человека. Кто ж хоть малопостник или воздержник и богомольный человек, тот зван раскольник и лицемер, ханжа. Ныне пьянствуют и мясо сплошь едят и вместо книг в кельях и церквах табакерки в руках держат и непрестанно порошок нюхают. Церковную и монастырскую казну забрали себе на свои роскоши, на дорогие напитки, на музыки с танцы и на карты с товарищи. Чудотворные иконы отсюда забрав на гнойных телегах, под скверными рогожами увезли. Весь российский благочестивый народ плачущими очима, с болезнью сердца зрит злодейства.

Афросинья. Прынчик!

Алексея. Афросинюшка! Друг мой сердешный! *(Бросается к ней. Они обнимаются и целуются)*. Здравствуй, матушка моя... Отец Яков, это моя Афросинюшка.

Яков Игнатов *(обнимает и целует обоих)*. Счастья вам. *(Крестит их и уходит.)*

Афросинья. Друг мой, какая радость. Господь по желанию нашему радость возвещает о сочетании нашем. А зло далеко от нас отженет. Вот люди твои дворовые тогда уж меня почитать будут.

Алексея. Молодцы! Говаривал вам прежде и ныне подтверждаю. Будьте к жене моей почтительны и утешайте ее, чтоб не печалилась.

Афросинья. Да пущай в поварне скажут, чтоб прислали мне в Ладожские Рядки икры паюсной, черной и красной, икры зернистой, семги соленой и копченой и всякой рыбы, аще малое число сняточков белозерских и круп грешневых.

Алексея. Слыхали, собаки? Чтоб все исполнить. Будьте Афросинье послушны.

Афросинья. Прынчик мой, батюшка мой, хочу с тобой слов с пяток на глаз молвить.

Алексея. Подите, молодцы, подите. Да пущай никто не заходит, пока не позову. *(Иван Большой и Иван Малый уходят)*.

А ф р о с и н ь я. Ты, батюшка, когда впервой приехал с Вяземским к нам в Ладожские Рядки, помню, заметила я в первый день, что часто на меня глядишь.

А л е к с е й. Глядел часто с первого взгляда.

А ф р о с и н ь я. Я хотела знать причину. Помню пришел ты ко мне, я допытывать стала, какова причина.

А л е к с е й. А причина та, что люблю.

А ф р о с и н ь я. За что ж меня любить?

А л е к с е й. За то, что ты мила и того стоишь. Помню, уехал и вдруг письмо: приезжай, буду потчевать вареньем. Письмо-то мне фельдкурьер в Сумы привез, в Малороссию, куда я с князем Меншиковым по важным делам был послан. Все дела бросил, больным сказался и к тебе прискакал. *(Целует Афросинью)*. Только с тобой, Афросиньюшка, вкусил я любовную лихорадку. Жена моя, ныне помершая, прусская кронпринцесса Шарлотта, была женщина злая, малокрасивая, рябая, с талией длинной и лицом плоским. К тому ж не православная, а лютерской веры. Чужая мне во всем, хоть двоих детей прижили. Как не прииду к ней в спальню, ругается на меня, чертовка. И неверна мне оказалась, слух есть, изменила с бароном Левенвольдом.

А ф р о с и н ь я. Прынчик мой бедный. *(Гладит Алексея по голове и лицу)*. Никто-то тебя не любит, даже и батюшка родной.

А л е к с е й. Как родила новая царица Екатерина Алексеевна ему детей, дочерей Анну и Елизавету, а особливо младенца Петра Петровича, так стало мне совсем худо. Уж на младенческую голову Петра Петровича вместо чепца корону примеряют, да вместо ночного горшка престол подставляют.

А ф р о с и н ь я. Чего ж грустить, прынчик. Благородством Екатерина меня не выше, читать-писать не умеет, я ж и читать и писать могу. А рожать детей тем более. Да не таких хлипких, не чахоточных, как прынец Петр Петрович. Наши ладожские младенцы крепкие.

А л е к с е й *(вглядывается в лицо Афросиньи)*. Афросиньюшка, ты это к чему? Неужто?

А ф р о с и н ь я. Чревата я.

А л е к с е й. Афросиньюшка! *(Целует ее в беспамятстве Целует ей руки, падает перед ней на колени, целует ноги и живот ее)*.

А ф р о с и н ь я *(смеясь)*. Я его уж Селебеном для шутки прозвала. Малым Селебеном. Ты, когда крупы и икру мне слать будешь, вели прислать мех лисий черевьи для Селебенова одеяльца.

А л е к с е й *(радостно)*. Пришлю чего хочешь и что в силах. У меня двое детей по погребении Шарлотты осталось на воспитании у госпожи Ро. Им на содержание в месяц выходит от меня сто десять рублей. Одначе на престоле после себя хочу видеть наследника, порожденного любимой женщиной, а не злой лютеранкой. Селебена Алексеевича, самодержца всея Руси, Божьей милостью царя православного.

А ф р о с и н ь я. Для того я пришла, чтоб сказать тебе сие известие, и ждала, как отзовешься, с трепетом.

А л е к с е й. Отчего ж трепет, Афросиньюшка? Разве ты не веришь любви моей? От кого ж еще, как не от тебя, я сердечные слова слышал. С матерью своей девяти лет разлучен, от отца ни одного сердечного слова. Одни упреки, угрозы, иногда и побои. *(Звонят колокола)*.

А ф р о с и н ь я. Однако поздно уж. Мне на ямскую почту пора.

А л е к с е й. Я тебя в своей карете доставлю. Ей, молодцы! *(Входит Иван Большой)*. Передай, Иван, Якову Носову, пусть Афросинью, жену мою, в карете моей повезут куда она укажет.

И в а н Б о л ь ш о й. В одноконной?

А л е к с е й. В гербовой, дурак.

И в а н Б о л ь ш о й. Слушаюсь. Вас, царевичбатюшка, внизу майор Глебов да господин Кикин ждут.

А л е к с е й. Пусть идут. *(Целуется с Афросиньей. Афросинья уходит. Алексей подходит к накрытому столу, наливает себе водки, выпивает. Входят Александр Кикин и Степан Глебов. Кикин в штатском, а Глебов в армейском мундире. Алексей обнимается с ними)*. Рад твоему приезду, Кикин. Сегодня духовник мой, отец Яков, из Киева вернулся да ты из Европ. Веселей мне стало. Каковы ноне Европы?

К и к и н. По всем Европам не бывал. В Вену наведалься, да в Италии мимоходом.

Разговаривая, усаживаются за стол. Иван Малый разливает водку. Выпивают, закусывают.

А л е к с е й. Кого-либо в Вене видывал?

К и к и н *(тихо)*. Об сем после.

Иван Малый снова разливает, снова выпивают и закусывают.

Г л е б о в *(указывает на Ивана)*. Проворный малый.

А л е к с е й. Именно что Малый. Их у меня в камердинерах двое Иванов Афанасьевых. Тот, для отличия, Большой, а сей — Малый. Оба хитры, у обоих деньги водятся. У Большого дом свой на Покровке, у Малого дом на Сретенке. Да Малый еще костоправством промышляет.

Г л е б о в. Костоправ каждому из нас понадобится может при наших-то задумках. *(Смеется)*. Ты, верно, костоправ?

И в а н Малый. Так точно. С братом Гавриилом, Мы вот наемни учителя государя-царевича пользовали, Фридриха Фридриховича. С кареты выпали и руку вывихнули.

А л е к с е й. Гляди, может, сегодня и другого учителя попользуешь, Никифора Кондратьевича *(смеется)*. Поди, Иван, в поварню, скажи, пусть жарких кур подают.

И в а н М а л ы й. Слушаюсь. *(Уходит.)*

А л е к с е й. Вяземский, сука, не так учить, как смотреть за мной поставлен батюшкой-государем да государевым оберкатом Толстым Петром Андреевичем. Которого дня Толстой в застенке своем, в Тайной канцелярии крови изопьет, того дня они веселы, а которого дня не изопьет, того дня им и хлеб не естся.

Г л е б о в. Поздно мы затеяли. Надобно было, когда Астрахань поднялась, стрельцы да староверы, а войско Петрово в Лифляндии завязло против шведа. Реки поднимать надобно было. Терек да Дон в подмогу Астрахани, да на Москву идти. Москва пуста была. Недаром царь Петр струсил да велел всю казну из счетного и прочих приказов увезти да в землю зако-

пать. Царь Петр трус и потому вероломен. Царевна Софья Алексеевна в лунную августовскую ночь, да будет та ночь благословенна, убийц к нему в Преображенское послала, да не повезло тогда народу российскому. Ускакал Петр без штанов, в лесу схоронился. И под Нарвой бросил армию при известии о приближении шведов, а узнавши о поражении, чтоб легче бежать, переделся крестьянином и плакал от страха. Верно о нем саксонский генерал сказал: "Это не солдат"

К и к и н. Однако под Полтавой он вел себя храбро, и пуля пробила его шляпу.

Г л е б о в. Храбрился со страху, как картежник, который поставил все на банк и случаем выиграл. Ежели б Карл Двенадцатый пошел на соединение с генералом Левенгаутом, который вез ему провиант и боеприпасы, он распотрошил бы Петра, а он вместо того повернул к Мазепе на Украину.

КИКИН. Да уж, к несчастью для России. Теперь, после Полтавы, как вернуть русскому народу жизнь мирную?

Входит Вяземский.

А л е к с е й *(тихо Кикину)*. Я ж говорил, недалече он.

В я з е м с к и й. Государич, от государя-батюшки письмо мной одержано к превеликой радости, которой поделиться спешу, ибо привык всегда в поступках своих и делах ответ давать.

К и к и н. Никифор Кондратьевич, угощайтесь с нами.

В я з е м с к и й. С превеликой радостью. *(Садится. Кикин наливает ему водки, незаметно добавляя в стакан пенника. Все выпивают)*. О чем честна беседа? Не причинил ли тесноты собой.

Г л е б о в. Нимало. О денежных тягостях беседовали. Немец да француз на русской службе получают триста-четыреста рублей, русский же за ту же должность — шестьдесят, если полковник, а я, к примеру, майор, — сорок рублей месячного жалованья. Жена моя, Татьяна Васильевна, болеет, дети мои, Андрей да Марья, уж велики, а что им в приданое дать могу? Имею три двора в Петербурге в Шлебенской слободе на Адмиралтейской стороне, да дом в Москве за Пречистенскими во-

ротами, в коем сам проживаю. И выходит, что я, майор русской армии, трижды раненый в болотах у плотин Швабстеда, да отличившийся у Фридрихштадта, я бедней лакеев твоих, Алексей Петрович.

К и к и н. Каждый свою нужду имеет.

Г л е б о в. Нет, Кикин, вам, гвардейским, деревни даром дают, а нам, армейским, их на собственные алтыны покупать надобно. Как же без деревень с тремя дворами дочку замуж отдам? У тебя, Кикин, только каменных в Петербурге пять штук. Да жены твоей, Феклы, приданое.

В я з е м с к и й. Крепка водка... Чую я, вы, господа, браги подмешали, али меда-вишняка... Мутит меня.

Г л е б о в (*тоже захмелев*). Лучше не бывает, ежели астраханский медовый квас на дрожжевой опаре. Только пить его надо умеючи, да ко времени.

В я з е м с к и й. Тягости тягостями, а перстенок у вас майор, на руке золотой с чистым камнем. Да, вижу, не сибирского золота, а золота китайского. (*Хихикает*).

Г л е б о в. Это гостинец.

В я з е м с к и й. Не суздальский ли? (*Хихикает*).

А л е к с е й (*хмельно и сердито*). Никишка, не в свое не встревай... (*К Глебову*). Кикин верно сказал, каждый свою нужду имеет... Я, наследник престола, имею вдоволь деревень, да батюшкин фискал смотрит, куда деньги трачу. Без фискала ни с деревень, ни с кирпичных заводов, ни с сеновых покосов на реке Мге, ни с порубки дров тратить ничего не могу. Матери своей в Суздаль еле собираю изредка рублей пятьсот в затычке послать. Когда женился на Шарлотте, герцог Гольштинский обещал снабдить принцессу таким же приданым, что и старшую внучку свою, королевы Гишпани. Да все на своем коште жили, а порций и раций определено не было. На лошадей и экипаж денег не имели, прислуге не могли платить. Шарлотта едва не со слезами просила Меньшикова о помощи, и тот дал нам в заем пять тысяч рублей из мундирных денег ингерманландского полку.

В я з е м с к и й. Государь-батюшка и сам в экономии живет, поскольку нужда отечества да прибыль населения. Однако же

трудится, аки мастеровой, чего и вам желает. Потому изволят писать, что имеет на меня гнев, понеже вы, государич, оставя дело, ходите за бездельем, отчего я, государич, в великом сомнении и печали.

А л е к с е й. Это фискальство от тебя идет, Вяземский, да мадам подсказывает.

В я з е м с к и й. Негоже, государич, государыню мадам прозывать... Аще батюшка изволят писать, что желает видеть вашего собственного труда чертежи по военной архитектуре.

А л е к с е й. У тебя, Вяземский, одна арифметика в голове.

В я з е м с к и й. Таковое приятней, чем одно в голове танцевание. Арифметика же или числительница что есть? Художественно честное, независимое и всем удобное понятие, многополезнейшее и многопохвальнейшее от древнейших же и новейших в разное время явившихся изряднейших арифметиков изобретенное и изложенное...

Алексей затыкает Вяземскому рот куском хлеба. Все смеются.

А л е к с е й. Снится мне чуть ли не еженощно, что я церкви строю.

К и к и н. Сие к дороге, царевич.

В я з е м с к и й (прожевав калач). Я уверен, для Бога нет ничего невозможного, но чудеса-события веков прошедших, а не нынешних. Люди так умны. Их можно обращать к Богу рассудком, не действуя на воображение и не поражая чувств их чудесами.

Иван Большой вносит блюдо с жареными курами.

Г л е б о в. Жаркие куры ко времени поспели.

В я з е м с к и й. Под сие подчевание тост имею произнести. Понеже истинный страх Божий есть вся премудрость государичей и пребудущих правителей с самой их юности, ревность о справедливости, легкосердии, великодушии... (*Алексей, взяв с блюда кусок, начинает есть. Кладет, надкусив несколько раз, обратно на блюдо, берет другой кусок*). Ради чего, государич.

вы изволили взять от сей яствы курячу ножку и, покушав несколько, положили обратно на блюдо. Да еще иную часть взять изволили? Господа, я приставлен к государичу государем, который объявил мне уважение, вручив наследника как залог будущего благоденствия народа нашего. Сам я, молвил государь, наблюдать за ним не могу, вручаю его вам, зная, что не столько книги, сколько пример будет служить ему руководством... *(Алексей наклоняется к Кикину и что-то шепчет на ухо. Кикин наклоняется и что-то шепчет на ухо Глебову)*. Вы, государич, изволили нечто тайное молвить на ухо Кикину, а тот, измешкав немного тоже, тайно молвил на ухо майору... Я приставлен наблюдать государем... Все замечаю...

А л е к с е й. Бог любит праведника, а царь любит ябедника

В я з е м с к и й. Дурно и непристойно за столом друг другу на ухо говорить при иных людях... Дурно тако же, как государич сделали... Части курячие, которые государич кушал, он положил на то же блюдо... Государич лучше, нежели я, знает, что для очистки тарелки поступить надобно иначе. Понеже обыкновенно объединенные кости на блюдо класть, а обыкновенно мечут их собакам. *(Алексей крепко берет ладонями голову Вяземского, с силой наклоняет ее, прижимает к себе и что-то долго шепчет на ухо. Вяземский пытается отстраниться, но Алексей не пускает. Наконец, видно сказав все, отталкивает)*. Скверными лаями лаял. Выбрал меня и жену мою, и дочь такую пакостною бранью, что терпеть нельзя.

А л е к с е й *(кричит)* Терпеть нельзя! Терпеть нельзя!

(Вскакивает, срывает с Вяземского парик, вцепляется в волосы, вытаскивает из-за стола и начинает бить остервенело ногами).

В я з е м с к и й. Убивают! Убивают!

А л е к с е й *(задыхаясь от гнева)*. Иуда! Я тебя под Штетином хотел убить до смерти... Жаль не заколол... Я тебя со двора собью... В дверь выбью. *(Глебов и Кикин пытаются унять царевича)*. Погодите, я его в дверь выбью. *(Тащит Вяземского за волосы к двери и ногой в зад выбрасывает вон. Затем пошатываясь возвращается к столу, садится, роняет голову на стол, сшибая при том тарелки и стаканы)*.

К и к и н. Кваску испей, Алеша, охладись.

А л е к с е й (*громко, истерично плача*). Иуда! Батюшка мой, да Толстой сего Иуду поставили за мной смотреть... Шага не дает свободного, вздоха свободного.

К и к и н. А чего и ты малого какого не держишь при дворе отца? Знал бы, что говорят.

А л е к с е й (*говорит с плачем*). Девяти лет разлучили меня с матерью моей и глядят, чтоб не виделся. Прошлый год на святой неделе ездил тайно в Суздаль, так дознались. С малолетства отдали меня под опеку Меньшикова. Иноземцам говорили: принца берегут, как девочку. А Меньшиков с малолетства меня пить приучил и еще мальцом возил к Жаксону наблюдать как случают жеребцов. (*Плачет*). Не знаю, нищим сделаться да с нищими скрыться на время? Или отъехать в какое царство, где приходящих приемлют и никому не выдают.

К и к и н. Я тебе говаривал, как вместе мы были в Карлсбаде, не езди назад. Говаривал тебе, когда-де вылечишься, напиши отцу, что еще на весну надобно лечиться, а меж того отъехал бы в Голландию, а потом, после вешнего кура, мог бы в Италии побывать и там отлучение свое года на два или три продолжить.

А л е к с е й (*утирая слезы*). И там за мной смотрели, гнев отцов и туда достает.

К и к и н. А был ли кто у тебя от французского двора?

А л е к с е й. Нет, от французского не были.

К и к и н. Напрасно ты ни с кем не виделся от французского двора и туды не уехал. Король человек великодушный. Он и королей под своею протекциею держит. А тебя ему невелико дело продержать.

А л е к с е й. Теперь уж что говорить. Был в Карлсбаде, лечился от простудной чахотки, а оную нажил при корабельных спусках. При слабом здоровье меня часами на морозе стоять заставляли и поили смертно.

К и к и н. Отец тебя уморить хочет, пока сам не умер. Так советники подсказали. Боятся, что после отца ты все по иному повернешь.

А л е к с е й. Да, по-иному поверну. Я старых всех переведу, а изберу себе новых по своей воле.

Г л е б о в. Отец еще не стар, но сильно и часто припадает, долго не удержится, не проживет, а с ним исчезнут и дела его.

А л е к с е й (*с горечью и злобой*). Не только дела его омерзели, но и сама особа его мне омерзела. Лучше б я на каторге был или в лихорадке лежал, чем там у него был. Я всегда, как на плахе. В Карлсбаде когда лечился, книги читал Бирониуша, кесаря римского. Сказано там: не кесарьское дело вольный язык унимать, да не кесарьское дело в Великий пост казнить. Да воинам чтоб народ не притеснять, чтоб не брать дров и постели у хозяев на квартирах.

К и к и н. Ты, Алеша, умнее отца. Отец твой, хоть и умен, но людей не знает. А ты умных людей знать будешь лучше.

А л е к с е й (*повеселев*). И то правда. Эх, други, быстрее бы время пришло без батюшки. Жить будем весело, свободно, по-русски. (*Кричит*). Иван!

Входит Яков Носов.

Я к о в Н о с о в. Иван Большой отлучился по нужде, а Иван Малый Никифора Кондратьевича пользует, понеже тот с лестницы пьяный упал и руку свихнул.

А л е к с е й (*смеется*). Яков, сбегай-ка в трактир и приведи спеваков. Да с гуслиями и скрипичей.

Я к о в Н о с о в. Слушаюсь. Внизу человек дожидается. Просил к вам, да я его не пропустил.

А л е к с е й. Кто таков?

Я к о в Н о с о в. Босой.

А л е к с е й. Это как — босой?

Я к о в Н о с о в. Кличут Босой и натурально сам босой. А на съестном рынке я указ читал к столбу прибитый: беснующихся, в колтунах, босых и в рубашках ходящих, не допускать и наказывать.

Г л е б о в. То, видать, Михайло Босый из Суздаля пришел. (*К Якову Носову*). Веди его сюда.

А л е к с е й. Пропусти сюда.

Наливают водки, чокаются, выпивают. Входит Босый, в старой монашеской рясе, перевязанной веревкой, с плетеным из лыка кузовом за плечами, босой.

Б о с ы й. Мир вам, царевич-батюшка. *(Крестится на иконы, затем к Глебову сердито)*. И ты здесь, майор? В ворота к тебе стучал, да солдаты со двора согнали и женка твоя також.

Г л е б о в. Ну не признали, Михайло. Ты не серчай. Это Михайло Босый, богомол из Суздаля. Здесь, Михайло, все свои.

Б о с ы й. Ежели так, мочно... *(Вынимает из плетеного кузова хлеб, разламывает его пополам и достает оттуда записку и кольцо)*. Вам, государь-царевич, от матушки вашей царицы Евдокии из Суздаля. Кольцо и память. *(Протягивает записку)*.

А л е к с е й *(торопливо хватает)*. Матушка моя родная! *(Читает про себя, затем вслух)*. "Олешенька! Когда Бог сочтет вас, вот мое обручальное кольцо на счастье. Простите. Бог с вами. Твоя мать Евдокия". *(Плачет)*. Матушка моя родная, любимая моя матушка. Уж сколько годов мы разлучены с тобой.

Б о с ы й. Посылает вам, царевич-государь, царица-матушка ваша также образ маленький Богородицы да платок, да четки, да молитвенную книжку, да две чашки, чем водку пьют. А изустно передать просила: ежели в чужие края уедешь, хорошо то сделаешь.

К и к и н. Ей, не дурна мать твоя, Алеша.

Б о с ы й. Был я дорогою у Авраама Попухина, брата вашей матушки, был в Ясной Поляне под Тулою, и передал он тебе бутылку домашней водки-рябиновки да письмецо маленькое при оной водке, однако письмецо, одумавшись, изодрал, а так велел передать, что Авраам-де гораздо печалится, что вы, царевич, к нему неласковы.

А л е к с е й *(вертя бутылку)*. Передай Аврааму, что я к нему доброжелательный. Чтоб он не сомневался. *(Наливает водку, пробует)*. А водка славная... Ну-ка, тебе, Босый, чашку за радостную вестъ. *(Наливает. Босый крестится и выпивает)*. Калачом да курячей ножкой закуси. *(Дает недоведенную куриную ножку. Босый ест с аппетитом)*. Да сапоги ему! Эй, Иван! Эй Яков! *(Входит Иван Большой)*. Иван, сапоги Босому. Пришел ты ко мне босый, а уйдешь в сапогах.

Б о с ы й *(быстро охмелев, кричит)*. Любо! Любо! Батюшка ваш недолго проживет. Я его издаля видел. Выглядит он упалым и лицо пухлое.

Входят три музыканта с гусями и скрипичей.

А л е к с е й. Вот и весела вечерина. Спевачи, вы откуда?
М у з ы к а н т с о с к р и п и ц е й. Мы бывшие императрицыны певчие. А ноне не по душе новому регенту, так по кабакам.

А л е к с е й. Ей, веселую! *(Музыканты играют, Алексей поет).*

Ты, крапива, ты, крапива, блядь.
Вы крапивны семена.
Кунью мою шубоньку облила.
Меня курвой, блядью оплескивала.

Б о с ы й *(приплясывая, поет).*

Ударил он девицу по щеке.
А пнул он девицу под гузно.
А баба задом пухла.
Тряси ее за пельки.
Пинай под гузно.

К и к и н *(смеясь, Босому).* Чего сапоги дареные не натянешь? В сапогах плясать веселей.

Б о с ы й. Болят у меня ноги. Есть на них раны. Я, как на стужу ходил, обертывал ноги тряпочками.

А л е к с е й *(поет).*

Взял бы ворону, — долгонося.
Взял бы сороку, — щепетливая, блядь.

Б о с ы й. Я множество по монастырям да по людным селам ходил, в приходские церкви. Народ, вас, царевич, обожает и пьет за ваше здоровье в семейном кругу. Духовенство о вашем здоревии молится Богу.

К и к и н. Был слух, что тебя, Алеша, в польские короли хотели. И венгерцы корону предлагали, да царь Петр отказал, не желая ссориться с Австрией.

А л е к с е й. Уж от русских людей я никуда. Уж лучше нищим в России, нежели королем в Венгрии. Уж лучше монахом.

К и к и н. Монахом можно, вить клобук не гвоздем к голове прибит. А ежели на плаху, то лучше: в чужие края.

А л е к с е й *(музыкантам).* Спевачи, что-либо заради души.

Музыканты играют и поют.

Ах, ты молодость, моя молодость. Ах, ты буйная, ты
разгульная.

Ты когда прошла-прокатилась. И пришла старость –
не спросилась.

Как женил меня родной батюшка,
говорила мне родна матушка.

Ты женись, женись, бесталаннй сын. Ты женись, женись,
мое дитяtko.

Как женился я, добрый молодец.
Молода жена не в любовь пришлась.

На руке лежит, что колодонька. Во глаза глядит,
что змея шипит.

А как душечка, красна девица, моя сладкая полюбовница,
На руке лежит – легко перышко. Во глаза глядит –
красно солнышко.

А л е к с е й (утирая слезы). Когда буду государем, то
жить стану в Москве, а Петербург брошу. Так же и корабли
брошу и держать их не стану. А войско держать буду только
для обороны. Войны ни с кем иметь не хочу. Хочу довольст-
воваться старыми владениями. Зимой буду жить в Москве,
летом в Ярославле.

Б о с ы й. Сказано, во имя Симона Петра имеет быть гор-
дый князь мира сего антихрист.

А л е к с е й. Спевачи, вот вам пять рублей, пропойте стих,
что отец мой икон не почитает и есть враг креста Христова.

П е в ч и й с г у с л я м и. Такого, государь-царевич, мы
сделать не можем, ибо страх имеем.

А л е к с е й. Это ныне батюшку боятся. А по смерти боять-
ся не станут. *(К музыкантам).* Играйте, играйте, игрец по-
дарю.

Музыканты играют.

И в а н Б о л ь ш о й (входит). Карета ее высочества царев-
ны Марии Алексеевны.

А л е к с е й. Денег взаймы просить приехала.

Входит царица Мария Алексеевна в сопровождении садового слуги.

М а р и я А л е к с е е в н а. Здравствуй, Алеша, здравствуй, племянничек. *(Троекратно целуется с Алексеем. К Босому.)* Здравствуй, Михайло. *(Босой кланяется.)* Здравствуй, Кикин! Мы с тобой с Карлсбаду не виделись. *(Смотрит на Глебова.)* Этого не припомню. Преображенец али семеновец? Я в военных мундирах не понимаю.

Г л е б о в. Из гренадеря, ваше высочество. Майор Глебов. Гвардия — те в зеленом сукне да с красными каблуками. Щеголи. Я ж обыкновенный, армейский. Езжу по городам да деревням, рекрут набираю.

Б о с ы й. В присусьи ставит рекрутов под мерку да лоб брет, вот и вся работа.

М а р и я А л е к с е е в н а. Ах, я тебя припоминаю. Это тебе царица Евдокия просила место Суздальского воеводы выплопотать?

Г л е б о в. Не знаю, чего она просила. Я не просил. У меня в Москве дом, жена, дети.

М а р и я А л е к с е е в н а. Видать, уж забыл ты, Глебов, Евдокию. И ты, Алеша, мать забыл. Не пишешь и не посылаешь ей ничего. Посылал ли ты после того, как через меня была посылка?

А л е к с е й. Вот с Михайлой Босым пошлю деньги. А писать опасуюсь.

М а р и я А л е к с е е в н а. А что, хотя бы тебе и пострадать. Так ничего, ведь за мать, не за кого иного.

А л е к с е й. Что в том прибыли, что мне беда будет, а ей пользы никакой.

К и к и н. Марья Алексеевна, садитесь, винца испейте али меду. Да закусите.

Мария Алексеевна садится к столу, Кикин разливает всем в стаканы. Выпивают.

М а р и я А л е к с е е в н а *(закусывая)*. Ноне нельзя жить. как жилось. Содержание малое стало. Вот повар мой Чуркин

знает. Он еще при царевне Татьяне Михайловне дворцовым поваром был. Скажи, Чуркин, хорошо ранее жилось?

Ч у р к и н. У царевны Татьяны Михайловны стряпал, у царевны Софьи Алексеевны стряпал. А ноне стряпаю вверху, живу неделю и добычи ни на копейку. Прежде сего все было полно, а ноне с дворца вывезли все. Кравчий ей, государыне, ставит продукт гнилой и кормит ее с кровью. Прежде всего по погребам было много рыбы, много и масла. Дворца приезжие говорили, что воняет. А ноне вот не воняет, ничего нет.

Г л е б о в (*захмелев*). Немецкий пруссак все пожрал. Да и породу русскую пожирает. Русский барин, под стать мужику, не знал простуды и неварения, по субботам хаживал в гие-ну, спал ровно на сквозном ветре и на лежанке, в горнице сиживал в тулупе, на двор в мороз бегивал в халате, квас пил на молоко, чай на репу. Вот я у отца своего с трех лет познакомился с ленивыми щами, с ботвиньей, с рубцами, с киселями, с кашами, с "няней". Знаешь, как "няню" приготовить, Чуркин?

Ч у р к и н. Как не знать, господин майор „Няня“ составляется из телячей головы, из гречневых круп, из свежего коровьего масла. Все кладется в горшок, замазывается тестом и ставится на сутки в печь. Потом из горшка выходит кушанье, в коем мудрено решить, что вкусней — каша или мясо.

Г л е б о в (*хмельно*). Правда, Чуркин. А почему же оно смешней котлетов с жабами? Спросить бы сие у наших англоманов да немцеманов. Алексей Нарышкин, острослов, хорошо на них придумал: англоман — клерк, французоман — стригун, немцеман — моренкопф. (*Смеется*). И на баб придумывает: красавица — жемчужина, дурная лицом — держи вправо, распутная — лоханка. (*Смеется*).

М а р и я А л е к с е е в н а. Ты уж, Глебов, пережил с лихвой..

Г л е б о в (*сердито и пьяно*). Может быть, я напрасно излагаю, но хотел бы предостеречь тех, кои, плохо зная русское, могут подумать, что дитя был людоед и кушал нянюшку. Следовательно, это просто объяснение в непросвящении, да и куда мне учить ученых. Я не философ, а русский, и если б не родился русским, то сокрушался бы, что не русский.

М а р и я А л е к с е е в н а. Кого ты, Глебов, упрекаешь? Здесь все русские.

Г л е б о в (*кричит*). Моренкопф! Ненавижу!

А л е к с е й. Иван, отведи майора в диванную, сними с него мундир да стащи башмаки. Пусть проспится. (*Глебова уводят*). Играйте, музыканты, играйте. Игрец получите. (*Музыканты играют*).

М а р и я А л е к с е е в н а (*Алексею*). Как у тебя с бабушкой?

А л е к с е й. Я уж не знаю. Я уж себя чуть знаю от горести. Я бы рад куды скрыться.

М а р и я А л е к с е е в н а. Куды тебе от отца уйти? Везде тебя найдут.

А л е к с е й. Отец мой, не знаю за что, меня не любит и хочет наследником учинить брата моего, а он еще младенец. И надеется отец мой, что жена его, а моя мачеха, умна. И когда учиня сие умрет, то будет бабье царство. И добра не будет, а будет смятение. Иные станут за брата, а иные за меня.

М а р и я А л е к с е е в н а. Кто за тебя станет?

А л е к с е й. Что тебе, Марья, сказывать. Ты их не знаешь.

М а р и я А л е к с е е в н а. Какого они чину?

А л е к с е й. Что тебе, Марья, сказывать, когда ты никого не знаешь.

М а р и я А л е к с е е в н а. Почему ж никого? Многих знаю. Да и меня можешь считать. Множество людей разного звания можешь считать.

А л е к с е й (*обрадованно*). Хотя бабушка и делает, что хочет, только еще как Сенат похочет. Чаю, сенаторы и не сделают, что хочет бабушка. И надежду имею на сенаторов, а на кого именно, ноне не скажу. И архиереи во множестве мои. И в гвардии да армии людей имею. И черный народ меня любит.

К и к и н (*с беспокойством*). Лишнее молвишь, Алеша.

А л е к с е й. Кто понесет? Я запрюсь, а его распытают. Бабушка уж не слушает, столько на меня правды и неправды плетут.

Ч у р к и н. Слыхивал я, на двести двадцатой версте от Москвы, во дворе у мужика, в хлеву, подгнилыми досками стоит котел денег.

М а р и я А л е к с е е в н а. Какого мужика?

Ч у р к и н. Это мне не известно.

М а р и я А л е к с е е в н а. Эх ты, чучело чухонское. Ты б лучше разузнал про иноземку Марью Велимову, фрейлину царицы Екатерины Алексеевны. Та, говорят, деньги в рост дает.

Ч у р к и н. Так ведь без закладу не даст.

М а р и я А л е к с е е в н а. Лихо, что закладу нет. Ты б так выпросил.

Ч у р к и н. За так не даст. Вон сахарница, у которой вы изволили выбирать сахару и конфекту на девять рублей, без денег не отдала. Мне сахару для сбитня надобно, а вы изволили запечатать сахар и после не изволишь брать.

М а р и я А л е к с е е в н а *(сердито)*. Что ты плетешь на людях вне ума? Вот сгоню тебя со двора. Поди сядь туда подальше.

А л е к с е й *(смеется)*. Он у тебя, Марья, на уме. Иван, подлей-ка Чуркину водки.

М а р и я А л е к с е е в н а. Ты мне его упоишь, в карету не вопрется.

А л е к с е й *(смеется)*. Ничего, довезем.

М а р и я А л е к с е е в н а. Было мне, Алеша, откровение, что брат мой, а отец твой возьмет мать твою к себе, и дети будут таким образом. Отец твой будет болен и произойдет некое смятение. Он придет в Троицкий монастырь на Сергиеву память. Мать твоя будет тут же. Он исцелеет от болезни и возьмет ее к себе. И смятение утешится. А Питербурх не устоит за нами. Быть ему пусто. Многие говорят о том.

Ч у р к и н *(сидя с Босым в стороне, хмельно)*. В немецкую слободу изволила поехать царевна Марья Алексеевна с царицей Прасковьей Федоровной смотреть двор, а на том дворе хозяйка пьяна была, у нее родины были. И государыня-царица Прасковья Федоровна изволили напрашаться кушать, и ее унимала царевна Марья Алексеевна, а она не изволила послушаться. Ездил во все те места, где изволила напрашаться на обед.

А л е к с е й *(кричит)*. Веселую, музыканты, веселую, спеваки!

Музыканты играют и поют.

Курочка бычка родила.
Поросеночек яичко снес.
На высокоу поличку вознес.
Безрукий клеть обокрал.
Глухому в окно подавал.
Безносый табак нюхал. Безгубый да трубку курил.

А л е к с е й. Давай, Марья, плясать. *(Алексей и Марья Алексеевна пляшут.)*

М а р ь я А л е к с е е в н а *(поет).*

У Спаса на Чегасах за Яузою
Живут мужики богатые.
Гребут золото лопатами.
Чисто серебро лукошками.
Ну а кашу едят ложками.

А л е к с е й *(поет).*

А тпру — тпру — тпру.
А тпр — тпр — тпру.
Не вари кашу круту.
Вари кашу жиденькую, вари мягонькую

Я к о в Н о с о в *(входя).* Камер-курьер его императорского величества господин Сафонов.

Музыка и пение обрываются. В тягостной тишине военным шагом входит курьер в мундире офицера-преображенца. Подает Алексею письмо и бумагу для росписи. Алексей расписывается. Курьер по-военному поворачивается и уходит.

А л е к с е й *(вскрывает письмо и читает).* Батюшка-государь в Москву едет.

К и к и н *(после паузы).* Ложись, Алеша, в постель, скажись притворнобольным.

А л е к с е й *(подходит к столу, опускает голову на руки).* Что я здесь такого наговорил? Как же я теперь отцу в глаза посмотрю?

З а н а в е с

Сцена 2

Та же столовая комната в теремных покоях кремлевского дворца. Утро. За столом, укрытым малиновой бархатной скатертью с золотыми кистями, сидит государь Петр Алексеевич в старом зеленом кафтане с небольшими красными отворотами. Поверх кафтана кожаная португеза. На ногах зеленые чулки и изношенные башмаки. Рядом на стуле лежит его старая шляпа. Перед Петром, опустив голову, стоит Алексей в черном сюртуке, в черных шелковых чулках, при шпаге.

П е т р (*сгоречью*). Зон, уразумел ли в конец, про што я ныне с тобой уж более часа беседую? Уж сколько лет недоволен я тобою таковым. Какого же злого нрава и упрямства ты исполнен. Сколь много за сие тебя бранивал и не только бранил, но и бивал и к тому ж столько лет почитай не говорю с тобой, но ничего сие успело, ничего не пользуется, но все даром, все на сторону, ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться.

А л е к с е й (*не поднимая головы*). Я не виноват, государь-батюшка, что таковым родился. Природным умом не дурак, но труда понести не могу из-за болезней моих, а сие в руках Божьих.

П е т р. Не трудов требую, но охоты желаю, которую никакая болезнь не отлучит. Бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил. К тому ж немало есть людей несравненно болезненней тебя. Брат мой Иван болезненней был. Ты же, хоть не весьма крепкой породы, но и не весьма слабый. Я с горечью размышляю и заключаю, что не в болезни телесной суть. Не болезнь виной, что ничем не могу тебя склонить к добру. Большие бороды тебя принуждают. Большие бороды, которые ради тунеядства своего ныне не в авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен, али в Москве, али в Суздале, али в ином месте.

А л е к с е й. С Суздалем делов не имею, в том поклясться могу.

П е т р. Что приносишь клятву, тому верить невозможно. К тому ж, по Давидову слову — всяк человек — ложь. Сын мой, чем воздаешь рождение отцу твоему? Помогает ли ты в та-

ких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи! *(Зовет)*. Орлов! *(Входит денщик Петра Иван Михайлович Орлов, рослый, плечистый, в мундире преображенца)*. Орлов, поклещь сюда учителя царевича, Вяземского.

Орлов. Слушаюсь, государь. *(Выходит.)*

Петр. Истинно святой Павел пишет: „Безумный радуется своей бедою, не ведая, что может от того следовать“. *(Входит Вяземский с перевязанной рукой, кланяется Петру и целует у него руку)*. Расскажи, Никифор Кондратьевич, как царевич время свое проводит в обыкновенном своем неплотии.

Вяземский. Пресветлейший государы! Стремился чувствами в сердце его высочества государича насаждати, дабы внушить ему отвращение к мерзостям, и почитал, что надлежит особливо его высочество от злого товарищества остерегати, учиняющие дела злодетельные и злой приклад подать могущие. Его высочество, однако ж, к таковым людям соблазны имеет, ко всякой противости и жестокосердии.

Петр. Приятно ли мне сие слышать, сын мой? Обозрюсь на линию наследства, горесть меня снедает, видя в тебе наследника весьма на правления дел непотребного, понеже я смертный человек и не сегодня-завтра могу умереть. Я каждодневно встаю в пять утра и тружусь. Ты же никакого труда не терпишь, ни мирного, ни военного, ищешь же легкие забавы, которые только веселят человека. Гляди, в сией одежде, в которой я перед тобой, разгромил я Карла Двенадцатого на полях Полтавы. Сия шляпа пулей шведской пробита, от головы на сантиметр прошедшей. Погибнуть, разумеется, можно всяко. Можно подавиться и свиным ухом. Я не советую лезть в опасности, но получать деньги и не служить — стыдно. *(К Вяземскому)*. Ты, Никифор Кондратьевич, можешь удалиться. *(Вяземский вновь целует Петру руку и выходит)*. Я не научаю, чтоб охоч был воевать без законных причин, но любить воинский труд надобно.

Алексей. Отец, война тягости на русский народ кладет. Народ русский по миру скорбит.

Петр. Не от сих ли мыслей и греки древние пропали, что

оружие оставили и единым миролюбием побеждены. Всем известно, что перед начинанием сией войны наш народ был утеснен от шведов, которые перед нами занавес задернули и со всем светом коммуникации пресекли. И того сподобилось видеть, что оный неприятель, от которого трепетали, от нас ныне трепещет. Я, коли на трон сел, гораздо моложе годов твоих, о реформах не задумывался. Меня к реформам сам швед подвинул. С крымским татаринцом на юге стрелец воевать мог, а со шведом на севере не стрелец, солдат нужен. Нужно войско не русского строя, а строя иноземного. Для того и послал я тебя, наследника, в Германию, ты же мало привез немецкого чувства и права.

А л е к с е й. Куда уж больше немецкого. В нашей армии из тридцати одного генерала четырнадцать — иноземцы. Я, отец, тоже любитель реформ, однако той реформы, которую хотел вести и царь Алексей Михайлович, и царь Федор. Реформы, которые не одно лишь хозяйственное и военное подразумевали, но и помнили о нравах национальных, о душе народной.

П е т р. Понимаю, понимаю, узнаю слова твои. Видно, что большую часть времени своего проводишь ты с московскими попами и дурными людьми. Сверх того, предан пьянству.

А л е к с е й. Не во всяком несогласии попы да пьянство. Мы — славянский народ и жить должны в мире славянском. Для нас, русских, не Германия да Голландия — запад, а Польша, и науки да философию европейскую нам через Польшу брать надобно, чтоб нешляхетские науки: артиллерия, лоция, фортификация смягчались науками греческого и латинского языка, риторикой и священной философией. Нравственности нашей национальной потребно греко-латино-польское просвещение, а не ремесло немца и голландца.

П е т р. Вот чему тебя твои ученые киевские старцы научили, вот кому ты в рот смотришь, как молодая птица. Без немецкого и голландского ремесла нам шведа не одолеть, нам Европы не одолеть. И разве не учились в древности у чужеземцев, разве не звали норманов на Русь? Твои киевские старцы да прочие подобные русскому народу "аллилуйя" все поют. Для чего? Для него ли, для своей ли пользы? Нет, не то дол-

жен понимать честный правитель. Приходится насаждать в нашем русском грубом, праздном народе науки, чувства храбрости, верности, чести. Надо много трудиться, чтоб хорошо узнать народ, которым управляешь.

А л е к с е й. Я к такому труду и такому правлению не годен.

П е т р (*сердясь*). Того ради так остается, что желаешь быть ни рыба, ни мясо. Или отмени свой нрав и нелегально удостой себя наследником или будь монах. Ибо без сего дух мой спокойным быть не может, а особливо, что ныне мало стал здоров.

А л е к с е й. Желая монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения.

П е т р (*смотрит на сына*). Алексей, одумайся, не спеши. Восемнадцать лет служу я сему государству и никогда не просил, чтоб дома оставаться, яко дитя. Ты ж просишь. Монастырь — это молодому человеку нелегко. Вот скоро в Амстердам еду, пиши ко мне и приезжай. Пиши, что хочешь делать. Лучше бы взялся за прямую дорогу, нежели в чернецы. Подожду еще.

А л е к с е й. Ничто иное донести не имею. К тому правлению, которое вам видится, не потребен, сие снова вычел ныне из разговора. Потому, если изволите, лишите меня короны российской.

П е т р (*все более становясь гневлив*). Снова лицемеришь, снова слова мои разнес ветер. Не ныне ты сие решил, а ранее с товариществом своим московским да суздальским. Уподобляешься рабу евангельскому, вкопавшему свой талант в землю, сиречь все, что Бог дал — бросил. Или того хуже, ненавидишь дела мои, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю. Да, ненавидишь и, конечно, разорителем оных будешь. (*Лицо Петра искажается судорогой*). Если так, я с тобой, как со злодеем поступлю! И не мни себе, что один ты у меня сын. Воистинно исполню, ибо за мое отечество и людей живота своего не жалел и не жалею, как же могу тебя непотребного пожалеть. Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный. (*Петр идет к дверям быстрым, нервным шагом*,

волоча за собой левую ногу, припадая. В дверях появляется денщик Иван Орлов. Петр опирается на его плечо, оборачивается к Алексею). Отсеку, яко уд гангренный!

Петр уходит, Алексей тяжело валится в кресло, сидит неподвижно, бледный, изнеможенный.

А л е к с е й (после паузы, сам к себе). Отношение меж мной и отцом — меж жертвой и мучителем. Это нет большего мучительства, чем требовать изменить природу. Надо бежать. Бежать из России за границу, чтоб не выбирать между монастырем и пленником при отце. (Встает, ходит по комнате). Но бежать, разве легкое дело? Как бежать, куда? А ежели узнают и поймают? А не поймают, то как примут на чужой стороне чужие люди? Как жить? Всем тяжело, а мне тяжелее всех. Повиноваться отцу надо, когда отец требует хорошего, а в дурном, как повиноваться? Где сему конец? Что из этого всего будет? Сказывают, у отца эпилепсия, а такие люди недолго живут. Говорят, лет пять, больше не жить. Одначе и я летами немолод. Жил бы и пошел в монастырь, а может быть, чтоб до того и умер. (Останавливается у стены, где на персидском ковре развешано оружие). На что ж такие длительные мучения? Взять пистоль, вложить пульку. Кикин говорит, отцова болезнь — более притвора. Это означает долгие годы мучений. (Приставляет пистолет к виску). Нет, страшно. Похоронят где-либо на церковном погосте, за оградой. (Отнимает пистолет от виска, приставляет к ладони. Затем берет пистолет в левую руку). Сие верно умыслил. Испорчу себе правую руку, чтоб невозможно было оною ничего делать. С калеки иной спрос. Все одно страшно себя калечить, больно телесам причинить. Одначе молитвою к святому Алексею боль облегчу. (Шепчет). О, угодниче Божий! Не забуди и тезоименника твоего. Ты оставил еси дом твой. Он так же по чужим домам скитается. Ты удалился еси родителей. Он такоже. Молю убо, святче Божий! Покрой своего тезоименника, покрой его в крове крыл твоих, яко любимого птенца, яко зеницу от всякого зла соблюди невредимого. (Нажимает курок. Выстрел. Алексей падает, роняя пистолет. Вбегает Иван Большой).

И в а н Б о л ь ш о й *(испуганно)*. Царевич-батюшка убили себя.

А л е к с е й *(открывая глаза)*. Святой Алексей спас меня.

И в а н Б о л ь ш о й *(крестится)*. Тешимся и возрадуемся счастливому спасению.

А л е к с е й. Плыл я волнами печалей, надеясь получить радостную тишину за гробом, иначе святой Алексей иное рассудил. *(Смотрит на руку свою)*. Пулька руку миновала, иначе ж порохом больно опалила. *(Морщится)*. Пошли за Кикиным и отцом Яковом.

И в а н Б о л ь ш о й. Кикин внизу в кремлевском огороде дожидается. Пока вы с батюшкой беседовали, он там все время дожидался подалье, в кустарнике. *(Помогает Алексею подняться)*.

А л е к с е й. Пусть ко мне идет. Духовник мой Яков Игнатьев в Белом городе живет на Никитской. За ним карету пошли.

И в а н Б о л ь ш о й. Слушаюсь. *(Идет к дверям)*.

А л е к с е й. Погоди, Иван. Не скажешь ли кому, что буду говорить?

И в а н Б о л ь ш о й. Не скажу, государь-царевич.

А л е к с е й. Я не к батюшке в Амстердам поеду. Поеду к цесарю в Вену али в Рим.

И в а н Б о л ь ш о й. Воля ваша, государь, только я вам не советник.

А л е к с е й. Для чего?

И в а н Б о л ь ш о й. Того ради, когда вам удастся, то хорошо, а не удастся — вы же на меня будете гневаться.

А л е к с е й. Однако ж ты молчи и про сие никому не сказывай. Только у меня про это ты знаешь да Кикин. Для меня он в Вену проведывать поехал. Ты ж сундуки укладывай. Шубы не забудь покласть да алмазы.

И в а н Б о л ь ш о й. Ежели дознаются, ведь распытают здесь нас. *(Вздыхает.)* Вы мне, царевич, аттестат подпишите о поведении. У меня намерения уехать нет. Жаль мне оставить жену, также отца, мать и брата. Яков Носов один пусть едет, я ему денег ссужу, если потребно.

А л е к с е й. Иди, иди поскорей, зови Кикина да духовни-

ка. (Иван Большой уходит. Алексей, морщась, трет опаленную ладонь, ходит вдоль стен, останавливается). Вон она, пулька. В стене застряла. (Морщится). Однако порохом больно опалило.

Торопливо входит Кикин.

К и к и н. Чего ты учинил, Алеша?

А л е к с е й. Уже позади. Учинил, понеже страх имею перед батюшкой, но не сыновский. Хотел себя убить, понеже смерти отца не дождусь.

К и к и н. Отец твой не болен тяжко. Он исповедуется и причащается нарочно, являя людям, что гораздо болен, а все притвора. Что ж причащается, у него закон на свою статью.

А л е к с е й. И я исповедаться хочу. Послал за отцом Яковом.

К и к и н. Хорошо. Отец Яков тебе дурное не посоветует.

А л е к с е й. Может, верно, испросить у отца до смерти себе пропитание. Я уж и монастырь присмотрел, тихий, в лесах, на берегу Волги. Желтиков-Тверской монастырь.

К и к и н. Как же Афросинья?

А л е к с е й. Афросинья недалече жить будет в деревне.

К и к и н. Отец тебя не пострижет, а будет при себе держать и возить, чтоб от волокиты умер. Тебе, кроме побегу, спастись ничем иным нельзя.

А л е к с е й. Отец зовет ехать к нему за границу, как он поедет.

К и к и н. Что ж, сам отец отворил дорогу. Поезжай в Вену, к цесарю, там не выдадут. Спрашивал меня резидент наш Веселовский про тебя, я ему сказывал: сам знаешь, что его не любят. Одначе Веселовский, чую, в Россию вертаться не хочет, потому тебя не покроет, чтоб Петра на себя не озлоблять излишне. Потому с секретарем вице-канцлера Шенборна говаривал, заплативши ему. По его докладу понял, что цесарь примет тебя, как сына. Вероятно, даст денег, тысячи по три на месяц гульденов.

А л е к с е й. А до Вены-то как с челядью доберусь? Денщик

отца Орлов Иван Михайлович мне говаривал, что нас только до Данцинга выпишут и деньги також до Данцинга. За Данцингом он меня встретить должен.

К и к и н. У Меньшикова проси тысячу червонных. Он даст. Сенат две тысячи рублей выпишет. А пять тысяч червонных да две тысячи мелкими деньгами я уж занял под тебя в Риге у обер-комиссара Исаева.

А л е к с е й. Выходит, с деньгами управимся. Но когда ко мне будут присланные во Гданьск или Королевец, что мне делать?

К и к и н. Уйди ночью один с Афросиньей и возьми одного детину верного. А багаж и людей брось. Отцу ни в чем не верь. Он тебя заманит и публично голову отсечет. Я к тебе более не прииду и ко мне ты более не езд. За мной смотрят другие, кто ко мне ездит. Я повсюду говорить буду, что ты на меня сердит. Мне в отчистку будет. В день Святого Петра в летнем огороде гулянье, многих повидаю. Ты мне в Петербург письмо напиши, что к батюшке в Амстердам едешь, а ежели на меня суснет будет, что о твоём побеге знал, то я объявлю письмо твое, что и меня ты обманул. Прочие письма пиши циферью, какую для тебя дяк Воронов изготавит на медной пластине.

А л е к с е й. От Гданьска безлюдно поеду. Как бы не убили дорогой.

К и к и н. Зря болтают. Там не только такой знатной персоне, но когда я ежжал на почтах, страху не было. Не то, что у нас повсюду дурачества да разбои.

Входит Яков Игнатов. Алексей целует ему руку. Яков целует Алексея в лоб. Кивает Кикину, тот выходит.

Я к о в И г н а т о в. Кем ты меня считаешь?

А л е к с е й *(опустившись на колени)*. В сим житии иного такого друга не имею, подобно вашей святыне. В чем свидетель — Бог. Не имею во всем российском государстве такого друга в скорби и разлучении, кроме вас.

Я к о в. Ты забыл страх Божий и обещания перед Богом и перед святыми Его ангелами и архангелами, когда перед

исповедью твоей я спросил тебя перед святым Евангелием, будешь ли заповеди Божии исполнять, предания апостольские и хранить меня не как друга твоего, пусть и наилучшего, а как отца твоего духовного. Я тебе отец, а не царь. Он телом, я духом тебя родил. Ты должен почитать меня за ангела Божия и апостола, иметь за судью дел твоих. Хочешь ли ты меня слушать во всем, веруешь ли, что я, хоть и грешен, но такую же имею власть священства от Бога, мне, недостойному, дарованную, и ею могу вязать и решать, и хочешь ли во всем повиноваться и покоряться? *(Протягивает „Евангелие“.)*

А л е к с е й *(на „Евангелии“)*. Заповеди Божии, предания апостольские, все с радостью хочу творить и хранить, и тебя, отца моего духовного, буду почитать за ангела Божия, за апостола Христова и за судию дел своих иметь, священства твоего, власти слушать и покоряться во всем.

Я к о в *(делает Алексею знак встать с колен, берет его об руку)*. Никаких сделок с царем Петром. Во всем личный призыв одного. Единственная возможность в исправлении зла — устранение этого человека. *(Говорит мягче)*. Народ почитает его за антихриста. Однако оба мы с тобой, Алексей, образованные люди, понимаем, что царь Петр не антихрист. Простой человек и существование его должно прекратиться обыкновенным человеческим путем.

А л е к с е й. Каюсь, я смерти отца желаю.

Я к о в. Бог тебя простит. Мы все желаем ему смерти, для того что в нашем народе тягости много. Про что отец тебя спрашивал? Про меня спрашивал?

А л е к с е й. Нет, об этом не знает. Боится одного — связей моих с Суздаем.

Я к о в. Кикин сказывал, едешь ты.

А л е к с е й Еду. Страшно мне, отец. Но ведь и сын великого князя Дмитрия Донского в Литву сбежал. И все ж страшно. Если у цесаря случая не будет, то ехать придется к Папе Римскому.

Я к о в. Ты, Алексей, не бойся. Ты стоишь за общее дело. За тобой народ наш русский, угнетенный, у которого ныне одна надежда на отдых в будущем твоём царствовании. Поезжай с Богом. *(Крестит Алексея)*.

З а н а в е с

Сцена 3

Суздаль. Покровский девичий монастырь. Келья бывшей царицы Евдокии Федоровны, ныне монахини Елены. В келье несколько сундуков для хранения одежды и прочая мирская мебель. Евдокия одета не по-монашески, в телогрейке и в повойнике. Молится перед двумя иконами.

Е в д о к и я *(шепчет)*. Батюшка, мой свет. Благодетель. Подай мне, батюшка, помощи. Только я на тебя надеюсь. Где твой разум, тут и мой; где твое слово, тут и моя голова, все всегда по воле твоей. Прошу слезно у тебя и молю неутешно. Ох, свет мой, ох, душа моя, ох, сердце мое надсело по тебе. Уж мое проклятое сердце да много наслышало. Нечто тошно, давно мне все плакало. *(Хватает себя пальцами за лицо)*. Все плакало. *(Плачет)*. Лучше бы у меня душа с телом разлучилась, нежели мне было с тобой разлучиться. Кто мя, бедную, обиде? Кто сокровище мое украде? Кто свет от очей отым? Кому ты меня покидаешь? Кому ты меня вручаешь? Не покинь же ты меня, ради Христа, ради Бога! Прости, прости, душа моя, прости, друг мой. Целую тебя во все члены твои.

Входит старица Каптелина.

К а п т е л и н а *(кидается к Евдокии, лежащей ниц перед иконами)*. Матушка! Пошто так плачете горько, неутешно. Матушка, царица Евдокия Федоровна. Бог поможет.

Е в д о к и я. Ох, Каптелина, Каптелинушка. Рада была бы я смерти, да негде взять ее. Пожалуй, помолись, чтоб Бог мой век утратил. Что мне делать? Молюсь в купе Богу и святителю Николаю, да Бог, видать, мое лукавство знает, что думаю я о Степушке и ему молюсь. Помолись за меня, Каптелина, за грех мой.

К а п т е л и н а. Может, оттого Бог не слушает, что по пострижению здесь в Суздале, в Покровском монастыре в иноческом платье ходили вы, матушка, с полгода и, не восхотя быть инокою, оставя монашество и скинув платье, живете, матушка, в монастыре, под видом иночества, мирянкою.

Е в д о к и я. У тебя в келье, Каптелина, меня постригли, и знаешь же, что мяса я не ела — правильно исполняла монашество и не помнила себя царицей, а была старицей Еленою. А как начал архимандрит Диосифей мне о гласах от икон говорить, что буду опять я царицею на Москве, так сняла чернечное и одела мирское. Две иконы Диосифей принес, велел перед ними класти по несколько сот поклонов. Чуть не задушилась, поклоны кладучи. А лучше монашкой быть мне, чем ныне от тучи погибать. Ох, свет мой любезный, папушка моя, не дай мне с печали умереть. Пью ноне чашу горькую, не разбирая ни скоромных дней, ни среды, ни пятницы.

К а п т е л и н а. Заявится Стефан Богданов-Глебов.

Е в д о к и я. Ты так о нем не моги. Он не любит, коли ты его Стефаном кличешь.

К а п т е л и н а. Глебов, видно, мечту имеет, привас, матушка, сделаться новым Меньшиковым — князем, как вы воссядете в Москве.

Е в д о к и я (*сердито*). Черт тебя спрашивает. Уж ты и за мной примечать стала. Я знаю, Степашенька — человек честный. Будет ли мне с его бесчестье? Пошли-ка лучше ты карлицу Агафью за архимандритом Диосифеем. Распытать его хочу, отчего уж год видения его не делаются, чтоб мне царицей в Москве быть.

К а п т е л и н а (*зовет*). Агафья! Агафья! Сызнова, видать, в монастырский пчельник пошла... Агафья! (*Входит карлица Агафья*). Ты чего пропадаешь?

А г а ф ь я (*целует руку Евдокии*). Не слышала, читала миеи-читье.

К а п т е л и н а. Врешь, к новому службе, к солдату в пчельник бегаешь. Не клянись да не крестись, блудная.

А г а ф ь я. Пошто мне креститься, у меня и молитва не идет. Недавно в гости поп заезжал из Царицына али из Карамышанки. Говаривал, что иегумен Спасокого монастыря передал, прислан-де указ из Синода, чтоб служить в православных церквах на ерусалимских опресноках. А мне и во сне виделось, будто ж пришел в церковь некакой господин, будто ж с ерусалимскими опресноками и молвил: "Сотворю волю цареву"

Потому читала это я в минее-читье житие Федора Студита, там именно повествуется, как-де в бытность его Федорову царь-от такожде, как ноне наш государь, постриг жену свою а иную взял.

Каптелина *(глядя в окно)*. Ктой-то явился.

Евдокия *(радно)*. Степушка... Сбылось, сбылось. Степушка явился. *(К Агафье.)* Вот тебе гривна... Иди, иди в свою келью... Иди телогрей кроить. *(Агафья уходит)*.

Каптелина. Глебов на телеге не явится. Это мужики соль в поварню привезли. А гляди, не одни сами мужики, и Михайло с ними. Михайло Босый воротился из Москвы. Гляди, пошел босый, а вернулся в сапогах.

Евдокия. И то радость. Может, радость за радостью чередой пойдет. Где Агафья?

Каптелина. Вы же ее, матушка, услали.

Евдокия. Пойди за ней. Пусть мне отца Диосифея пришлет. Али сама за ним сходи. *(Каптелина уходит. Евдокия ходит по келье)*. Ежели уж сам не явился, хоть бы что через Босого передал свое... Степушка, пришли мне свой камзол, кой ты любишь. Уж я-то его исцелю. Пришли мне свой кусочек, закуся. Уж я-то его обглодаю.

Входит Босый.

Босый. Здорова была мне, матушка-царица. *(Кланяется.)*

Евдокия *(горлоливо)*. К Глебову ходил? К майору?

Босый. Глебов ворота не отворил да во двор не пустил. Да солдат выспал меня бранить, да сердиту жену выспал бранить.

Евдокия. И не видывал майора? Я ж ему послала бахромы на камзол шесть аршин да два мыла, да сорочки с порты турецкой.

Босый. Отдал все и видывал в доме у сына вашего его величества царевича. Царевич мне и сапоги подарил, и напоил-накормил.

Евдокия. Как Олешенька-то?

Босый. Печален. Отец его постричь хочет, а оттого царевич уйти хочет.

Е в д о к и я. Ежели уйдет, то хорошо. Там ему будет лучше, чем при отце.

Б о с ы й. Недолго ходить будет. И вам, матушка, в монастыре недолго жить. Так весь народ мыслит и по церквам вас за здравие царицей поминают. Яко не подобает монаху царствовать, не подобает и ей, Катерине, на царствованьи быть. Ведь она не природная, не русская.

Е в д о к и я. Ты, Босый, ежели хочешь, можешь снова в чулане жить при моей келийной церкви. А хошь, к брату моему иди, Аврааму Лопухину, в мещерские деревни его.

Б о с ы й. Я у него в тульских деревнях бывал. В Ясную Поляну заходил. От него подарки вам — шапка козглая соболья да шапка польская соболья. Да пятьдесят рублей от царевны Марьи, а от сына вашего царевича двести рублей.

Е в д о к и я *(радостно принимая подарки и деньги)*. Все наше, государево. Государь Петр Алексеевич за мать свою воздал стрельцам, а и сын мой из пеленок вывалился, за мать свою воздаст.

Б о с ы й. Дай Господи, после смерти государевой, царицей вам быти с сыном вместе. Когда царевич будет царствовать, нам буде добро. А нынешняя царица иноземческого поколения. В апокалипсисе сидит жена любодейца на семи холмах, в руке держи чашу пьяну крови святых. Это государыня Екатерина Алексеевна сидит на семи холмах, на семи смертных грехах.

Входит Диосифей.

Е в д о к и я. Вот, архимандрит Диосифей, пророчествуешь мне царицею быть, а отчего не делается сие, не ведаю.

Д и о с и ф е й. Послышал я, царица-матушка, что в великую печаль тебя привел. *(Целует ей руку.)*

Е в д о к и я. Звала распытать — отчего не сделалось. Я уж поклоны перед вашими иконами кладу по несколько сот в день. Чуть от поклонов не задушилась.

Д и о с и ф е й. Ей, не лгу. Бог слышит твои простертые молитвы и добрые намерения.

Е в д о к и я. А почему ж не учинилось?

Д и о с и ф е й. За грехи отца твоего, Федора Лопухина. Отец твой в аду. Моими молитвами от огня освобожден, но черт держит его за ноги. Видел я из ада выпущенного до пояса, а нынешний год уж только он по колени в аде. Как выпустят его из ада — царь умрет.

А г а ф ь я *(незаметно прокравшаяся)*. А протопоп Симеон в Суздале говаривает, что царь царицу-матушку постриг за супротивное.

Е в д о к и я. Для чего он, вор, такие слова говорит. Знает, ведь, что у меня сын жив и ему заплатит.

Д и о с и ф е й. Было мне, матушка, новое видение. Ездил я в Толгский монастырь, в Ярославль, а обратно ворочась, поехал было в село Опково лошадей покормить. А на полпути пристал Димитрий и возвратил. В те часы вместо нас разбойники иных побили и ограбили. А нас он, свет, охранил. Царевич Димитрий, который при Годунове в Угличе зарезан. Рек Димитрий, что скоро свершится. Уж долго не будет. Зело скорбит неутешно, что продолжается. Послан иным во охоронение народу русскому. Про тебя же, царица-матушка, рек. Аз да аз, да живет в кругу. Значит, рек, царица Авдотья жива. И будет известие про пустынников. Тебя же, матушка-царица, пустынницею назвал.

Е в д о к и я. Как же мне угличского царевича молить?

Д и о с и ф е й. Ты не его моли. Ты нищим да убогим поболее давай, так ему будет угодно. Я нищих и убогих привел, внизу ждут.

Е в д о к и я. Хоть пять мешков денег раздам, лишь бы сделалось.

Б о с ы й. В старопечатной книге Кирилловой сказано: антихрист ложно Христом призовется. И так сбылось уж. Антихрист, воссевший на царский престол, стал именоваться Христом.

Д и о с и ф е й. Бывало, молят за царя Петра Алексеевича, а ныне стали молить за императора Петра Великого. Отечество уже не поминается. А в архиереи вместо русских иноземцев-малороссов всюду назначил, старопечатные же книги новопечатными заменил.

Б о с ы й. Антихрист не может о старопечатных книгах слышать. Патриарх ему книгу показал, а антихрист на него палашом замахнулся, да сам упал. Поднял его Александр Меншиков, а по поднятии молвил антихрист ко всем: "Не будет вам патриарха".

Д и о с и ф е й. Когда был патриарх на Вербной неделе, живали у них, патриархов, лошадей государи, и как здравствовал государь-царь Иоанн Алексеевич, в такое время приказывал брату своему Петру Алексеевичу: ступай-де со мной, веди у патриарха лошадь. И брат-то Петр не повел, а Иоанн Алексеевич и ударил его за то. Сие установили святые отцы, сказал старшой-то брат меньшому, а ты того не хочешь делать. Дай только мне сроку, ответственвал на то Петр, я это переведу. Да вот и точно, по-своему и перевел.

Е в д о к и я. Где уж ему патриарха любить, ежели он жону свою законную не любил. С ранней молодости – бродяга. В дом свой не ходил, ночевал, где придется, то в полковом дворе, то в немецкой слободе. Немецкая слобода его и смутила. Девица Монсова, виноторговца. Помню, когда я Олешенькой разрешилась, то рад был и в сию честь фейерверк запалил. А уж через полтора года, когда Александром разрешилась, пожившим недолго, то уж не рад был.

А г а ф ь я. Матушка-царица, нищих да убогих запускать в келью али назад на паперть отсылать?

Е в д о к и я. Запускай, Агафьюшка.

Входят нищие и убогие, охая, кряхтя, осеняя себя судорожно крестным знаменем. Слышно: „Матушка наша... Царица-заступница“. Слышен плач.

Е в д о к и я (*раздавая деньги*). Что плачете-то?

С т а р у х а -нищая. Матушка-заступница, то давали при погребениях душу отводить, ноне же воспрещено выть при погребениях и бедным воспрещено просить милостыню. Так хоть здесь от умиления поплачу.

Н и щ и й. Матушка-царица, скажи-научи, можно ли ныне в церкви ходить?

Е в д о к и я. А почему ж нет?

Н и щ и й. Как же быть, ведь церкви Божии осквернены антихристовою скверною. Не могу молиться за антихриста, что ныне императорм прозывается. и за слуг его.

Д и о с и ф е й. Мы церкви святой водою покроем, так и ничего будет.

В т о р о й н и щ и й. Все одно. Слух был, немного жить свету, в пол-пол-осьмой тысяче конец будет.

Нищие толпятся, толпой лезут к Евдокии, кричат, плачут: „Конец, конец будет миру-то!“ Босый и Каптелина стараются оттеснить нищих. Евдокия, отступая, роняет мешок с мелкими деньгами, они рассыпаются. Нищие начинают подбирать, толкаясь.

Н и щ а я *(кричит громко)*. Ой, тошно мне! Ой, тошно мне! *(Платок с нее свалился, и она вдруг залаяла по-собачьи, а потом упала в судорогах)*.

С т а р у х а - нищая *(тихо и умиленно)*. Родимчик у неи... Падучая... Как услышит запах ладана али в церквах запоют херувимскую али достойную, либо вынесут дары, также лает собакой, либо лягушкой квакает, либо так воет, так визжит да стонет.

Б о с ы й *(нищим)*. Тащите, тащите кликушу... Вон царицу напужали. Идите на паперть.

Д и о с и ф е й. Иди на паперть, народ. Сейчас на паперти деньги давать будут.

Нищие уходят.

Е в д о к и я. Страхи-то какие! *(Крестится.)*

Д и о с и ф е й. И на народ порча. Уж нищие иные с бритыми бородами ходят. Я б не благославлял в церквах, кто является в блидоносном образе, с бритой головой. На страшном суде будут они не с праведниками, украшенными бородой, а с обратными еретиками.

Б о с ы й. Был патриарх, он печаливался за опальных, утолял кровь. Ныне ж царь сколько колоколов со звонниц поснимал. Издавна известна нелюбовь демонов к колокольному звону. Ибо колокола есть защитники народа и сокрушители демонов.

Д и о с и ф е й. Царь Петр на Бога наступил. Монастыри при-
тесняет, монахам деньги свои иметь не велит.

Б о с ы й. Царь греческий Ираклий отобрал от церкви зла-
то. Но мед обратился в золото.

Д и о с и ф е й. Патриарха убрал и полатынил всю нашу хри-
стианскую веру. *(Крестится)*. Пойдемте, матушка-царица
Евдокия Федоровна.

Е в д о к и я. Каптелина, ежели меня спрашивать будут, ска-
жи, я в Благовещенской церкви. Вы здесь с Босым приберите.

К а п т е л и н а. Приберем, матушка.

Евдокия и Диосифей уходят.

К а п т е л и н а. Что ж ты, братец, мне-то какой гостинец из
Москвы привез?

Б о с ы й. Тебя, сестрица, не забыл. В чулане у меня для те-
бя припасен кафтан женский короткий штофной, золотой, по
малиновой земле да юбка тафтяная двоишняя, да юбка того
же штофу по желтой земле.

К а п т е л и н а. Спаси Бог, братец. *(Смеется.)* А я тебе
мыльца заготовила.

Б о с ы й. На что мне мыло, я студеной умываюсь.

К а п т е л и н а *(смеется)*. Это ль лучше? Братец, не потачь,
побелись, так белее будешь. Лучше белил будешь.

Босый хочет ее обнять, она увертывается.

Б о с ы й *(сердито)*. Видать, много завела. Попадьей стать
хочешь.

К а п т е л и н а. Хоть бы и попадьею, а такой бродяга на что
мне?

Б о с ы й. Я богомол. Я истинной веры. А попы кто? Ты пес-
ню такую слыхала? "Тутю шли-прошли два прохожих. Один-то
поп, другой-то разбойник". Или как по-иному поется: "Мона-
шеньки-бляшеньки и иегуменья, сводня, архиерей, потатчик".

К а п т е л и н а. Не шуми, не больно страшен... Словно
гром по небу. Ты гром, я молонья. Ты грянешь, я отвечу.

Б о с ы й. Ответишь, так попробуешь کیا, сиречь палки.

Босый бросается на Каптелину, та бьет его в ухо наотмашь и выходит. Босый падает и, поднимаясь, натывается на входящего Глебова

Г л е б о в. Чего вы тута свару устроили в царицыной келье.

Б о с ы й *(морщится)*. Ухо до крови разбила.

Г л е б о в *(смеется, поет)*. „Как у Ванюши кудри вьются, не завьются. Как у Любушки слезы льются, не уймутся...“ Чего это ты, Михайло, с любушкой попялся?

Б о с ы й *(потирая ухо, ворчит)*. Махаметово злосчастье через баб расширилось.

К а п т е л и н а *(входит)*. Стефан... без известия прибыл.

Г л е б о в. Так спокойней. Никто не перехватит. Где Авдотья Федоровна?

К а п т е л и н а. Матушка в Благовещенскую церковь пошла. Она без меры рвется, лицо свое бьет, что ты ее покинул и неутешно плачет.

Г л е б о в. Пойди за ней.

К а п т е л и н а. Мигом пойду, мигом. В голос вопит по тебе. Уж так вопит, так вопит по тебе, что ты ее покинул. Уж, братец, без меры. *(Уходит)*

Г л е б о в *(Босому)*. Ты чего, Михайло?

Б о с ы й. Бог в помощь, господин майор.

Г л е б о в. Что, Михайло, невесел? Баба побила? Я ее давно знаю. Брат у ней разбойник, а она ему в помощь была. Ноне же в монастырь подалась грехи замаливать.

Б о с ы й. Это значит, вместо старых грехов запастись новыми... И-эх... Повсюду разбойники.

Г л е б о в. Верно говоришь. Без гары пистолетов по дороге не проедешь. Ездил в Танбов по рекрутскому набору и амуниции, так мешки с уздами с телеги покрали... Алешка Попугай балует с шайкой.

Б о с ы й. Пистоль я и не заряжу. Я человек простой, мне для охраны кистенек бы завести купеческий с гирькой али посадский с камушком. А Танбов город хорош. Еще не старый, при царе Михайле построен, а уж тринадцать церквей имеет да два монастыря.

Вбегает Евдокия.

Е в д о к и я. Стешунько, друг мой. *(Падает Глебову на грудь, обхватывает за шею, целует, смеясь и плача).* Насилу Бог велел твои очи увидеть! Забыл скоро меня.

Г л е б ђ в. Авдотья, что ж забыл, ежели приехал.

Каптелина на пороге показывает рукой Босому, чтоб уходил. Они уходят.

Е в д о к и я *(плача).* Не умилостивили тебя здесь мы ничем. Мало, знать, лицо твое и руки твои, и все члены твои, и суставы рук и ног твоих, мало слезами моими мыла. Мы, видать, не умели угодное сотворить.

Г л е б ђ в. Авдотья, ну видишь, приехал.

Е в д о к и я. Скоро ли тебе ехать-то с Мэсквы? Добивайся только, чтоб тебе быть в губернии московской, чтоб тебе ближе быть. Как-нибудь добивайся себе пользы, как лучше тебе быть, так себе и делай. Али уж набору не быть? Добивайся ты, мой батюшка, чтоб тебе сюды на воеводство. Можно это дело сделать царевне Марье Алексеевне да княгине Анне Автомоновне, да Тихону Никитичу Стрешневу.

Г л е б ђ в. Такое дело само не сложится.

Е в д о к и я. Кому бить челом, ты знаешь. А я к тебе пришлю деньги, дваста да еще триста рублей. Откупайся, как ты знаешь и кем, сули, не жалея денег. Прошу слезно у тебя и молю неутешно. Нельзя воеводой, добивайся ты себе, чтоб тебе на службе не быть. Что ни дай, от службы откупайся как-нибудь.

Г л е б ђ в. Как же я без службы-то буду. У меня ж дети да и жена.

Е в д о к и я. Это твоя Васильевна на меня намутила. Зато на меня, душа моя, гневен. За то ко мне не писал.

Г л е б ђ в. Авдотья, ты ж знаешь, что живу я с женой не так. Жена моя Татьяна Васильевна больна. Болит у нее пуп и весь прогнил, и все из него течет. Жить нельзя. А я уж дети имею, как же не жить?

Е в д о к и я. Ты себе тесноты не чини. Ты поступай, как можно вам.

Г л е б о в. Как же мне можно, коли я тебя люблю, Авдотья. *(Целует ее)*.

Е в д о к и я *(смеясь и плача)*. Бездушник, скоро нас забыл. Зело, зело грустно и печально. Батька мой! Зело мне горько о разлучении. Также, что сына моего нет.

Г л е б о в. Царевич Алексей Петрович за рубеж отъедет к кесарю австрийскому и будет сигналу ждать, чтоб пристать к нам. Всюды недовольство. В гвардии да в армии, да в Сенате да в тяглом народе, да в духовенстве. Вон, киевский митрополит да печерский архимандрит с нами. Все в Петербурге жалуются, что знатных с незнатными в равенстве держат, всех равно в матросы и солдаты пишут, а деревни от строения городов и кораблей разорились. Недолго уж. Царя убьем, Ливонку вместе с ее незаконными дочерьми Анной да Лизаветой вместо тебя в монастырь посадим, а тебя в Москву царицей. Я ж при тебе слугой. Своего добьемся.

Е в д о к и я *(смеется)*. Уж как-нибудь добивайся, с неделю не умывайся. Может, и впрямь сделается? Будешь ты у меня, Степушка, князем да генералом. Али фельдмаршалом, уж как тебе угодно, а я в том мало смысла имею. *(Смотрит на него)*. Перстень мой носишь? Носи, сердце мое, мой перстень, меня любя.

Г л е б о в. И я тебе перстень привез. *(Надевает ей перстень)*.

Е в д о к и я. Как приехал ты впервой для набору солдат, и начал об тебе ключарь Федор Пустынный мне говорить, чтоб в келью пустила, а я отговаривала дня с два. Ты ж прежде своего приходу прислал два меха песцовых да пару соболей и хвостов собольих с сорок. *(Отпирает сундук)*. Вон она, шапка из тех соболей. *(Надевает, смотрит в зеркало)*. Лицом я худа стала по болезни женской да теперича ничего. Мне лекарства архиерей Ефрем Пекарев прислал и теперича ничего. *(Смотрит на Глебова)*. А где же, Степушка, галстух мой? Послала я тебе галстух, чтоб носил, душа моя. Ничего ты моего не носишь, что тебе ни дам я. Знать, я тебе не мила. Что-то ты моего не носишь. То ли твоя любовь ко мне. Ей, тошно. Что я

тебе злобствовала, что ты меня покинул. Ей, сокрушу сама себя. Не забудь ты меня, не люби иную.

Г л е б о в. Кого ж, Авдотья, окромя тебя? *(Крепко ее целует)*.

Е в д о к и я. Ох, свет мой, что ты не прикажешь? Что тебе годно покушать?

Г л е б о в. Что велишь, то и поем.

Е в д о к и я. Как мне, бедной, с тобой разлучиться? Что я твоей жене сделала? Чем я жене твоей досадила, а ты жены своей слушал. *(Закрывает ему рот ладонью)*. Не говори, не говори. Я уж знаю, что скажешь. Хошь, Степушка, повеселимся? Поедем в Ефремов монастырь, в келье у монастырского архимандрита поужинаем, закажем петь всенощные молебны.

Г л е б о в. Я как раз про пение и говорить хотел, да ты мне рот закрыла. Ехал я сюды да в Суздале, на ярмарке, услыхал слепцов поющих. Взял их с собой, чтоб ты послушала. *(Кричит)*. Каптелина! Пришли слепцов, которые у ворот сидят. Ключарю скажи, велено к царице в келью. *(К Евдокии)*. Толки да легенды о тебе, царице-инокине, постоянно ходят в народе, хоть народ за то наказывают и бьют.

Е в д о к и я. Видать, верно любят меня да сына моего, Олешенькү. Как, Степушко, назад воротиться, письмо возьмешь сыну моему, царевичу, а ежели не застанешь, пусть письмо с верными людьми ему передадут. Пусть получит он от матери своей благословение на дело ратное заради народа русского.

Входят двое слепцов с гусями.

Г л е б о в. Слепцы! Перед вами царица и великая княгиня всея Руси великий, малый и белый, ныне в монастырской келье неправо заточенная. Спойте, слепцы, песню, которую на торгах поете.

С л е п ц ы *(играют и поют)*.

Постригись, моя жена немилая.

Ты посхимься, моя жена постылая.

За пострижение тебе дам сто рублей.
За посхимление — все тысячу.
Я поставлю тебе нову келийку.
Я на суздальской славной дороженьке.
Чтоб пешие шли, конные ехали,
На твою келийку дивовались.
Что это во поле за келийка?
Что это в келийке за монашенька?
Отчего она пострижена?
И пострижена и посхимлена?
От отца ли она или от матери?
От дружка ли она от любезного?
Или от мужа от ревнивого?

З а н а в е с

С ц е н а 4

Петербург. Комнаты императрицы Екатерины Алексеевны. Екатерина сидит перед зеркалом, и камер-фрейлина Мария Гамильтон украшает ей взбитые в пышную прическу волосы бриллиантами. Волосы Марии так же взбиты в подобную прическу и украшены бриллиантами.

Е к а т е р и н а (*разглядывая себя в зеркало и поправляя прическу*). Ты, фрейлина, у которой уборщицы себе прическу делаешь?

М а р и я. У Мины Карловны, государыня.

Е к а т е р и н а. У моей уборщицы стараешься.

М а р и я. На Петербург, государыня, одна только умелая уборщица для волос женских, и ежели к какому празднику, как и ныне, тогда случается, что за трое суток некоторых убирает, и принуждены мы до дня выезда сидя спать, чтоб убору не испортить.

Е к а т е р и н а (*пудря лицо*). Государь уж примечает и мне указывает, что при дворе распространяется излишняя страсть к украшениям, нарядам и прочее мотовство, а особенно меж моими фрейлинами. Уж перестали довольствоваться одним или двумя длинными платьями, но многие с галунами, с шитьем и с подеспанами делать начали.

М а р и я: Государыня, страсть быть приятной издавна действие над женами производит.

Е к а т е р и н а. А таковая чрезмерность не может не иметь действия и над мужчинами, хотящими им угодными быть. То же тщение украшений, ту же роскошь рождает и от дел отволакивает. (*Мария подает Екатерине краски, та начинает красить лицо.*) Как выезжали мы в прошлый раз в Гольштинию да во Францию, слышала я мнение при тех дворах, что русским дамам много вредит дурная и отвратительная мода сильно румяниться.

М а р и я (*раскрашивая лицо Екатерине*). Возможно, мнение относится к прежним временам. Ныне же, государыня, можно насчитать при нашем дворе до тридцати хороших дам, которые мало уступают гольштинским дамам в приветливости, хороших манерах и красоте. Почти все петербургские дамы так хорошо умеют раскрашивать себя, что мало уступают француженкам. Иное дело в провинции, в Суздале, в Ярославле, в Москве. И там немало красивых женщин, но верно, румянятся они чрезвычайно грубо и неискусно. При взгляде на них можно подумать, что они намазали себе лицом мукой и потом кисточкой покрасили щеки. (*Смеется.*) Они красят также: брови и ресницы черной, а иногда коричневою краской.

Е к а т е р и н а. Русские теремные девицы румянятся, чтоб укрыть свою бледность. В Лифляндии же, напротив, щеки румянит климат морской.

М а р и я. Лучше ли русских лифляндские мещанки, государыня? Только что богатеют, а манеры дурные, как прежде. К примеру, уборщица волос Мина Карловна в Выборге, да Риге, да в Ревеле известна была под именем медхен Минхен. Приехала в Москву из Риги с обозом сельдей, анчоусов и прочей гнили, которую за неуютностью из портов отправляют в

Москву. Взятась за профессию и через год купила на Маросейке дом. Теперь уж дом и в Петербурге купила. Ранее у себя брала пять рублей, на стороне — десять рублей, а ныне меньше двадцати рублей не берет.

Е к а т е р и н а (*оборачивается и смотрит на Марию*). А вы, Гамильтоны, когда в Россию прибыли?

М а р и я. Мы, государыня, при Иване Васильевиче Грозном.

Е к а т е р и н а. Знатный у тебя род, фрейлина. Шотландский род.

М а р и я. Датский, государыня. Мы родственники герцога нормандского. Имеем фамильный герб — пурпурный щит и на нем серебряная роза и золотое сердце.

Е к а т е р и н а. Да, знатный род. Однако ты не герцогиня нормандская и потому страсть свою к нарядам поубавь, а то я слышала, иные так увлекаются, что не имея возможности украшать свой костюм как бы это хотелось, пользуются вещами из моего туалета.

М а р и я (*потупив глаза*). Я свои алмазы ношу, государыня.

Е к а т е р и н а (*сердито*). Знаешь, что иным женщинам украшения, подобные моим, я носить запретила. И подобные мне прически делать запретила. Запретила убирать алмазами обе стороны головы. Дозволяю убирать одну левую сторону. Ты почему убираешь обе?

М а р и я. Прощения прошу, государыня.

Е к а т е р и н а. Запрещено носить горностаевые меха с хвостиками, поскольку это украшение присвоено только царской фамилии. Ты почему носишь?

М а р и я. О том не слышала, государыня. В Германии и мещанки носят меха с хвостиками.

Е к а т е р и н а (*гневно*). Ты служишь русской государыне, не немецкой. Слухи есть, мои алмазы да червонцы крадешь и про мое лицо насмешничаешь, будто слишком румяно.

М а р и я (*со слезами*). Милостивая государыня, клеветают на меня, поскольку при дворе множество врагов имею.

Е к а т е р и н а. Отчего ж враги?

М а р и я. От ревности.

Е к а т е р и н а. К кому ж ревнуют?

М а р и я. К денщинку государеву, Ивану Михайловичу Орлову.

Е к а т е р и н а (*спокойней и даже с интересом*). Где же у тебя с ним свиданья?

М а р и я (*оживленно*). В Летнем огороде, а иной раз в огороде Инженерного замка.

Е к а т е р и н а. Да, там для любовных дел хорошо. Гроты, островки на прудах, беседки, рощи, аллеи.

М а р и я. Истинно, государыня. Комнатки Летнего, Зимнего да других домов государевых, где придворная прислуга помещается, — тесны.

Е к а т е р и н а. Уж вам, уж денщикам и фрейлинам, известно, где можно наговориться и нацеловаться всласть. Однако иной раз в аллеях случается найти и мертвого ребеночка.

М а р и я. Лишь от страха и стыда женщина может убить плод любви. Как же, государыня, рожать-то выблядков? И матери мучение и выблядку мучение. Которые прижиты до закону, тех выблядков людьми не ставят.

Е к а т е р и н а. Поберечься надо.

М а р и я. Эх, государыня, от сладости убережешься тяжелей, чем от горечи.

Входит веселый Петр, явно уже выпивший. За ним следует негритенок с бокалом вина и кувшином, шут Шапский Феофилакт и шутиха Трофимова Аксинья. Шут играет на собачьем свистке, а шутиха на пузыре с горохом.

Ш у т (*поет*). Жженая щека, жареная щека, черный подбородок, угольный нос.

Ш у т и х а (*поет*). Продала постелю, лягла на солому. Не была ли она замаранная потаскуха.

П е т р (*смеется, целует Екатерину*). Скоро ли ты, Катенька? Пришел с шутами тебя торопить.

Е к а т е р и н а. Убираюсь, Петруша. Получше вырядиться хочу, поскольку ноне фрейлины и горничные все щеголихи.

П е т р *(подходит и целует Марию)*. Любимица твоя, Катенька, милая твоя прислужница хорошеет да цветет. И умна. Я нахожу большое удовольствие в беседах с ней.

Е к а т е р и н а. Не в Летнем ли огороде, Петруша?

П е т р. Иной раз и там. Люблю тамошние прогулки да отдых. Летний наш огород хочу сделать не хуже Версальского огорода. Из Германии липы выписал, из Голландии машину для подачи воды от каналов в фонтан. А для украшения грота хочу повелеть собрать из всех рек находящихся в России, по пуду раковин и курьезных камушков.

Е к а т е р и н а. То-то любовникам радость будет, а особенно тем, которые стыда не боятся.

П е т р. Ты, мутер, не в духе. Али вновь злоковарные вымыслы обо мне говорены тебе и писаны. Кто тебе что сказал? Не пожалеть бы ему.

Е к а т е р и н а *(утирая слезы)*. Слаба я чего-то, Петруша. Может, уж не поеду сегодня. Побуду вдали от твоих шутов, придворных дураков да доносчиков.

П е т р *(протягивая руку назад, не глядя, берет у негрятенка бокал и выпивает)*. Катеринушка, матка, чем тебе мои шуты не угодили? Вот Феофилакт Шапский, шут-смехотворец, и обер-кнутмейстер. Две должности занимает. За палача имеет жалование сто рублей в месяц, за шута многоутешного сорок рублей. А вот Аксинья Трофимова, подмосковная крестьянка, редкий урод с бородой. Велел я придворному художнику сделать с нее портрет в полный рост обнаженной. *(Смеется.)* Для академии наук... Что, шуты, умники мои, покажите себя государыне, не посрамите меня перед ней. Феофилакт, на кого одевают колпаки?

Ш у т. На шутов, на дураков, на плохих учеников и на отставных женихов *(хохочет)*.

П е т р *(смеется)*. Шут есть добытчик аттической соли, ибо Афины синоним остроумного. Ну-ка, покажи себя, Аксинья.

Ш у т и х а. Шары-быры-растабары, белы снеги выпадали, серы зайцы выбегали, охотнички выезжали, красну девку испугали. *(Щиплет за зад фрейлину, та визжит.)*

П е т р *(смеется)*. Феофилакт, нут-ко обвенчай Аксинью с фрейлиною. Гляди, фрейлина, какая у Аксиньи борода дворянская.

Ш у т *(льет шутихе на голову вино)*. Помазаю крепким вином по главе и около очей. Да будет так крутиться ум твой и такие круги да предстанут очесам твоим.

П е т р *(смеется)*. Гляди, Катеринушка, гляди. Разве не смешно?

Е к а т е р и н а. Спала я сегодня, Петруша, плохо. Снова снилось, будто кричали слово „солдареф“! Что оно, сие слово значит, не пойму, а снится мне оно так или иначе не впервой. Будто в огороде, наподобие Версальского, мы гуляем по пруду на баржах и любимся игрой фонтанов. И множество людей. И зверь гулял на воле, белый шерстью. На голове корона, и в короне зажжены три свечи.

П е т р. Я, Катенька, враг суеверий и предрассудков. Однако иногда записываю сны лишь ради курьеза. Вот видел я недавно во сне, будто пришел ко мне в дом человек маленький, сухой, бледный и убил сына моего. Я бросился на него, но маленький обратился в ветер и сказал: „Не первого и не последнего“. Проснулся, плюнул, перекрестился, повернулся на другой бок и заснул. Верь, пожалуй, снам. Такой вздор иногда лезет в глаза, что и необразишь.

Е к а т е р и н а. Видно, снится много вздорного, оттого, что тяжела. Если верно, за границу едем, то уж там от бремени разрешаться буду.

П е т р *(целует Екатерину)*. Родишь мне солдатчонка, буду рекомендовать его офицерам под команду, а солдатам в братство. А за границей уж нагуляешься с дамами, посмотришь все замечательное в Копенгагене да Амстердаме.

Е к а т е р и н а. Петруша, надо б распорядиться, чтоб приготовили фураж в Курляндии по рижской дороге до Мемеля для нашего обоза на сто пятьдесят лошадей. Пятьюдесятью подводами, как в прошлый раз, мне со свитой не обойтись.

П е т р. Рано ты, мутер, делами-то занялась. Уж завтра делами-то займемся. Ныне собрание танцевальное да прочие потехи.

Е к а т е р и н а. Езжай, Петруша, скажи, я следом. Видишь, не убралась еще.

П е т р. Ну, жаль, матка, жаль. *(Протягивает руку назад, негритенок вкладывает в нее бокал, Петр выпивает.)* Мы тебя ждем, матка. *(Уходит в сопровождении негритенка и шутов.)*

М а р и я. И мне можно идти, государыня, али я еще нужна?

Е к а т е р и н а. Погоди, погоди, ты еще нужна. Плясать торопишься с кавалерами? С денщиками, с пажами, с камер-юнкерами? Али с государем плясать вздумала? *Sarabande in nollandischer form.* Так лучше меня, *Schone medchen fon Marienburg* никто не спляшет с государем. Хоть многие старались. Уж на что Авдотья Чернышова, генеральша, пользовалась расположением государя. Сам государь ее называл: Авдотья-бой баба, а лучше меня плясать она не может с государем. *(Смотрит на Марию.)* Вот Чернышову я кстати припомнила. Орлов, любовник твой, к Чернышовой не хаживал ли?

М а р и я *(со слезами)*. Говаривают, государыня, хаживал. Уж пробовала его и устрашать.

Е к а т е р и н а. Как же устрашала?

М а р и я. По-всякому, государыня.

Е к а т е р и н а. Слышала ли придворную сплетню, будто Чернышова одному денщику говаривала, что я воск ем, поскольку имею угри на теле, и тем воском те угри извести хочу. Кто сплетню пустил, не знаешь?

М а р и я. Клянусь, государыня...

Е к а т е р и н а. Не ты ли рассказчица о моих угрях? *(Бьет Марию по лицу. Потом еще и еще. Прическа Екатерины рассыпается, бриллианты падают на пол. Рассыпается и прическа фрейлины.)* Повинишься ли по битью или еще запрешься? Знаешь ли, что совершила ты государственное преступление? Если доложу о том государю, мигом будешь в тюрьме. Станут тебя пытать, где и когда ты видела государыню твою, уничтожающей воск.

М а р и я *(плача бросается в ноги Екатерине)*. Милостивая государыня! С сердца затеяла напрасно, того дня, что Орлов часто хаживал к генерал-майорше Чернышовой, хотя его тем

устрашить, чтоб он к ней, генеральше, часто не ходил, понеже она того желала...

Е к а т е р и н а. Глупая девка. Что теперь делать с тобой?

Входит камер-паж.

К а м е р - п а ж. От Его Величества государя-царевича почта.

Е к а т е р и н а (*Марии*). Подумаю тебе наказание, а ныне не до тебя. Пошла вон. (*Мария плача уходит.. К камер-пажу*).
Читай.

К а м е р - п а ж (*читает*). Милостивая государыня-матушка! Милости Вашей, Ваше писание получил, за что всенижайше благодарствую. За болезнью своей и непотребством желаю монашеского чина, о чем писал государю-батюшке, одначе по приказу батюшки еду в Либау, далее в Данциг и далее в Амстердам, где с радостью ожидаю встречу с батюшкой-государем и Вами, матушка моя — государыня. Всенижайший раб и сын ваш Алексей.

(З а н а в е с)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОД УТАЙКОЙ

Сцена 5

Амстердам. Комнаты, в которых остановился Петр. За столом
Ш е ф и р о в и Т о л с т о й.

Ш е ф и р о в. Уже здесь, в Амстердаме, да в иных дворах начинают говорить, что царевич пропал. По словам одних, он ушел от свирепости отца своего, по мнению других, лишен жизни его волею, иные думают, что он умерщвлен по дороге убийцами. Никто не знает подлинно, где он теперь.

Т о л с т о й. Как камер-курьер Сафонов, посланный из Петербурга за границу вместе с царевичем, встретил государя

в Шлезвике на дороге из Копенгагена в Любек и донес, что царевич в Корольце отстал и что вслед за ним едет, я сразу предлагал искать. Однако государь повелел ждать, и вот уже прошло около двух месяцев, а о царевиче ни слуху.

Ш е ф и р о в. Государь весьма встревожен.

Входит Петр в поварском колпаке и поварском переднике, неся на блюде дымящийся ростбиф.

П е т р (*разрезая мясо*). Государыня с датской королевой, приехавшей сегодня из Копенгагена, обедают, а я вот сам управляюсь. Много челяди с собой за границу тащить накладно, и прогонные им и жалованье, а дорого здесь весьма. Вот мясо на рынке покупал, так сей кусок едва за три гульдена взял, мясник вдвое торговал. (*Берет руками куски мяса и кладет их на тарелки Шефурову и Толстому*). Нового об Алексее ничего нет?

Ш е ф и р о в. Третьего дня возвратился сюда из ГанOVERA посланник английского короля генерал Сен-Сафорен, который будучи при дворе говорил мне явно в присутствии макленбургского посланника сожаления, приключившиеся Вашему величеству от печалей, из коих знатнейшая та, что де кронпринц невидимым учинился, а по-французски в сих терминах: Il est eclipse. Я спросил, от кого такую фальшивую ведомость имеет? Отвечал, что ведомость правдивая и доподлинная. Слышал он ее от ганOVERских министров. Я возражал, что эта клевета по злобе ганOVERского двора.

П е т р (*сердито*). Вот она Европа. Нам Европа нужна на несколько десятков лет, а потом мы можем повернуться к ней задом. Взять, что можно, вот зачем нам Европа. Технику взять и знания технические. Что продадут — купить. Что не продадут — украсть. (*Встает, ходит широкими шагами по комнате*.) Все народы пытались не допустить нас до света разума во всем, особливо в военном деле, но они проглядели это, точно у них в очесах помутилось, яко бы закрыто было сие перед их очесами. В Европе мы должны брать их достижения, но не обольщаться, понимая, что Россию здесь ждет пренебрежение и недоброжелательство. Европа выставила против

русского медведя шведского медведя. Но два медведя в одной берлоге жить не могут. Ныне, когда наш неприятный сосед после Полтавы поутих, наше положение меж двумя европейскими коалициями, австро-гиспанской и англо-франко-прусской крепкое. Ну, в Польше, как всегда, брожение. Дела там идут, как молодая брага.

Ш е ф и р о в. Государь, Европа – игорный дом кабинетной дипломатии. Здешний же голландский двор – биржа всей Европы. Здесь, что в поле потерял, за столом купить можно. Не токмо военному делу, но интриге и подкупу нам у Европы учиться надо.

Входит кабинет-секретарь

М а к а р о в. Государь, новые эстафеты от резидентов.

Ш е ф и р о в. Господин кабинет-секретарь, для меня есть ли что?

М а к а р о в. Для вас, барон, пакет из Петербурга.

П е т р. Читай сначала от резидентов.

М а к а р о в (*читает*). Зело тайно. Г. Ц. – под сим назван государь-царевич за несколько недель был в Гданьске и Кенигсберге. Так уведомляет шпион. Иной же шпион – имярек ночевал в Вене одну ночь, а куда скрылся, нельзя было открыть. Третий шпион из Бреславля, что некто был там в одном доме и сказывался купцом из русской армии, тому недель с девять. Имеет при себе двух сыновей и дочь и не мешкав поехал по венской дороге. Должно быть, он.

Ш е ф и р о в. Все сие пока без успеха, как и прежде.

Т о л с т о й. Что от Веселовского, господин Макаров?

М а к а р о в. Веселовский сначала приехал в Пириц на пятую точку от Франкфурта-на-Одере по гданьской дороге, чтоб начать искать с того места, откуда государь-царевич исчезли. Во Франкфурте, в книге воротного писаря за плату нашел надпись: проезд московского подполковника Кохановского. При нем жена его и слугитель. Потом след будто бы уже в Вене. Стал на квартире „Черного орла“. Хозяин гостиницы сказал, что имени офицера не знает, однако слышал, будто поль-

ский кавалер поручик Кременецкий с женой. В „Золотом гусе“ обнаружен подобный. Отпустил французские усы. Жена малого роста. Имеет так же сведения от шпиона своего Генриха Финка, будто русский офицер стоял в вицегаузе „Золотая гора“ и поехал на экстрапочтах в Прагу. Один почтмейстер сказывал, что офицер спрашивал, как далеко до Рима и что станет почтовый и ландкучерский провоз. Эти расспросы возбуждают мысль, не поехал ли Г. Ц. в Рим?

П е т р. Я Веселовским недоволен. Занимается мелкими целями.

Т о л с т о й. Позвольте, государь, в сием с Вами не согласиться. Веселовский ищет успешнее иных.

П е т р. Более ничего?

М а к а р о в. Пишет Веселовский, что заболел в дороге. Три почты лихорадил. От долговременной езды приключилась с ним почечуйная болезнь, именуемая также геморрой. Доктора советуют ему остановиться недели на две, но во исполнение Вашей царской воли он продолжает искать. Прислал также счет данных ему пятисот червонцев.

П е т р. Сколько?

М а к а р о в. Двум шпионам, которые искали за городом несколько недель двенадцать червонных за труды, кроме прогонных. Восемьдесят три червонных воротным писарям за возможность осмотреть воротные книги. Просит также еще двести червонных для референта и докладчика тайной конференции при австрийском кесаре Дольберга.

Ш е ф и р о в (*просматривая взятый у Макарова пакет*). Государь, из Петербурга мне прислана копия с секретного донесения австрийского посланника Плеера к кесарю. Читаю в переводе то, что интересно: „Царь Петр вынудил у принца письменное отречение от престола и запретил называть его кронпринцем, повелев так именовать младшего сына своего, младенца. С тех пор все заговорили о старшем. Многие знатные господа тайно прислали ко мне и другим чужестранцам спрашивать, не получили ль мы в своих письмах известий о нем. Ко мне приходили также два служителя царевича, взяли на дорогу тысячу червонных. Царевич прислал им приказ, продав

тайно всю движимость, уплатить по векселям. Меж тем сказывают, что близ Данцига царевич схвачен царскими людьми и отвезен в отдаленный монастырь. Только неизвестно, жив или умер. По словам других, он ушел в Венгрию или иные земли императора”.

Т о л с т о й. Государь, надобно послать офицеров.

П е т р. Кого именно?

Т о л с т о й. Капитана Румянцева и с ним, я думаю, Федора Шуширина, Степана Сафонова и князя Мещерского. Я на всякий случай на проезд им уж выписал сто червонных и заготовил пасаы. По два пасаа на каждого сделаны. Со скрепою вице-канцлера австрийского Шенборна сработали. Один пасаа купеческий — сказано, посланы для покупки верховых лошадей. Другой пасаа на имя офицеров шведской службы. По своим путям я уже запросил Веселовского о такой возможности.

Ш е ф р о в. Одначе, государь, здесь Европа. Не было б дипломатического скандалу.

П е т р (*Шефирову*). Нам, Петр Павлович, надо Россию спасты от нового опасного заговору. А будет скандал — ты же и найдешь, как извиниться. На то ты и вице-канцлер. Европа рада будет, если у нас опять смутные времена начнутся, как после Ивана Грозного. (*К Толстому.*) Царевича надо в Австрии искать. (*К Макарову.*) Алексей Васильевич, хочу тебе продиктовать письмо к австрийскому кесарю. Чтоб не думали, будто мы слепы. (*Макаров берет бумагу, пишет. Петр диктует.*) „Пресветлейший державный кесарь! Я принужден Вашему цесарскому величеству с сердечной печалью объявить о сыне своем Алексее. Пред несколькими временем получа от нас повеление дабы ехал к нам, дабы тем отвлечь его от непотребного житья и обхождения с непотребными людьми, с того пути съехав, неведомо куда скрылся. И понеже мы чаем, что он от непотребных людей совет принял и отечески о нем сожалая, чтоб тем своим бесчинным поступком не нанес себе невозвратной пагубы, а наипаче не впал в руки неприятелей наших, просим Ваше величество, что ежели он в ваших облас-тях обретається тайно или явно, к нам прислать, дабы мы его

отечески исправить для благосостояния могли. Мы пребываем при сем Вашего цесарского величества верный брат Петр''. Запечатать конверт и сей час же отправить с эстафетою. А ежели будут новые эстафеты, немедля докладывать.

Макаров. Прибыла из Петербурга, государь, также финансовая роспись за сей год Вашему величеству на подпись.

Петр. Давай. Какие бы беды ни стряслись, а государственные дела идти должны своим ходом. *(Макаров приносит бумаги. Петр просматривает бумаги и делает пометки.)* Денег имеем множество, а полки вовремя не получают жалованья, и послам не высылаем денег, так что им нечем ни себя содержать, ни делать необходимые подкупы. Наши казенные деньги по зарукавьям плывут.

Макаров. Здесь, государь, распишитесь в получении своего жалованья за преображенский полковничий чин.

Петр *(просматривает и расписывается)*. Эти деньги мои. Я их заслужил и могу употреблять как хочу, но с государственными доходами надо поступать осторожно. В них я должен дать отчет Богу.

Входит служитель, передает конверт Макарову.

Макаров. Государь, только что прибыла срочная эстафета от Веселовского. *(Читает.)* Подполковник Кохановский — суть Г. Ц.

Толстой *(крестится)*. Ну, слава тебе, Господи, нашли.

Макаров. А бытность его таким образом открылась. В вицгаузе „Черного орла“ каждый почтальон все вещи приезжего отвозит в пошлинный дом, где таможенники осматривали, и нашедши, между прочим, соболь и шубы собольи, спрашивали человека Кохановского, которого описуют черноволосым и говорит довольно по-немецки, не русский ли кавалер приезжий. На что он грубо отвечивал, будучи пьян, что господин его не кавалер, а кронпринц московский, и заплата пошлину, отвез через наемного кучера вещи в телеге; а куда, никто не знает, однако же в Вене он несумненно. P. S. Сего момента был у меня референт Дольберг, который

паки подтверждает, что Кохановский, конечно, здесь, только не ведают, в котором доме. И говорил мне, если у цесаря не явится, то мочно его тайно, имея четыре или пять русских офицеров, увезти отсюда в Макленбургию или куда потребно. Если же явится, то нельзя.

Т о л с т о й *(служителю)*. Пригласи сюда господ офицеров, они внизу ждут.

П е т р *(Макарову)*. Заготовь инструкцию к Веселовскому.

М а к а р о в. Слушаюсь. *(Выходит.)*

П е т р *(крестится)*. Матерь Божья, русская заступница, не дала торжествовать злу.

Входит Румянцев, Шушерин, Сафонов и князь Мещерский.

Петр радостно обнимается с ними.

П е т р. Ну, молодцы. *(Хлопает Мещерского по плечу.)*
Ты силен. Рукой убить можешь?

М е щ е р с к и й. Я, государь, заклеялся из своих рук никого не бить.

П е т р. Отчего ж?

М е щ е р с к и й. Когда в Малороссии служил, хохлы прибежали раз и кричат, что шинкарь у них в шинке артельные деньги украл. Я и ударил по щеке жида. Да слава Богу не убил. Евреи живучие, и плут Исак, полежав замертво часов с шесть, да в госпитале с месяц и поплевав кровью с год, оправился, и хохлы говорят, красть перестал. *(Смеется. Петр тоже смеется.)*

Т о л с т о й *(Румянцеву)*. Вам, капитан, выписано два паса. Вы, Любчиков, шведской службы офицер, в другом-Галицкий, польский кавалер.

М а к а р о в *(входит)*. Инструкция заготовлена, государь. *(Читает.)* Аврааму Павловичу Веселовскому из Амстердама. Письмо твое из Вены за номером восемь мы получили, из которого уразумели то, что ты пишешь об известной особе и, по совету именованного в том письме

приятеля твоего, посылаем к тебе четырех наших офицеров. И приложи старания, дабы ту особу добрым способом в Маклебургю к войску нашему вывести.

Петр. "Добрым способом" – замажь. Пиши: "Каким-нибудь способом". И подпись моя.

З а н а в е с

Сцена 6

Вена. Кабинет австрийского вице-канцлера графа Шенборна. Поздний вечер. За окнами слышен сильный шум ветра. Граф Шенборн подписывает за столом бумаги. Перед ним дежурный офицер.

Шенборн (*подняв голову от бумаг, после особенно сильного порыва ветра*). Подобной бури в Вене не было уж давно. Как бы мосты на Дунае не снесло, да хлебные мельницы не разрушило. (*Подает офицеру бумаги.*) Отправьте срочной почтой.

Офицер берет бумаги и выходит. Шенборн уходит в другую дверь. За дверью, куда скрылся офицер, возникают голоса, спорящие между собой.

Офицер. Что вам угодно? Кто вы?

Неизвестный. Немедля допустите меня к его сиятельству... Немедля к графу Шенборну

Офицер. Однако граф уже ложится в постель.

Неизвестный. Я послан к самому графу и имею повеление непременно сегодня с ним говорить. Допустите немедленно. (*Слышен шум, точно неизвестный пытается силой прорваться.*)

Офицер. Подождите на лестнице, я доложу. (*Входит в кабинет.*) Ваше сиятельство.

Шенборн входит в шлафроке.

Ш е н б о р н *(недовольно)*. Что там?

О ф и ц е р. Ваше сиятельство, когда я шел отправлять бумаги на почту, встретил на лестнице неизвестного человека, который требует немедленной встречи с вашим сиятельством.

Ш е н б о р н. Что ему надобно?

О ф и ц е р. Я спрашивал его, он не отвечает и даже пытался ворваться силой.

Ш е н б о р н. Скажи ему, пусть приходит завтра в семь часов утра. Если же имеет письмо, пусть подаст через вас и скажет свое имя. Если будет ломиться силой, отправьте в полицию.

Офицер уходит. Опять слышны голоса.

Н е з н а к о м е ц *(кричит)*. Требую видеть графа или пойду прямо во дворец к императору! Я имею такое дело, с которым еще сегодня должно быть донесено его величеству.

Ш е н б о р н. Господин капитан, пустите его.

В кабинет врывается Яков Носов в мокром от снега дорожном
 платье.

Н о с о в *(тяжело дыша)*. Ваше сиятельство! Наш государь-царевич стоит здесь на площади и хочет видеться с вашим сиятельством.

Ш е н б о р н *(удивленно и растерянно)*. Кто вы? Ваши поступки и слова странны. Правду ли вы говорите? Каким образом мог прибыть сюда царевич? Тем более в такое позднее время, в такую непогоду.

Н о с о в. Его величество царевич слышал много хорошего о вашем сиятельстве австрийском вице-канцлере и, как все чужестранцы, к здешнему двору приезжающие, является к вам, впрочем, желая быть в величайшей тайне, чтоб никто его не видел.

Ш е н б о р н. Но когда прибыл его величество и где остановился?

Н о с о в. Мы уже некоторое время прибыли, жили в разных гостиницах, отъезжали в иные места, чтоб скрыться, поскольку знаем, что за нами охотятся, как за зверьми. Багаж наш в Леопольдштадте, мы же здесь, в Вене, остановились вчера в близлежащей от вас гостинице под вывеской "Klapperer".

Ш е н б о р н. В таком случае, я немедленно одеваюсь и иду к кронпринцу.

Н о с о в. Ваше сиятельство, царевич уже здесь, у подъезда и ждет только приглашения, по которому немедленно явится.

Ш е н б о р н. Господин капитан, идите и почтительно пригласите принца, я же поспешу одеться.

Уходит в спальню. Офицер уходит вместе с Носовым. На лестнице слышны голоса, топот, и в кабинет вбегает Алексей в сильном волнении. С ним Афросинья, одетая в мужской костюм кофейного цвета, в мужском парике. Граф Шенборн выходит навстречу, на ходу завязывая галстук и застегивая рубашу.

А л е к с е й *(в волнении)*. Ваше сиятельство! Особенно любимый господин граф, дорогой друг! Я испытываю к вам особое доверие и желание поговорить с вами наедине. *(Бежит по комнате)*.

Ш е н б о р н. Рад приветствовать вас, уважаемый *(Глядя на Алексея, бегающего по комнате, тихо к офицеру)*. При внимательном наблюдении это точно царевич. Другой человек не дерзнул бы так положительно выдавать себя за принца.

А л е к с е й *(указывая на Афросинью)*. Мой паж. Я ему доверяю.

А ф р о с и н ь я. Пардон. *(Усаживается в кресло.)*

Ш е н б о р н *(покосившись на пажа)*. Прошу всех иных удалиться. *(Офицер и Носов удаляются.)* Слушаю вас, ваше величество.

Алексей *(бегая по комнате, озирается)*. Я пришел сюда просить императора, моего шурина, о покровительстве и о

спасении самой жизни моей. Меня хотят погубить! Меня и бедных детей моих хотят лишить престола.

Ш е н б о р н. Успокойтесь, ваше величество. Здесь вы в совершенной безопасности. Скажите, чего вы желаете?

А л е к с е й. Император должен спасти мою жизнь, обеспечить мои и моих детей права на престол. Отец хочет лишиться меня жизни и короны. Я предупрежден друзьями, что сюда, в Вену, присланы отцом убийцы, чтобы выследить меня, увезти в Россию, где меня убьют, или убить на месте. *(Бегает по комнате, плача и ломая руки.)* Я ни в чем перед ним не виноват, я ничего не сделал моему отцу. Согласен, что я слабый человек, но так воспитал меня Меньшиков. Здоровье мое с намерением расстроил пьянством. Теперь говорит мой отец, что я не гожусь ни для войны, ни для правления. У меня, однако ж, довольно ума, чтоб царствовать. Бог дает царства и назначает наследников престола, но меня хотят постричь и заключить в монастырь, чтоб лишиться права жизни. *(Кричит.)* Я не хочу в монастырь! Император должен спасти меня! *(Падает на стул в изнеможении.)* Ведите меня к императору. Ведите к императору. *(Плачет.)* Дайте мне пива.

Ш е н б о р н *(в дверь к дежурному офицеру)*. Принесите пива. *(К Алексею.)* Ваше величество, здесь вы в совершенной безопасности. Но доступ к императору во всякое время труден, теперь же, поздним временем, решительно невозможен. Вы, принц, должны сперва открыть всю истину, ничего не умалчивая и не скрывая, чтоб можно было представить его величеству самым основательным образом столь важное и столь трогательное ваше величество дело, ибо здесь у нас ничего подобного до сих пор не слышали. Да и трудно ожидать таких поступков от отца, тем менее от столь разумного государя, как его царское величество Петр.

О ф и ц е р *(входит)*. Пива нет. Я принес стакан мозельвайна.

А л е к с е й *(дрожащими пальцами берет стакан, залпом выпивает, ставит стакан назад на поднос. Офицер уходит.)* Я не виноват перед отцом. Я всегда был ему послушен, ни во что не вмешивался. Я ослабел духом от гонений и

смертельного пьянства. *(Встает со стула и подходит к Афросинье, садится с ней рядом.)* Впрочем, отец был ко мне добр. Но с тех пор, как пошли у жены моей дети, все сделалось хуже, особенно, когда явилась новая царица и сама родила сына. *(Вскакивает, ходит по комнате.)* Она и Меньшиков постоянно вооружали против меня отца. Оба они исполнены злости, не знают ни Бога, ни совести. С тех пор, как царица родила сына, то вздумали запоить меня вином до смерти. Я не выходил из своих московских комнат.

Шенборн *(берет Алексея за руку)*. Ваше величество, сядьте сюда *(указывает на диван)*. Для основательного узнания дела хотелось бы подробностей. *(Оба усаживаются на диван.)*

Алексей. Некоторое время тому отец принудил меня отказаться от престола и жить частным человеком или постричься в монахи. Затем курьер привез мне повеление либо ехать к отцу в Амстердам, где он ныне, либо заключиться в монастырь. Исполнить первое — значило погубить себя озлоблением и пьянством. Исполнить второе — потерять тело и душу. Меж тем, мне дали знать, чтоб я берегся отцовского гнева, тем более царицы и Меньшикова, которые хотят отравить меня. Я притворился, будто еду к отцу и, по совету друзей, отправился к императору Австрийскому, своему шурину, государю сильному, великодушному, к которому отец мой имеет великое уважение и доверенность. Только император один может спасти меня. Покровительства же Франции или Швеции не искал, потому что та и другая в вражде к моему отцу, которого я раздражать не хочу. *(Плачет.)* Боже мой, что станет с моими оставленными детьми? Граф, я должен, должен видеть императора как можно скорей, чтоб просить его за мою жизнь. Я знаю, что императору донесено, будто я дурно поступил с сестрою императрицы, кронпринцессой Шарлоттой. Богу известно, что не я, а отец и царица так обходились с моей женой, заставляя ее служить как девку. К тому же я и моя жена терпели всякий недостаток. Особенно дурно с нами обращались, когда кронпринцесса стала рожать детей. Граф, я должен немедля видеть императора и все ему расска-

зять. Он бедных детей моих не оставит и отцу меня не выдаст. *(Вскакивает с дивана и снова начинает торопливо ходить по комнате.)* Отец мой окружен злыми людьми. До крайности жестокосерд и кровожаден. Думает, что он, как Бог, имеет право на жизнь человека. Он много пролил невинной крови, даже сам налагал руку на невинных страдальцев. К тому ж, неимоверно гневен и мстителен, не щадит никакого человека, и если император выдаст меня отцу, то все равно, что лишит меня жизни. Если бы отец пощадил, то мачеха, Меньшиков, Толстой до тех пор не успокоятся, пока не запоят или не отравят меня. Я должен немедленно ехать к императору. Ежели меня не пригласят, я пойду насильно к императору и императрице.

Ш е н б о р н. Принц, в столь позднее время охрана вас во дворец не пустит, кто б вы ни были. В настоящем положении дела, при высоком сане вашего отца и вашего, при строгом инкогнито вашем лучше всего не говорить вам самому с императором, а оставаться в непроницаемой тайне и предоставить венскому двору явно или скрыто подать вам помощь. Даже, может, найдется средство примирить вас с отцом.

А л е к с е й *(плачет)*. На примирение надежды не имею. Умоляю об одном, не выдавать меня отцу, ибо гибель моя тогда неизбежна. Идти к отцу ни за что на свете не согласен. Я всегда имел перед глазами Десять заповедей и никогда отца своего не оскорблял. Он же с юности разлучил меня с матерью, окружил меня дурными людьми или дураками. Император должен принять меня при дворе открыто как законного наследника. У прусского короля дядья оставлены, а племянник на престоле, для того что большего брата сын. У нас же отец без закону хочет мимо меня меньшому брату, младенцу, отдать престол. Нет на него закону, что хочет, то делает. Однако император, великий государь и мой шурин, поможет мне восстановить правду.

Ш е н б о р н. Для помощи вам лучше всего держать себя тайно и ждать ответа императора, которому утром во всем будет доложено. Сейчас же вам лучше с людьми своими воротиться на свою квартиру.

А л е к с е й. Нет, граф, я никуда не ворочусь, тем более ночью и без охраны.

Ш е н б о р н. Однако, где же вы будете спать?

А л е к с е й. Здесь я, на диване, вместе с пажем моим ночевать буду.

А ф р о с и н ь я. Чего он говорит, прынчик? Басу нам выдадут?

А л е к с е й. Получим мы пасс, получим.

Ш е н б о р н. O, porter cullote . Мадам угодно носить штаны. Notre petit page. Наконец, он сознался, что она женщина.

А л е к с е й. Это невенчанная жена моя. Она ждет ребенка, но отец не разрешил венчание в России. Я прошу прислать мне тайно греческого священника для венчания, а также для утешения в горести и для спасения души.

Ш е н б о р н. С венчанием я советую вам пока подождать до выяснения обстоятельств. При вашем положении тайный брак не будет признан и отцом вашим, и Европой. Что вы сверх всего желали бы просить у императора? Завтра в семь я доложу о вас референту императора, господину Дольбергу, с тем чтобы он срочно помог мне получить аудиенцию.

А л е к с е й *(устало)*. Прошу оставить меня в Вене, а если нельзя, то отвезти в Тироль, а не посылать в Богемию или в Венгрию, где язык и религия могут изменить мне и где меня легко схватят.

Ш е н б о р н. Об этом я доложу. Вы решили ночевать в моем кабинете?

А л е к с е й. Да, я опасаюсь выйти на улицу в такое время.

Ш е н б о р н. Спокойного сна, ваше величество. *(Уходит.)*

З а н а в е с

Кабинет графа Шенборна. Солнечное утро. За окнами медленно, спокойно падает снег. Алексей и Афросинья спят на диване, обнявшись. Слышен звон колокола. Алексей пробуждается. Смотрит на Афросинью, потом целует ее в лоб. Она пробуждается.

А л е к с е й. Друг мой, с новым Божьим утром тебя, друг мой сердешный.

А ф р о с и н ь я. Батюшка, друг мой царевич, и тебя также.

А л е к с е й. Ты во сне улыбалась, матушка моя. Чего тебе снилось?

А ф р о с и н ь я. Селебен наш, на тебя лицом и повадками похож. И шел по морю, кое покрыто, как лесом, и цветет. Как Селебен наш прошел, так учинилось, а именно, зелень густая отъехала от середины и к берегу пристала.

А л е к с е й. Сие, матушка моя, хорошее сновидение. Мы себя с маленьким Селебеном вручили в сохраненье Божье.

А ф р о с и н ь я. По милости Божьей, Селебен вчера весьма ворочался.

А л е к с е й. Ты, Афросиньюшка моя, не печалься, себя береги. Если пордем от Вены водой, то тепло одевайся, не застудишь, а если по суху, то в Тирольских горах дорога камениста, и надо бы просить у императора коляску хорошую, покойную, чтоб тебя не растрясло. Также бальсам по докторскому рецепту лучше не в немецкой земле сделать, а чтоб прислали из Болоньи или Венеции. Пластырь же можно сделать в Вене или в Иншпруке. *(Опять звонят колокола.)*

А ф р о с и н ь я. Сие в церкви каменной великой, видать, звонят. Вена — город каменный, дома в нем великие, видать, древних лет.

А л е к с е й. Звонят сие, Афросиньюшка, в костеле, построенном во имя архидьякона Стефана. Прежде сего на том костеле стоял герб турецкого султана, а ныне тот герб с того костела скинут, и поставлен на том месте крест. Если обживемся в Вене, то поглядишь. В Стефане во время обедни музыка играет и музыкантов-вспиваков чуть ли не сто.

А ф р о с и н ь я. Может, и правда, прынчик, в Вене обживемся, чтоб Селебена нашего здесь родить. Я уж, прынчик, устала ездить. Уж два месяца переезжаем с места на место.

А л е к с е й. Хорониться нам надо, от моего отца ховаться. Ежели не в Вене, так, может, в горах заховаемся. Горы здесь высокие. Есть места, где и в карете не проедешь, а только лишь в телеге шагом, на быках. По дороге безмерно много камня острого, и течет в глубокой пропасти река. От быстрого течения шум великий. В тех горах всегда лежит много снега, потому что для безмерной их высоты великие там холоды и солнце никогда там промеж гор лучами не осеняет.

А ф р о с и н ь я. А как же, батюшка, мы там жить будем? Это ж край свету.

А л е к с е й. Край свету, Афросиньюшка, для нас с тобой ныне самое подходящее место. Спасибо, нашлись друзья, оповестили, что отец наше место расположения разведал и убийца послал.

А ф р о с и н ь я. Кто ж известил, спаси его, Господи?

А л е к с е й. Сам того не ведаю. Письмо аноним одержал. Еще в нем таковы подробности, что ежели я не выполню свое обещание рекрутироваться на всю жизнь в пустыню, сиречь в монастырь, то батюшка вымыслил иной способ, а именно, призвать меня к себе в землю Датскую и под протектом обучения, посадя на один воинский свой корабль, дать указ капитану вступить в бой с шведским кораблем, который будет вблизи, чтоб меня убить из-под угла, потом же объявляя, что убит в бою, устроить по мне тризну и поминать в церквах. Одначе Бог и святой Николай-угодник и иные святые сего не допустили.

А ф р о с и н ь я *(крестится)*. Слава правде Господней.

Входят граф Шенборн и референт кесаря Дольберг.

Ш е н б о р н. С приятным утром, ваше величество.

А л е к с е й. Вас также, ваше сиятельство.

Ш е н б о р н. Я только, только от кесаря, который при-

слал от себя для разговору референта своего, докладчика тайной конференции, господина Дольберга.

Дольберг и Алексей раскланиваются. Дольберг садится за стол, достает бумаги. Шенборн садится в кресло.

Д о л ь б е р г. Ваше величество, его величество император Австрийский просил меня исследовать в подробностях весь ход дела, чтоб впоследствии, смотря по обстоятельствам, тем вернее можно было действовать.

А л е к с е й. Что моя просьба о греческом священнике?

Ш е н б о р н. Велено объявить, что греческого священника теперь найти невозможно. Особенно такого, который согласится жить с вашим величеством в заключении, как этого требуют обстоятельства, иначе откроется ваше убежище. Между тем, главное условие безопасности состоит в том, чтоб русский государь не проведал о нем.

А л е к с е й *(радостно)*. Кесарь согласен принять нас, Афросиньюшка Федоровна. *(Целует ее.)* Кесарь нас спасает. *(К Шенборну.)* Прошу лишь одного, чтоб в крайней необходимости мне не было бы отказано в присылке духовника.

Д о л ь б е р г. Ваше величество, хотел бы добавить: его величество император Австрийский Карл Шестой сказал: убежища дадим до той поры, пока не откроется случай примирить принца с отцом-государем.

А л е к с е й. Нет, нет... Сердце отца моего добро и справедливо, если оставить его самому себе, но он легко воспламеняется гневом и делается жестокосердным. Все сие, как и немилость ко мне, приписываю жестокой, в низких чувствах воспитанной и вместе с тем ненасытной, честолюбивой и властолюбивой мачехе. Также в особенности Меньшикову, который удалял меня от отца и обходился со мной, как с пленником или собакой, даже бранил при людях поносными словами. Ныне пошло будто лучше, Меньшиков в России отсутствует, понеже он опустошает Польшу, одначе явился к нему заместитель — Толстой, оберпалач отцов. Вокруг отца многие льстецы и злые люди, наводящие его на сотни дурных дел.

Д о л ь б е р г. Согласитесь же, однако, принц, что вступление их цесарского величества в такую великую ссору с русским государем по вашему делу может при нынешних международных конъюнктурах навредить нам немало. Потому лучше положить добрые средства меж вами и вашим отцом, особами столь великого звания.

А л е к с е й. Никакого зла я отцу своему не желаю, согласен любить и чтить его. Только возвращаться к нему не хочу. *(Плачет.)* Умоляю австрийского императора не выдавать меня и спасти бедную жизнь, также пощадить невинную кровь бедных детей, о чем прошу господина референдаря доложить кесарю.

Ш е н б о р н. Я вижу, господин Дольберг, что вы о состоянии сего дела подлинно не извещены. Цесарь имеет немалый резон кронпринца секундовать. Принц прав перед отцом своим и имел резон спастись из земель отцовых. Вскоре после рождения принца Петра отец-государь силой принудил старшего сына отказаться от короны.

Д о л ь б е р г. А у меня сведения, что принц добровольно отказался от престола.

А л е к с е й. Царь и его министры стараются всеми силами уверить публику, будто я добровольно отказался от престола. Одначе я никеле не соглашался ни за себя, ни за своих детей, и только силою и страхом принудили меня подписать отречение. Я опасался невольного пострижения, смертных побоев, опоения, отравы. Все сие происки Меншикова да Толстого и иных, которые боятся, что престол со временем достанется моему роду. Я за детей моих никогда не отказывался и в сердце своем все предоставил Богу. В самом деле, Бог не дал моему брату Павлу ни здоровья, ни талантов и тем доказал, что владыки мира в Его деснице.

Д о л ь б е р г. Все ж, господа, будем откровенны. Событие для цесаря весьма неприятное, которое он желал, чтоб не случилось, но как отвратить было нельзя, то цесарь по родству, по участию к несчастному положению принца и по великодушию цесарского дома защищать невинно гонимых, дал принцу покровительство и защиту. Вместе с тем, следует

сказать, что русский резидент Веселовский требует у цесарских министров, то у одного, то у другого ответа и дает знать, что русский государь будет искать и требовать своего сына *armata manu* — вооруженной рукой. Кесарем получено от государя личное письмо из Амстердама.

Ш е н б о р н. Что в том письме?

Д о л ь б е р г. Угрозы нашему двору и вообще написано в терминах крепчайших.

А л е к с е й. Призываю Бога в свидетели, что никогда ничего не сделал отцу или его правлению противного долгу сына и верноподданного, никогда не думал о возмущении народа, хотя это нетрудно было бы сделать, потому, что народ русский меня любит, а отца ненавидит за недостойную царицу, за злых любимцев, за уничтожение старых добрых обычаев и за введение всего дурного, также за то, что отец, не щадя ни крови, ни денег, есть тиран и враг своего народа.

Д о л ь б е р г. После прочтения письма государя Петра Первого у меня был разговор с кесарем, не спросить ли в тайне короля английского как курфюрста и как родственника Брауншвейгского дома, откуда родом покойная прицесса Шарлотта, не намерен ли он защищать принца.

Ш е н б о р н. Не надобно давать знать двору Английскому, что мы боимся русского государя. Нужно также смотреть, чтоб англичане не воспользовались этим положением к собственной выгоде. Тем более, что кесарь всемилостивейше обещал покровительство и защиту принцу, и по его желанию уже назначена для убежища принца горная крепость в Тироле — Эренберг.

А л е к с е й (*радно*). Я готов ехать сию минуту куда угодно, и милостивое обещание кесаря будет для меня утешением во всяком месте.

Ш е н б о р н. Его величество просил передать вам деньги, а ее величество австрийская императрица передает на память кошелек для часов с цепочкою и печатью.

А л е к с е й (*беря деньги и подарок*). Не имею слов, чтоб сказать свою благодарность ее и его величествам.

Ш е н б о р н. Людям нашим, которые ваше величество

будут сопровождать, сказано, что вы присланы сюда, чтоб заключить тайный союз между Россией и Австрией, и для избежания подозрения неприятеля намерены удалиться от самой Вены на некоторое расстояние. Будут, однако, среди них и такие, которым мы скажем правду и которые будут охранять вас от яда, кинжала и прочих русских galanterien. О том дано указание и коменданту крепости генералу Росту.

Д о л ь б е р г. Хотите ли, принц, еще чего добавить или спросить?

А ф р о с и н ь я. Спроси, прынчик, будут ли нам в сей фортеции выдавать свежее постельное белье, али как в "Золотой горе" белье будет.

А л е к с е й. Нас, Афросинюшка, берет кесарь на полное довольствие. (К Дольбергу.) Где сия фортеция располагается?

Д о л ь б е р г. В семидесяти восьми милях от Вены, меж Италией и швейцарской дорогой.

А ф р о с и н ь я. Хочу сказать, что есть хочется, да не лицо. Я ныне и за себя, и за нашего Селебена ем. Икры бы паюсной с калачом московским, али сняточков белозерских. Соленого хочется. Не могут ли господа, чтоб из России нам икры прислали да семги, да круп грешных, да калачей московских.

Д о л ь б е р г. Ваш слуга чем-то недоволен?

А л е к с е й. Принцесса Афросинья Федоровна голодна.

Д о л ь б е р г. Прошу прощения, ваше величество, я не понял, что вы здесь с принцессой.

Ш е н б о р н. Мы, по перенятой турецкой привычке, с утра лишь пьем кофе с хлебцами. Однако, если желаете, подадим закуски. Желаете утиный паштет и помидоры по-итальянски, фаршированные сыром и рисом, или что иное?

А ф р о с и н ь я (вздыхнув). Колбасы бы танбовской.

А л е к с е й. Пусть принесут, что у вас имеется, ведь не дома мы. Хотел бы спросить вас, граф, и вас, господин референдарь, понеже, скрываясь, отстал от политических новостей. Низкие льстецы и злые люди вокруг отца моего давно разжигают всякое в нем тщеславие, чему доказательством служат отцовские фантазии о титуле императорском. Искательство этого титула причинило одне досады и ничего су-

щественного не принесло России. В каком положении дело?

Д о л ь б е р г. Недавним договором Вестфальским, публичным свидетельством почти всей Европы признано истинное и настоящее достоинство российского государя. Признан за ним титул – император, а за Россией – Российская империя. Земли Лифляндские, Малороссийские и Польские, подпавшие под власть России, признаны Европой как части этой Российской империи.

А л е к с е й (*растерянно и задумчиво*). Неужто подобное учинилось? Мож. ссора с отцом не меж людьми ссора, не меж отцом и сыном, не меж государем и наследником, это ссора, господа, прежде всего меж двумя Россиями, меж Россией мирной и Россией военной. Изберет ли Россия мирный путь в среде славянства, либо вмешается в самую гущу европейской, католической страсти. Наша Россия в европейских ссорах запутается, как в птичьих силках, и даже если б в будущем появился правитель, который захотел бы выпутаться, то уж не смог бы.

Д о л ь б е р г. Однако договором Вестфальским величие и значение Российской империи признано, как никогда ранее, и вам, наследнику престола, это должно быть радостно.

А л е к с е й. Чему радоваться, господин референдарь? Ни вам, ни нам радоваться нечего. От Российской империи Европе николе не будет покою, а российскому народу николе не будет счастья.

Ш е н б о р н. Если место пребывания ваше в крепости Эренберг будет обнаружено русскими агентами, то предусмотрен тайный перевод ваш в замок Сент-Эльмо, близ Неаполя.

З а н а в е с

Сцена 8

Неаполь. Замок Сент-Эльмо. Алексей сидит у стола, что-то торопливо пишет, читает, рвет, бросает в корзину и пишет вновь. Осторожно на цыпочках входит Афросинья с галстуком в руках. Приблизившись с

улыбочкой, набрасывает сзади галстук на шею Адексею. Алексей с криком судорожно хватается руками за галстук, как висельник за петлю, и падает из кресла.

А ф р о с и н ь я (*смеется*). Прынчик напужался. Я тебе гостинец принесла, да с жартом преподнести решила. Вот еще четки деревянные.

А л е к с е й (*улыбаясь, поднимается с пола*). Афросиньюшка вернулась. (*Обнимает ее*). Что доктор приказывал?

А ф р о с и н ь я. В Неаполе приказывал дохтор, который меня лечил, чтоб мне на пятом или седьмом месяце кровь пустить, и о сем, как изволишь ты, пускать мне али нет и сколько унций пустить.

А л е к с е й. Ежели дохтор приказал, значит пустить. А в Венеции как?

А ф р о с и н ь я. В Венеци порошок дали. Как жили в Тироле — все скука. В Венеци же с графиней Даун в опру ходили, одначе ни опры, не комедии не застали. Токмо в один от дней на гудоле ездили в церковь музыки слушать. Во всей Италии славные певцы. Первый — кастрат Мачуль, неополитан, вторая — девка Маргарита, третий кастрат Картус, четвертый — кастрат Пикуданина, пятая — девка Сицилия, шестая — Каталина — девка. На короновал одному кастрату дают найму тысячу червоных и более. Здеся все музыки любят. Графиня сказывала, когда австрийцы занимали Неаполь, то, входя, хором пели.

А л е к с е й (*смеется*). Ах ты, Афросиньюшка Федоровна, умница моя. Все-то ты помнишь, все-то ты понимаешь. Вот бы и мне поездить. Италию люблю. Тут церкви занятные. Помню, в одной церкви Пресвятая Богородица высечена из белого мрамора, держит младенца предивной работы.

А ф р о с и н ь я (*улыбается*). Так же и я Селебена нашего скоро держать буду.

А л е к с е й (*целует ее*). Помолиться бы о том. В Баро к мощам Николая-чудотворца бы съездить, преклониться, да сижу, как зверь в клетке, под чужим венгерским именем. Я и тебя б не пускал, да чреватости надобно. Не было тебя три дня — сердце все колотилось. Ведь как выследили нас батюш-

кины агенты в Эренберге, да как ехали мы, чтоб схорониться в Неаполь, всю дорогу и в Иншбруке, и в Монтуе, и в Флоренции, и в Риме до самого Триента встречались нам подозрительные люди. Пришлось хорониться. А хотелось выйти да погулять, да поглядеть.

А ф р о с и н ь я. Флоренция город велик, да на улицах не чисто.

А л е к с е й. Мы б с тобой не по улицам ходили, поехали б в сад к князю Бургезия. В саду его много славных владельцев и мучителей из мрамора. А иное — что ж мне на мраморных-то мучителей глядеть, ежели имею батюшку мучителем. Одначе, Афросиньюшка, не долго уж. Я вот письма писал.

А ф р о с и н ь я. Видела. Писал да дирал.

А л е к с е й. Хочу как след написать. Весть получил, в Макленбургии волнения. Гвардейские полки, составленные большей частью из дворян, замыслили с прочими войсками царя убить, а царицу с детьми привезти в Суздаль, в тот монастырь, где моя матушка, царица Евдокия заключена. Мать мою решили освободить, а правление мне дать.

А ф р о с и н ь я. Поедешь к бунтовщикам?

А л е к с е й. Если позовут — поеду. Я письмо кесарю написал, не поможет ли он мне войском, чтоб добыть корону российскую. А также письма в Россию к сенаторам и к епископам. *(Читает.)* "Превосходительнейшие господа сенаторы. Как Вашей милости, так чаю и всему народу сообщаю о моем отлучении от любезного отечества, которого, аще бы не случай, никогда бы не хотел оставить. И ныне обретаюсь благополучно и здорово под хранением некоторые высокие особы". *(Читает далее про себя.)* Набело переписанное письмо я через австрийского секретаря хочу по дипломатической почте в Россию переслать резиденту Плееру для передачи далее. А письма черные тебе хочу отдать, Афросиньюшка, верному другу моему, на хранение. *(Дает ей письма, она прячет их за пазуху.)*

А ф р о с и н ь я. Я посля их в скрыньку перекладу, среди белья да прочего. Еще донести тебе хочу, прынчик, о моих покупках, которые, быв в Венеци, купила. Тринадцать

локтей материи золотой, дано за онную материю сто шестьдесят семь червонных, из камня крест, серьги, перстень лаловый, а за убор дано семьдесят пять червонных.

Входит секретарь Вайнгард.

В а й н г а р д. Ваше величество, готова ли почта?

А л е к с е й. Почта готова. Сей пакет в Вену кесарю от меня, сей по дипломатической почте в Россию. *(Вайнгард берет письма.)* Прошу также передать послу вашему, если будет ведомость обо мне, что меня в живых нет, или иное зло, чтоб не изволили верить.

В а й н г а р д. Сейчас должен явиться неаполитанский король, граф Даун, ибо без него не могу вам показать, что велено.

А л е к с е й *(с беспокойством)*. Что показать? Кем велено? *(Входит граф Даун.)* Граф, неужто место пребывания мое и здесь открыто?

Д а у н. У меня важное сообщение, принц, посему прошу удалить вашу переодетую мужчиной женщину.

А л е к с е й. Ей можно все знать.

Д а у н. Нет, надобно быть только вам.

А ф р о с и н ь я. Я и сама пойду. *(К Алексею.)* Ты, друг мой, не печалься, полагайся на Бога.

Д а у н. По случаю важности дела сюда выехали вице-канцлер граф Шенборн и референт кесаря господин Дольберг. Однако, видно, дожди в горах их задержали, и потому решил объявить вам в их отсутствие. Кесарь получил личное письмо от его величества русского государя. Велено показать его вам в оригинале.

А л е к с е й. Я видеть не хочу.

Д а у н. Велено показать, ваше величество, и прочесть. *(К секретарю.)* Читайте.

В а й н г а р д. Пресветлейший, державнейший князь, особливо любезный приятель! Мы подлинно, через капитана Румянцева убедились, что сын наш, Алексей, отослан за крепким карулом в город Неаполь, чему капитан Румянцев

самовидец от самой крепости Эренберг. Для чего так неприятно изволит цесарское величество с нами поступать? Он хочет меня с сыном судить. У нас и с подданными-то необычно. Сын должен во всем повиноваться воле отца. А мы, самодержавный государь, ничем цесарю не подчинены и вступаться ему не следует, а надлежит его к нам отослать. Мы же, как отец и государь, по должности родительской его милостиво примем, тот его проступок простим и будем его наставлять. Чем его цесарское величество покажет и над ним милость и будет им впоследствии возблагодарен, ибо ныне содержится, как невольник, за крепким караулом под именем некоторого бунтовщика графа венгерского.

Входят Шенборн и Дольберг.

А л е к с е й (бросается к Шенборну, падает перед ним на колени, подняв руки к небу и заливаясь слезами). О, умоляю спасти мою жизнь именем Бога и всех святых и не покинуть меня, несчастного, иначе я погибну. Я готов ехать, куда император прикажет, и жить, где он велит, только бы не выдавал меня несправедливо раздраженному отцу.

Ш е н б о р н (берет за плечи плачущего Алексея и поднимает его). Какой честный человек решился бы склонить ваше величество к возвращению, после того как вы неоднократно рассказывали о своих несчастьях и характере своего отца.

А л е к с е й. Могу ли я идти, поскольку внезапно заболел головой?

Д о л ь б е р г. Повремените, принц. Я, господа, хотел бы, однако, напомнить, что об этом происшествии ныне мало не вся Европа ведаёт. Это происшествие чрезвычайно важно и опасно, потому что русский император, не получив удовлетворительного ответа, может с многочисленным войском, расположенным в Польше, по силезской границе вступить в герцогство и там остаться до выдачи сына. А по своему характеру русский император может ворваться и в Богемию, где волнующаяся чернь легко к нему пристанет.

Д а у н. Как же поступить нам, господин референт?

Д о л ь б е р г. Это внутреннее русское дело, и мы должны допустить до встречи с принцем русских полномоченных, которые находятся здесь.

А л е к с е й (*испуганно*). Кто здесь?

Д о л ь б е р г (*заглядывая в бумагу*). Статский чужеземных дел коллегии тайный советник Петр Толстой и капитан Александр Румянцев.

А л е к с е й. Толстой не дипломат, а оберпалач. Румянцев же попросту убийца. Встречаться с ними не желаю.

Д о л ь б е р г. Ваше величество, нам указано, что кесарь ни под каким видом вас не выдаст. Однако встретиться вам с русскими полномоченными необходимо.

Ш е н б о р н. Даже вопреки воле?

Д о л ь б е р г. У меня имеется финальная резолюция кесаря. Извольте, рукой кесаря — свидание должно быть непременно.

А л е к с е й (*плача*). Господа, я в отчаянии, я не могу терпеть такое мучительство.

Вайнгард наклоняется и шепчет что-то на ухо графу Дауну. Граф кивает.

В а й н г а р д. Господа, герцогиня Волфентибельская изволили присутствовать.

Входит герцогиня.

Г е р ц о г и н я (*целует Алексея*). Пресветлейший принц.

А л е к с е й (*целует ей руку*). Всемиловейшая государыня.

Г е р ц о г и н я. Как мать покойной жены твоей, принцессы Шарлотты, как бабушка твоих детей, моих внуков, наконец, как мать принцессы Волфентибельской, сестры покойной Шарлотты, нынешней австрийской императрицы, я поспешила сюда, едва меня о том просили с двух сторон.

А л е к с е й. С которых двух, герцогиня?

Г е р ц о г и н я. Со стороны австрийского двора и со стороны русского двора. Тайный советник Толстой заезжал ко

мне и просил меня как родственницу твою содействовать его встрече с тобой.

А л е к с е й. Нет, с Толстым я встречи не хочу и того опасуюсь.

Д о л ь б е р г. Однако имеется резолюция кесаря.

Г е р ц о г и н я. Когда Толстой первый раз ко мне заехал, я ему ответила, что мне обстоятельства неизвестны и где принц неизвестно. Может, проехал через земли кесарьские, а куда, ни кесарь, ни кесаревна, ни я не знаем. Однако, поняв, что Европе о всем известно, а Толстому подавно, решила сказать правду и обещала трудиться, чтоб это дело прекратить без ссоры.

А л е к с е й. Умоляю, герцогиня, не иметь обо мне дурного мнения, будто я худо жил с покойной женой, вашей дочерью. Свидетельствуется Богом, что никогда не имел с ней малейшей ссоры или несогласия. Всему свету известно, что отец мой, государь-батюшка, обходился как с нею, так и со мною всегда презрительно, в публичных обществах никогда с нами не говорил и предпочитал моей жене министерских жен. Шарлотта так огорчалась, что с досады нередко бывала больна, и по ее собственному пред концом жизни признанию, подобные огорчения были виной преждевременной смерти ее.

Г е р ц о г и н я. Господа, позвольте мне с зятем моим говорить наедине.

Д о л ь б е р г. Но недолго, герцогиня.

Ш е н б о р н *(тихо Дольбергу)*. Свидание принца с Толстым должно быть так устроено, чтоб никто из москвитян, отчаянные люди и на все способные, не напал на принца и не возложил на него руки. Хотя я того не ожидаю.

Все выходят, оставляя Алексея и герцогиню наедине.

Г е р ц о г и н я *(оглядываясь и понизив голос)*. В последнее время распространяется в Европе слух, что дочь моя жива и так же тайно бежала из России в Америку. Будто в Луизиане вышла замуж за француза, лейтенанта Обера, или

де Обана, возвратилась с ним в Европу и живет то ли в Ильде-Франс, то ли в Париже, то ли в Брюсселе.

А л е к с е й. Это сказка. Принцесса скончалась в Петербурге и погребена в Петропавловском соборе. В день погребения Шарлотты царь обнаружил свою немилость и написал мне жестокое письмо, а на другой день, после рождения новой царицы сына объявил мне, что я должен постричься в монахи. Но за детей своих я никогда не отказывался.

Г е р ц о г и н я. Я в этом деле заинтересована близким свойством. Я спрашивала Толстого, соглашаясь посредничать, могу ли тебя, принц, уверовать, что отец дозволит тебе жить в том месте, какое ты изберешь? Толстой отвечал, что в том, по его мнению, затруднений не будет, если ты, принц, с ним поведешь. И на аудиенции у кесаря Толстой дал обещание, что отец твой простил тебя. Мне очень приятно будет слышать, сказал кесарь, когда царевич получит прощение.

А л е к с е й. Верить им нельзя, герцогиня. Отцовы царедворцы хитры и лживы. Нет, нет, я не поеду.

Во время разговора входят Толстой, Румянцев, граф Даун, граф Шенборн, Дольберг, секретарь Вайнгард.

Т о л с т о й. Чаю, его цесарскому величеству и цесаревне и вам, герцогиня, известно, как он с сестрою ее величества австрийской императрицы и вашей дочерью, супругою своею обходился, и потому могут и о другом рассуждать.

А л е к с е й (*оборачивается и, увидев русских послов, начинает, дрожа от страха, кричать и прятаться за спины австрийцев*). Не допускайте их ко мне! Они убьют меня. Более всего того боюсь. (*Указывает на Румянцева.*)

Р у м я н ц е в. Известна также и загадка пажа, работной крепостной девки, с которой царевич живет в блуде и брюхатой возит за собой.

Г е р ц о г и н я. Что бы ни было, я считаю своим долгом искать всяких способов, чтоб сделать такое славное дело: примирить славного монарха с сыном его.

Т о л с т о й (*весьма учтиво*). Весьма благодарен за такое

обещание, иначе иному примирению быть невозможно, как только, чтоб цесарь изволил отослать царевича со мною к отцу. Его величество простит сына и примет его по-прежнему в свою отеческую милость. Если же он пребудет непокорен и со мной не поедет, его величество предаст его проклятию.

Г е р ц о г и н я. Сохрани от сего, Боже! Клятва упадет и на моих внуков.

Т о л с т о й (к Алексею). Царевич, у меня имеется к вам собственноручное письмо отца вашего.

А л е к с е й (испуганно). Никакого письма брать не желаю.

Т о л с т о й (учтиво). В таком случае я его зачту публично. (Достает письмо, читает). "Мой сын! Что ты учинил? Ушел и отдался, яко изменник, под чужую протекцию, обольстя меня и заклинаясь Богом при прощании. Что неслыхано не точию между наших детей, но между нарочитых подданных. Чем какую обиду и досаду отцу своему и стыд отечеству своему учинил. Того ради посылаю ныне сие последнее к тебе письмо, дабы ты по воле моей учинил, о чем тебе господа Толстой и Румянцев будут говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебе обещаю Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешься и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то яко отец, даною мне от Бога властью проклиною тебя вечно, а яко государь твой за изменника объявлю и не оставлю всех способов тебе, яко изменнику и ругателю отцов, учинить наказание за бунт, в чем Бог мне поможет, поможет в моей истине".

Д а у н. Принц, согласны ли вы возвратиться под клятву Богом отца и государя?

А л е к с е й. Господа, я уехал под протекцию кесарьскую, опасаясь гнева отца, принуждавшего меня к пострижению, чтоб отлучить от короны. Теперь ничего не могу объявить, потому что надобно мыслить о том гораздо.

Т о л с т о й. Сколько же думаете мыслить? Год али десять?

А л е к с е й. Сейчас возвратиться к отцу опасно и пред

разгневанное лицо явиться не бесстрашно, а посему не смею возвратиться. О том письменно донесу протектору моему, его кесаревскому величеству.

Т о л с т о й. За такое непослушание государь предаст вас клятве отеческой и церковной и объявит во всем государстве нашем ваше непокорство. Рассудите сами, царевич, какой вам будет живот? Не думайте, что можете быть безопасен. Разве что в вечном заключении под крепким караулом похотите быть и так душе своей в будущем, а телу в сем еще венце мучение заслужите. Мы не оставим искать всех способов к наказанию непокорства вашего. Даже вооруженное рукой цесаря к выдаче вашей принудим. Рассуждайте, что из этого последует. Вы своим непокорством внесете лишь раскол меж дружескими народами и препятствуете миру меж ними.

Д а у н. Наше кесарское величество стремится оказать русскому императору услугу, устраняя возможность попасть царевичу в неприятельские руки. И тем более без нарушения народного права могли принять столь высокую особу, что она с нами в свойстве.

Т о л с т о й. Мы уразумели, что говорил цесарь, и благодарствуем за то. И при том не могу оставить, не объявляя, как зело удивляет, что царевич его величеству тайно, под крепким караулом удерживался, нам же о сем говорили неправду. Мы сие примем за явный разрыв и будем перед всем светом на цесаря чинить жалобы и искать неслыханную и несносную нам и чести нашей обиду отомстить.

Г е р ц о г и н я. Цесарь в это дело мешаться не хочет и представляет все воле русского императора и сына его. Как они хотят, так меж собой согласятся.

Ш е н б о р н. Однако для дружбы с российским государем кесарь будет делать лишь то, что непредосудительно кесарской чести и власти.

Т о л с т о й. Какое чувство может иметь его императорское величество Петр Алексеевич из поступков цесаря? Если б сын цесаря, принц Евгений Савойский, отлучась от своего отца, искал убежища в землях российского государя и

оно было бы дано тайно, сколь болезненно было бы это цесарю.

Г е р ц о г и н я. Принц Евгений — человек военный, а натуру царевича я знаю. Отец напрасно трудится и принуждает его к воинским делам. Он лучше желает иметь в руках своих четки, нежели пистолы. Только то мне безмерно печально, чтоб немилость государя на внука моего не пала.

Т о л с т о й. Цесарь хочет нашего государя с сыном его судить. У нас и с подданными-то необычно. Наш государь самодержавный, ничем цесарю не подчинен, и вступаться ему не следует.

А л е к с е й (Дауну). Граф, если отец вздумает требовать меня с оружием в руках, могу ли я положиться на покровительство кесаря?

Д а у н . Я уж говорил, кесарское величество с удовольствием будет видеть примирение отца с сыном, но если вы, принц, считаете небезопасным возвратиться, то можете положиться на покровительство кесаря, который довольно силен, чтоб защищать принимаемых им под протекцию.

Т о л с т о й. Его величество государь-император наш будет считать царевича изменником и не отстанет, пока не получит его живым или мертвым. *(К Алексею.)* Я имею повеление не удаляться отсюда прежде, чем возьму тебя, и если б перевезли тебя в другое место, то и туда буду за тобой следовать.

А л е к с е й (испуганно подходит к Дауну и берет его за руку). Граф, я бы хотел с вами переговорить в другой комнате. *(Уходят.)*

Ш е н б о р н. Требования российского государя послать царевича с вами исполнить невозможно. Надо бы послать его неволею, а это будет предосудительно кесарьской власти и противно всесветным правам. Это будет знак варварства.

Т о л с т о й. Царевич Алексей не просто изъявляет замерзлое упрямство. Он бунтовщик и пишет в Россию своим сообщникам подстрекательские письма, стремясь свергнуть с престола законного государя, батюшку своего. Мы просили письма, где он просит цесарского войска у цесаря себе в по-

мощь. Однако нам отказали, заявив — одно сожжено вовсе, второе затерялось. Сие есть волокита и почти ругательный поступок, который приведет к большим конфузям. Хотел бы напомнить, что бунтовщики имеются не в одной России. Пример тому венгерский бунт. Имеется также ведомость, что флот гишпанский стоит между Неаполем и Сардиниею и что намерен, высадя людей на берег, атаковать Неаполь, понеже неаполитанская шляхта сделала против цесаря ком-плот и желает быть под властью гишпанской, нежели под цесарской.

Ш е н б о р н. Мы, господин Толстой, держава европейская и имеем свои понятия о чести, которые шантажом не изменить.

Г е р ц о г и н я. Я желаю примирения. Впрочем, не советую ничего и не отсоветую. Молю Бога, чтоб державы наши избрали наилучшее.

Т о л с т о й. И я молю Бога, чтоб меж нами был мир и чтоб мы постыдили своих супостатов.

Алексей входит с Дауном.

А л е к с е й. Отец хочет прекращения живота моего, потому не могу возвратиться и ни под каким видом и не хочу попасть в руки отца. Отцу, может быть, буду писать, ответственая на его письмо, и тогда уж дам конечный ответ. *(Откланявшись, удаляется.)*

Ш е н б о р н. Я думаю, на этом дело следует прекратить. Принц возвратиться отказался.

Т о л с т о й. Мы требуем именем его императорского величества нового свидания для разговору с царевичем. Если царевич будет просить у цесаря, чтоб отпустил его из своей области и если ему позволено то будет, цесарь покажет российскому государю явный признак неприязни.

Ш е н б о р н. Кесарю держать принца в своих землях неволею невозможно. Впрочем, не думаю, что он захочет выехать в другое государство.

Г е р ц о г и н я. Весьма хорошо было бы узнать новые мысли принца, прежде чем он поговорит со своею переде-

той женщиной, чтоб она его не отклонила.

Р у м я н ц е в (*улыбаясь*). У нас, офицеров, о женщинах иное мнение. Они лишь в западню отклонить могут, а не из западни.

Т о л с т о й (*тихо*). Александр Иванович, сия ваша шутка не к месту. Дело же наше в великом затруднении. Надобно поспешить к отходу почты написать государю, а что писать, не знаю.

Д о л ь б е р г. Вы, господин Толстой, не должны решительно прерывать дела, что соответствует резолюции кесаря. Запаситесь терпением, а чтоб не было скучно, можете осмотреть разные достопримечательности.

Т о л с т о й. Воспользуюсь вашим советом, граф. В случае чего, мы в гостинице "Трех королей". (*Раскланивается и уходит вместе с Румянцевым.*)

Д а у н. Теперь принц обнаружен. Посему, как я должен его трактовать? До сих пор он был государственный арестант, хоть и своею волею. Теперь же не может жить так тесно и дурно. (*К Дольбергу.*) Прошу повеления кесаря увеличить суммы на содержание.

Д о л ь б е р г. Я кесарю доложу.

Ш е н б о р н (*подходит к герцогине*). Простите, герцогиня, но я не пойму вашего поведения. Резидент наш, Плеер, сообщает тайно, что в Петербурге все друзья принца надеются на его невозвращение. Возвращение для него смертельно.

Г е р ц о г и н я. Я это делаю ради детей принца, которых он бросил на произвол судьбы. У меня имеются известия, что принц хочет овладеть престолом и отдать его мимо детей от Шарлотты в руки незаконнорожденного, которого он ждет от этой мужички, переодетой в мужское платье.

З а н а в е с

Сцена 9.

Неаполь. Замок Сент-Эльмо. Толстой и Румянцев сидят за столом.

Р у м я н ц е в. В карты бы поиграть заради скуки, да заклался я.

Т о л с т о й. С которых пор? Ведь я знаю, ты картежник был.

Р у м я н ц е в. Был, Петр Андреевич, до прошлых маневров. Во время маневров слезли с лошадей на привале и полез я в сумку за картами. Чувствую, в сумке что-то другое. Вынув этот предмет, не поверил своим глазам. Оказалось, вместо карт образ Божьей Матери. Это явление образа Пресвятой Богородицы смутило меня до высшей степени, тем более, что хорошо помнил, как собственноручно утром этого дня перед походом положил две колоды карт в свою сумку. Не мудрствуя лукаво принял это за сверхъестественное указание и предупреждение и тут же дал себе клятву более карт в руки не брать.

Т о л с т о й. Ежели б Матерь Божья в нашем деле указание дала нам. Который день ходим к нашему зверю, а обложить как следует не можем. Уж и австрийцы в сумнении. И сегодня день беспутный. Встал рано, пошел гулять, да все думал, что учинить. В Петербурге, али в Москве скорей бы придумалось. Здесь же в Италии думается о ином. Море плещет, пальмы шумят, старики сидят на балконах и смотрят на восходящее солнце. Я Италию шибко люблю и в Италии, может, по-иному жил бы. Меня государь как-то орла пить заставил за то, что при нем на ассамблее слишком Италию хвалил.

Р у м я н ц е в. И я на Италию поглядел. Девки здесь веселые, и кругом все весело, может, от теплого моря. В Женуе порт невелик, а в Венеции по всем улицам вода морская, да на судах ездят во все дома. Никаких лошадей, никаких карет, никакого скота.

Т о л с т о й. Венеция красива. Множество мостов каменных да деревянных. Да церковь там красива святого евангелиста Марка. Четыре лошади над дверьми медные без узд вызолочены. А поставлены в знак венецианской вольности. Мы ж с тобой люди подневольные. Вот не знаю, что сегодняшней почтой государю написать, хоть кое-что и придумал.

Р у м я н ц е в. Европа для проказ место подходящее. В Амстердаме, в доме одном был на ужине с раздетой дочиста прислугой, а здесь, в Неаполе, вечерами веселится множество людей в машкарах, по-славянски, в харях, чтоб никто не узнал. Многие ходят с женами, но также и приезжие иноземцы ходят с девицами и грешат много. *(Смеется.)* Когда сойдутся на площади в машкарах, берут за руки иноземцев приезжих и гуляют с ними, забавляются без стыда. *(Смеется.)*

Т о л с т о й. То-то, Александр Иванович, я тебя сыскать не мог. Уж думал, вновь тебя арестовали, как в Австрии.

Р у м я н ц е в. В Австрии иное. Там генерал Рост взял у меня пасс и не велел никуда выезжать оттого, что я был под именем Галицкий, а прежде числился шведским офицером Любчиковым. Тут же я под своим пассом, русским. Шесть дней меня австрияк под арестом держал, а после выслал. Велел в Баварию на Фезен ехать. Меж тем, как я узнал: через подкуп, что царевича в Италию повезли, из Фезена объехал Иншбрук и следил за царевичем до Неаполя, иначе б потеряли.

Т о л с т о й. Нам тут в Европе без подкупу не обойтись. Многие берут. Знать надо лишь, сколько кому. Вот с деньгами туго. Я уж из своих сто шестьдесят червонных дал секретарю Вайнгарду. Но надежду имею, что при благополучном завершении государь вернет. Ныне же дело наше в великом затруднении. Ежели не отчаётся дитя наше протекции, под которой живет, никогда не помыслить ехать..

Входит граф Даун.

Д а у н. Прошу, господа, прощения за задержку, дел иных множество. Бунтовщиков из Венгрии привезли, принимать их надо было.

Т о л с т о й. Наше дело давно кончиться могло, но царевич многими разговорами только время продолжает, а ехать в отечество не хочет, и не думаю, что без крайнего принуждения на то согласится.

Д а у н. Скажу вам по доверенности, я получил от кесаря собственноручное письмо склонять царевича всеми мерами к

возвращению к его величеству русскому императору или к выезду куда ни есть. Кесарь не хочет быть с вами в неприязни.

Т о л с т о й. Выезд куда ни есть быть не должен. Царевич может укрыться во Франции, али в Швеции, али еще где. Посему надобно вашей милости во всех местах трудиться, чтоб ему явно показать, что оружием защищать его не будут, а он все упование в том полагает.

Входит Вайнгард.

В а й н г а р д. Милостивые государи, я имею письмо от принца Алексея отцу своему, его императорскому величеству. *(Передает письмо Толстому.)*

Т о л с т о й. Что в письме?

В а й н г а р д. Пишет, что ехать отказывается и объясняет причины. Вам, господин Толстой, просит объявить, что принять не может по болезни.

Д а у н *(к Толстому)*. Я уж не знаю. Хотел бы спросить вашего мнения, как поступать.

Т о л с т о й. Показать царевичу явно, что цесарь его оружием защищать не будет, да и резерва не имеет. Хоть он в разговорах всегда упоминает, что ему обещана протекция, на которую очень надеется, но цесарь исполнил свое слово. Государь наш, Петр Алексеевич, объявил царевичу свое прощение, заклинаясь Богом, во всех винах его простить, если только с повинной воротится. Следовательно, цесарь уж не должен более его протектовать. Явно, что он по упрямству к отцу ехать не хочет. Следовательно, нет повинности против правды за него вести с Россией войну, будучи притом в войне с двух сторон, с турками и гишпанцами. И ежели до того дойдет, то принужден будет цесарь и против воли выдать его отцу.

Д а у н. Так сурово говорить ему нельзя.

Р у м я н ц е в. Надо отнять у него девку, которую при себе держит. Девка — беглая крепостная, и уж ее-то цесарь протектовать не обязан.

Т о л с т о й. Афросинья беременна четвертым месяцем, и нельзя выразить, как царевич ее любит и какое имеет о ней попечение. Потому надо бы его девкой постращать.

Д а у н. Хотя мне нельзя без указа, однако увидим, что из этого будет. *(К секретарю.)* Велите взять девку.

Т о л с т о й. Господин Вайнгард, я просил бы вас будто за секрет, сказать царевичу все, что мы говорили с графом. Чтоб не надеялся на протекцию цесаря, который оружием защищать его не будет по случаю войны с турками и гишпанцами. Убедите царевича, что цесарская протекция ему не надежна и поступят с ним против его воли.

В а й н г а р д. Будет сделано. *(Уходит.)*

Т о л с т о й. Умный человек.

Д а у н. Он со мной уж давно. С 1681 года, когда мы, будучи на бранденбургской службе вместе участвовали в морском сражении бранденбургского флота против флота Испании.

Т о л с т о й. Надобно, чтоб с трех сторон пришли царевичу противные вести. Во-первых, Вайнгард должен отнять у него надежду на протекцию цесарскую, во-вторых, отнять Афросинью, а в-третьих, я сейчас подумал, каким-то образом дать ему знать, что будто отец приезжает сюда в Италию. Он одного вида отца своего боится.

Солдаты проводят плачущую Афросинью.

А ф р о с и н ь я. Граф, пошто меня от царевича отлучили? Он ныне упалый, больной, мучается. Я ему подмога.

Д а у н. Указ цесарский из Вены. Ты признана беглой крепостной девкой. *(Солдатам.)* Ведите ее ко мне в канцелярию. Я туда иду. *(Афросинью уводят.)*

Т о л с т о й. Поговорите с ней, граф, постращайте и пришлите к нам для разговору.

Д а у н. Так и сделаем. *(Уходит.)*

Р у м я н ц е в. Вишь, какая рыжая. Эк, чертовка. Вот работа для живописца. Вот лицо для сердца и души.

Т о л с т о й. Тебе, Александр Иванович, только бы цветок в петлицу, да кокетством заниматься. А государь на нас надежду имеет.

Р у м я н ц е в. Если уж женщиной овладеем, так государя

не подведем. В каждой военной операции надобно понять, с которой стороны подойти. В 1714 году послал меня государь в Архангельск набрать опытных корабельных мастеров пятьсот человек. Думал, не сумею, однако размыслил и справился. Затем послал меня взять город Каябур в восточной части Ботнического залива. Каябур сдался. Нашел в нем двадцать пушек да две тысячи пятьсот тулупов, которые выслал в Копенгаген, поскольку там тогда государыня пребывала. И повсюду, куда б меня государь ни посылал, велел он генералам, штаб- и обер-офицерам: слушайте во всем капитана Румянцева.

Т о л с т о й. Ну и какую ж ты здесь операцию предложишь, Александр Иванович?

Р у м я н ц е в. Прежде прежнего, Петр Андреевич, надобно взять фортецию, господствующую над местностью, а потом уж идти на общий штурм.

Т о л с т о й. Это значит — женщину?

Р у м я н ц е в. Именно. Благословен и многосчастлив тот человек, которого Бог наделил женой честной.

Т о л с т о й. А что Афросинья Федоровна?

Р у м я н ц е в. Надо сделать хороший подкоп. Жена сия, как открытый город или фортеция с проломом. Надобно взять ее переговорами, подкопом или обманом. Уж в иных случаях не впервой мне было и при мужьях, не запертых под караулом, а свободных. Муж появляется, неприятель отступает. Муж исправляет испорченное, осушает залитое, засыпает ворота. Но только отойдет, как фортеция переходит из рук в руки. Нет в такой фортеции покоя ни днем, ни ночью, только видно, как свои и чужие взад и вперед выходят. Меж нас, офицеров, говорят: ту женитьбу, где муж попадает в крепкую фортецию, можно поместить в послужной список, как военный подвиг, а царевич сидит в слабой фортеции.

Т о л с т о й. Шефилов прислал мне письмо, советует, если царевич будет просить жениться, дать согласие. Во-первых, для того, что тем на весь свет покажет — ушел не от какой обиды, только для своей девки, во-вторых, сей женитьбой очень огорчит цесаря, который уж ни в чем ему верить не будет.

Т о л с т о й. Садитесь, Афросинья Федоровна.

А ф р о с и н ь я (*всхлипывая*). Прынчик не велит мне с вами говорить.

Р у м я н ц е в. О царевиче ты забудь. Царевич от нас не уйдет и за свои измены перед государем ответит. Ты б о себе помнила. Ведь молода еще, замуж пойдешь.

А ф р о с и н ь я. Кроме принцу, никто при моем боке лежать не будет.

Т о л с т о й. Замуж пойдешь, получишь приданое из казны. Ты из какой деревни?

А ф р о с и н ь я (*плачет*). Ладожские Рядки.

Р у м я н ц е в. Помогите нам, Афросинья Федоровна, получишь себе Ладожские Рядки во владенье. Помещицей станешь. Офицер найдется, женится на тебе. Дворянство получишь для себя и детей своих.

Т о л с т о й. А откажешь нам — на плаху пойдешь. Я сам тебя пытать буду. Руки тебе в хомут, выворотят назад и на них висеть будешь. Да еще встряхивать будут дыбу, что больней костям. Персты твои в тиски класть будем, ручные и ножные, и свинчивать будем. А также наложу на голову веревку и просунув кляп в рот, вертеть будем так, что изумленная станешь. Потом пострижем на голове волосы до тела и на то место будем лить холодную воду, только что почти по капле. Потом зажегши веник огнем, будем водить по спине. Ноздри тебе клещами вырежем. Штемпелями, набитыми железными спицами, на лбу и щеках положим знаки — воровка и натрем раны порохом. Потом али на плаху, али на вечную каторгу.

Р у м я н ц е в. А на протекции цесаря не надейся. Куда тебе, русской девке крепостной надеяться на австрийского цесаря, ежели на него и сам царевич уж надежды не имеет. Ты русская, должна на русского государя надеяться. Император Петр Алексеевич, к врагам и изменникам жесток, но человек он добрый, набожный, знает, что есть соблазн, что есть грех, а что есть раскаяние.

А ф р о с и н ь я *(тихо)*. Я чревата от принца.

Т о л с т о й. Знаем и помощь тебе подадим. Я в Берлине для тебя дом сниму. Жить там будешь, пока мы с царевичем управимся.

А ф р о с и н ь я. Рожать-то где буду?

Т о л с т о й. Это поглядим. Может, еще и простит Петр Алексеевич царевича да разрешит вам обвенчаться. Все в руках государя. Только сейчас помощи нам.

А ф р о с и н ь я. Чего вы хотите?

Т о л с т о й. Перво — о письмах. Кому писал ли из русских и иноземцев и сколько раз. О ком добрые речи говорил и на кого надежду имел. Из сенаторов и архиереев кого хвалил. Драл ли какие письма? *(Входит Вайнгард и что-то шепчет на ухо Толстому)*. Иди, Афросинья Федоровна, и решай, куда тебе далее, али в помещицы, али в колодницы. *(Солдаты уводят Афросинью. Толстой читает поданную Вайнгардом записку)*. "Петр Андреевич, буде возможно, побывай у меня один. И письмо, что ты сказывал вчера Вайнгарду от батюшки получил, с собой возьми. Понеже самую надежду имею с тобой наедине говорить, что не без пользы будет. Алексей".

Р у м я н ц е в *(крестится)*. Слава, Господи, помог.

Т о л с т о й. Ты, Александр Иванович, иди в гостиницу, но никуда не отлучайся.

Р у м я н ц е в *(крестится)*. Слава Пресвятой Богородице, вняла нашим молитвам. *(Уходит)*.

Т о л с т о й *(Вайнгарду)*. Пусть царевич явится. Я его жду один.

В а й н г а р д. По инструкции и я должен присутствовать.

Т о л с т о й. Ну, присутствуй, присутствуй. К ста шестидесяти золотым червонным получишь еще награду. *(Вайнгард уходит. Толстой прогуливается по комнате, заложив руки за спину, насвистывает и напевает.)* Снежки белые, пушисты покрывали все поля, а туманно красно солнышко, туманно...

Входит Вайнгард.

В а й н г а р д. Его величество сейчас изволит явиться.

Т о л с т о й *(напевает)*. А туманно красно солнышко, туманно... *(говорит.)* Сделаем дело, получишь золотую табакерку в шестьдесят дукатов.

В а й н г а р д. Благодарю вас, буду стараться.

Т о л с т о й. Снежки белые пушисты... Вы, Вайнгард, довольны, что служите в Италии?

В а й н г а р д. Изрядно доволен.

Т о л с т о й. Да, Италия хороша. Здесь и крестьяне поиному живут. Мебель простая, но много посуды, одежда чистая.

На женщинах и мужчинах, даже и крестьянах, шляпы... А как вспомнишь наши мерзкие деревни... Мужики бедные от пьянства, стриженный сухой сад, пруд с карасями, дома без полов, без окон и с течью. *(Напевает.)* Снеги белые пушистые покрывали все поля... Вот снеги у нас верно пушисты. И пляшут у нас красиво. Итальянские танцы не зело стройны. Скачут один против другого, а за руки не берутся. Но живут всегда во всяком покое, без страха и обиды и без тягостных податей.

В а й н г а р д. Они, ваше превосходительство, жизнью своей недовольны. Все бунтуют.

Т о л с т о й. Это слава Богу. *(Напевает.)* Туманно красно солнышко, туманно... Поехал я здесь до того места, где в древние лета был город, который называется Кантель ди Бия. Тот город был в области Нерон-мучителя. Тут божница поганных богов построена при проклятом мучителе христиан, поганных меркуриев, за что вместе с ними Нерон в пекле. Боишься пекла, Вайнгард?

В а й н г а р д. Об аде, ваше превосходительство, пусть умирающие беспокоятся, а мы пока не собираемся туда.

Т о л с т о й. У вас в католичестве проще, чем в православии. Ваш заступник перед Богом — Папа Римский, а наша заступница — Матерь Божья. До вашего заступника в карете можно доехать, а к нашей заступнице поди на небо доберись. *(Напевает.)* Снеги белые пушисты покрывали все поля... В соборе святого евангелиста Марка видывал я власы Богородицы русы, да гвоздь, которым было пробито тело Спасителя, Бога нашего, да часть столба, у которого нашего Творца бичевали... Стоял, глядел и утирал слезы.

Торопливо, нетвердой походкой входит Алексей, ссутулившийся, бледный, с беспокойно бегающими глазами. Замечает Толстого, протягивает к нему руки.

А л е к с е й. Милостивейший Петр Андреевич!

Т о л с т о й. Ваше величество, рад видеть вас вновь в добром здравии.

А л е к с е й. Да, да, Петр Андреевич, я несколько занемог, но уже много лучше. *(Оглядывается на Вайнгарда.)* Хотите ли сюда, Петр Андреевич, хотите ли к сему столцу у окошка, чтоб нам не мешали.

Т о л с т о й. С радостью, с радостью, Алексей Петрович.

А л е к с е й. У окошка, Петр Андреевич, мы с вами сможем тихо и тайно поговорить. *(Шепчет что-то на ухо Толстому, долго и горячо. Толстой слушает, иногда кивает, иногда шепчет что-то в ответ. Вдруг Алексей громко вскрикивает и отбегает в сторону.)*

Т о л с т о й. Не думай, Алексей Петрович, что Толстой супостат и только. Я вижу страхи твои, я понимаю мучение твое и любовь твою. Потому и поспешил, едва получил письмо государево.

А л е к с е й *(испуганно)*. Где письмо?

Т о л с т о й. Письмо у меня в бумагах. Я его не захватил по спешке. Но подумай сам, кто может запретить видеть тебя. Его величество не оставил намерений достать тебя оружием и войска свои держит в Польше для расположения на зимние квартиры в Силезии. Сам же намерен поехать в Италию. Не думай, что тому нельзя статься. В том нет никакой трудности. Нужно только изволение государя. Тебе самому известно, что его величество в Италию давно ехать намерен, а теперь, для сего случая всеконечно скоро поедет.

А л е к с е й *(в страхе)*. Я поеду к отцу с условием, чтобы назначено мне было жить в деревне и чтоб Афросиньи у меня не отнимать. Приходи завтра с Румянцевым. Я завтра подлинно вам учиню ответ.

Т о л с т о й. Ваше величество, Алексей Петрович. *(Обнимает Алексея.)* С возвращением вас в отечество. *(Троекрат-*

но целуется с Алексеем.) Относительно вашей женитьбы и жизни в деревнях, то я, со своей стороны, думаю — можно позволить. И так государю доложу. До утра, Алексей Петрович. *(Уходит. Алексей смотрит ему вслед. Затем садится на стул.)*

В а й н г а р д. Кесарь будет рад, что все наконец решилось миром. *(Входит Шенборн.)* Граф, слава Богу, все решилось миром, и принц возвращается в Петербург. Можно послать вперед императорского чиновника, который склонил бы русского императора принять сына своего с отеческой любовью и возратить ему прежнюю милость.

Ш е н б о р н. Вы возвращаетесь, принц?

А л е к с е й *(тихо)*. Да, еду...

Ш е н б о р н. Когда?

А л е к с е й. Завтра... Наверно, завтра... Как они захотят...

Ш е н б о р н. Отчего такая спешка? Окажите мне дружбу, подождите здесь, пока я донесу кесарю и получу ответ.

В а й н г а р д. Ваше сиятельство, но кесарь уже давно дал ответ своей резолюцией.

Ш е н б о р н *(Вайнгарду)*. Господин секретарь, сегодня я в ваших услугах более не нуждаюсь. Вы свободны.

В а й н г а р д. Однако мне надо составить доклад графу Дауну.

Ш е н б о р н. Вы свободны. *(Вайнгард уходит.)* Принц, по каким причинам допустили вы уговорить себя ехать к отцу? Действительно захотели или были принуждены ехать силой? Я знаю, Толстой крутой и грубый человек. *(Алексей молчит.)* Принц, ваше величество, у меня есть секретное донесение от резидента нашего в Петербурге Плеера, и оно подтверждает причины, по которым вы искали нашего покровительства.

А л е к с е й. Что же делать, граф? Мне сообщили, что кесарь не хочет вступать в ссору из-за меня. Если не поеду сам, могут выдать, или батюшка явится сюда с войском.

Ш е н б о р н *(подходит к боковой двери и приглашает войти некого человека)*. Принц, разрешите представить — польский резидент фон Венжик.

Ф о н В е н ж и к. Рад знакомству с наследником русской короны.

Ш е н б о р н. Принц, времени у нас мало. Фон Венжик сейчас едет к Папе Римскому в Ватикан. Он готов вас взять в свою карету.

А л е к с е й *(растерянно)*. Но ведь это открытая измена.

Ш е н б о р н. Кому измена? Вас отец и так уже считает изменником.

А л е к с е й. Но ведь это измена уж не отцу, а вере православной.

Ф о н В е н ж и к. Мы, католики, тоже христиане, а Папа Римский — отец и заступник всему человечеству. При дворе его и беглые магометане находят приют.

Ш е н б о р н. Спешите, принц. Там вы будете в полной безопасности, здесь же безопасность я вам не гарантирую.

А л е к с е й. Но как же? А жена моя?

Ф о н В е н ж и к. Пани можно взять с собой.

Ш е н б о р н. Она здесь. Я освободил ее из-под караула.
(Выходит и возвращается с Афросиньей.)

А л е к с е й *(бросается к Афросинье и обнимает ее)*. Мамвенька, друг мой.

А ф р о с и н ь я *(плачет)*. Прынчик, батюшка мой.

А л е к с е й. Афросиньюшка, надо идти в карету. Мне да тебе, да Селебену нашему. Едем же, Афросиньюшка. Спасем жизни наши, все иное оставя.

А ф р о с и н ь я. Куда едем, прынчик?

А л е к с е й. В Рим едем, к Папе Римскому. Там мы в безопасности.

А ф р о с и н ь я. Как же к Римскому, прынчик? Ведь мы православные, а Папа Римский враг православия. Ведь сказано у валаамских чудотворцев: либо от Рима, либо от инуда антихрист воспримет власть и будет царем в Ерусалиме.

Ф о н В е н ж и к. Времени мало, принц, решайтесь.

Ш е н б о р н. Принц, в России вас ждет смерть, так пишет наш резидент Плеер.

А л е к с е й. Едешь, Афросиньюшка?

А ф р о с и н ь я *(плачет)*. Я погожу, прынчик. И ты погодил бы. Господин Толстой мне говаривал...

А л е к с е й *(перебивает, кричит)*. Толстой врет! Пес он кровавый! Меня убьют, я знаю. Я отцу не верю и Толстому

не верю. Я еду, Афросиньюшка. Едешь ли?

А ф р о с и н ь я *(плачет)*. Я погожу.

А л е к с е й *(плачет)*. Прощай, голубка. Селебена нашего береги.

А ф р о с и н ь я *(плачет)*. Друг мой сердешный, отлучают нас. *(Целуются.)* Жить там как будешь, один, среди католических монахов, среди иезуитства.

Ш е н б о р н. Пора, принц. Опасно ждать.

А ф р о с и н ь я *(плачет)*. Поезжай с Богом. *(Крестит его.)*

Алексей плача уходит с фон Венжиком.

З а н а в е с

Сцена 10

Неаполь. Замок Сент-Эльмо. Утро.

Р у м я н ц е в *(весело говорит Толстому)*. Было дело под Нарвой. Сказали в лагере, что Румянцев убит. Весь полк прибежал в отчаяньи, и, узнав, что убит майор фон Газенхорн, иные сказали: ну, туда немцу и дорога. Я стал было их за то бранить, но гренадеры отвечали: майоров много, можно и нажать, а тебя, отца нашего, Бог одного создал. Любили меня солдаты.

Т о л с т о й *(с беспокойством)*. Что-то долго принц не идет.

Р у м я н ц е в. Проспал, видать.

Т о л с т о й. Цесаря в посредство примирения допустить не безопасно. Бог ведает, какие кондиции он будет предлагать. Притом, между государем и сыном его какое может быть посредство? Это будет не посредство, а скорей насильство.

Р у м я н ц е в. Экипаж я нанял не слишком хороший. Какой под руку попался. Тряский.

Т о л с т о й. Не беда. Лишь бы царевича отсюда вывезти. Ехать будем кратким путем, через Рим, Венецию и Вену. И далее в Моравию. Однако без всяких аудиенций в Вене у императора или у иного кого. Боюсь, чтоб какой-нибудь дьявол не испугал царевича и не отменил его намерения. Хочу просить государя держать в секрете весть о возвращении сына, пока не приедем в Ригу, иначе небезопасно будет в пути.

Р у м я н ц е в. Для того необходимо дать повеление начальникам войск, расположенных в тех местах, где будет проезжать царевич, чтоб они по нашему требованию дали команду, какая понадобится. А как с девкой?

Т о л с т о й. Девку отправим в Берлин. Но не долго чтоб она там была. Нельзя допустить, чтоб она рожала не в России, чтоб живой наследник царя остался здесь.

Торопливо входит Вайнгард.

В а й н г а р д. Господа, принца нигде нет.

Т о л с т о й *(в отчаянье)*. Бежал! Пропала моя голова! *(Хватается руками за голову)*.

Р у м я н ц е в *(кричит)*. Девка где?!

В а й н г а р д. Девка здесь.

Т о л с т о й. Девку сюда давай. *(Входит Шенборн.)* Граф где наш русский наследник престола?

Ш е н б о р н. Я, господин Толстой, не русский, а австрийский вице-канцлер.

Входят Дольберг и Даун.

Т о л с т о й *(кричит)*. Его величество это за великую неприязнь примет и станет жаловаться всему свету о такой наглой обиде.

Ш е н б о р н. Господин Толстой, вы находитесь на кесарьской территории и не смеете подписывать законов его величеству.

Д о л ь б е р г. Дай Бог, чтоб принц не изменил своего намерения возвратиться к отцу.

Т о л с т о й. Уж изменил.

Д о л ь б е р г. Которым образом?

Т о л с т о й (*кричит*). Вам лучше знать, которым! Бежал царевич. Не сам бежал, помогли бежать.

Вайнгард вводит испуганную Афросинью. Толстой подбегает к ней и начинает ее трясти.

Т о л с т о й (*кричит*). Где царевич?! Куда бежал?!

А ф р о с и н ь я (*плачет*). Отъехал к Папе Римскому.

Т о л с т о й. На дыбе висеть будешь, девка!

Ш е н б о р н. Господин Толстой, поведение ваше, вероятно, не заслужит одобрения его величества русского императора. Вы потеряли всякое уважение к себе и к нам.

Т о л с т о й. Я требую немедля послать вдогонку значительный отряд. У нас нет никаких связей с Папой Римским, и требовать выдачи царевича должен цесарь.

Ш е н б о р н. Папа Римский австрийскому императору не подчинен, а вторгнуться туда войсками мы не можем и не хотим.

Д о л ь б е р г (*примирительно*). Его величеством кесарем сделано все, что предписывало великодушие, честь и родство. Царевич все это сам устранил и отвергнул. Продолжать ему покровительствовать при непостоянстве его и угрожающей от силы русского императора опасности было безрассудно. Царевич не имеет довольно ума, чтоб ждать от него какой-либо пользы.

Ш е н б о р н. Однако такое пренебрежение учтивостью, какое показывает господин Толстой, в отношениях между народами, особливо между связанными родством принципалами, терпеть не надлежало бы.

Входит Алексей в мокром дорожном платье.

В а й н г а р д (*радостно*). Их величество вернулось.

А ф р о с и н ь я (*радостно*). Он ко мне воротился. Это я

его удержала. *(Плача бросается к Алексею. Они обнимаются и целуются.)*

Т о л с т о й *(снимает парик и утирает им вспотевшую лысину и лицо)*. Уф, жарко мне.

Р у м я н ц е в *(крестится)*. Помогла заступница.

Т о л с т о й *(Алексею)*. Чего просишь у государя?

А л е к с е й. Жизни и милости.

Т о л с т о й. Сей час, без промедления пойдешь с нами в гостиницу "Трех королей", а оттуда в карете выезжаем в Россию.

Ш е н б о р н. Мы хотели бы слышать публично, что принц действительно возвращается добровольно.

Т о л с т о й *(Алексею)*. Прошу вас, ваше величество.

А л е к с е й *(запинаясь, дрожащим глосом)*. Со слезами благодаря и припадая к ногам государя моего, слезно прошу об прощении мне преступлений моих, мне, всяким казням достойного. *(Плачет.)* Полагаю себя на волю государя моего и с присланными от него поеду из Неаполя к государю моему в Санкт-Петербург, как всенижайший раб, недостойный называться сыном. *(Плачет.)*

Т о л с т о й. Я мыслю, господа, более препятствий нет и все, слава Богу, решилось миром.

Д о л ь б е р г. Более никаких препятствий нет.

А л е к с е й *(Толстому)*. Петр Андреевич, прошу дорожную заехать в город Барн, для поклонения мощам святого Николая.

Т о л с т о й. Так и сделаем. И мне святым мощам приклониться надо бы. Афросинья Федоровна поедет за нами не спеша, а потом остановится в Берлине, для разрешения от бремени. Жениться же на ней возможно вам будет, когда в наши края приедете, хоть в Риге, или хотя бы в Курляндии, у племянницы государя в доме, у Анны Иоанновны.

А л е к с е й. Я б скорей хотел, до разрешения от бремени.

Р у м я н ц е в. В чужих краях жениться — большой стыд принесете.

Т о л с т о й. Ежели сомневаетесь, что не позволит, то рассудите, когда государь вам такую большую вину отпустил, а сего малого дела для чего ему не позволить.

А л е к с е й. Быть по сему. Себя и тебя, Афросиньюшка, с маленьким Селебеном вручаю в сохраненье Божье.

Ш е н б о р н. Я, однако, стою на том, что при выезде из наших владений, в Моравии моравский генерал-губернатор граф Колоредо должен спросить принца еще раз, действительно ли он возвращается к отцу в Россию добровольно.

Т о л с т о й. Я никого к царевичу более не допущу. Задержание приму за афронт и арест и извещу о том Вену и Петербург.

Р у м я н ц е в. В случае нужды дорогу к царевичу загорим оружием и в сражении погибель предпочтем с царевичем совместно.

Алексей и Афросинья в сопровождении Румянцева уходят.

Д о л ь б е р г. Эрцгерцог принц Евгений признает за лучшее избавиться от пребывания здесь царевича. Я также такого мнения.

Ш е н б о р н. Не знаю, как вы, господа, но я оскорблен неприличным поступком господина Толстого. Я считаю, надобно каким бы ни было способом, даже силою еще раз видеться с принцем перед выездом его из наших пределов. Если принц захочет ехать далее, дать ему волю. Если же скажет, что изменил свое намерение, остановить его отправление.

Т о л с т о й. Я не понимаю, как можно арестовать нас единственно за то, что царевич не хочет более слушать комплиментов?

Д о л ь б е р г. Вовсе нельзя назвать арестом намерение его величества кесаря изъявить дружбу к его императорскому величеству в лице кронпринца.

Т о л с т о й. Adesso e L'amieitia passata ,questo non puo rastare cosi, et si vedesa cosa che ne sequi- ga.

(Уходит.)

Ш е н б о р н. Я не силен в итальянском, не все понял. Он, кажется, угрожает нашему кесарю?

В а й н г а р д. Господин Толстой сказал: теперь дружба миновала. Это не может так остаться, и увидим, что последует.

З а н а в е с

Сцена 11

Петербург. Кабак "Царское кружало". Дымно, шумно. За столами народ разного сословия: мещане, посадские, купцы, мужики, монахи. Меж столами снует обслуга, разносят питье и еду. Музыканты играют на скрипках и гусях. В центре кабака висит большой портрет императора Петра. За отдельным стольцом сидят посланник австрийского двора Плеер и князь Михаил Долгорукий. Оба одеты по-мещански.

Музыканты (*поют*).¹. На кабак идет невежа —
тужит-плачет.

С кабака идет невежа —
свищет, гаркает.

Шитый браный попожек
чисты звезды.
А высоко изголовье —
подворотье.
Соболино одеяло —
пютые морозы.

Долгорукый (Плееру). Многие, узнав о возвращении царевича, очень обрадовались, но мы, Долгорукие, да и иные, ему благоприятные и близкие, желали, чтоб он остался за границей.

Плеер. Вы опасаетесь за жизнь принца?

Долгорукый. Так думать рисковую. Государь дал клятвенное обещание сохранить царевичу жизнь. Однако вы, господин Плеер, уж более двадцати пяти лет в России живете и не хуже меня знаете наши нравы. Стоит ли дорого здешнее обещание. Меньшиков да Шафиров, да Шереметьев, да Толстой многожды свои клятвы нарушали. В лучшем разе царевича ждет монастырь.

Плеер. Уж столько лет я в России представляю интересы австрийского двора, теперь же требуют моего отозвания за донесения, которые я посылал по делу царевича. Здесь, в России письма иностранцев, даже и дипломатов, вскрываются в почтовых конторах и переводятся на русский язык в канцелярии Шафирова. Меня обвиняют в том, что я советовал кесарю не выдавать царевича отцу его.

Долгорукый. Помещики, духовенство, народ, все было предано царевичу, и все радовались, что он нашел убежище у цесаря. Увидев в окно юного сына царевича, простые люди кланялись ему в землю и говорили: "Благослови, Господи, нашего будущего государя". Народ в сильном волнении. Вот послушайте, только и разговоров, что о государе-царевиче.

Половой приносит Долгорукому и Плееру еду и питье. За соседним столом выпивает и беседует разночинный народ.

Старая мещанка. Как государь с ближними людьми был за морем, ходил он по немецкой земле и пришел в

стекольное царство. А то царство в немецкой земле держала девица, и та девица над государем надругалась, ставила его на горячую сковороду, да сняв его с той сковороды, велела бросить в темницу. И как та девица была именинница, то стали ей говорить ее князья и бояре: пожалуй ради своего дня вынуть государя. Она сказала: подите посмотрите, коль еще жив валяется, я его для вас выпущу. Те, посмотря, сказали: томен, государыня. Ну, коли томен, так вы его выньте. И они, его вынув, отпустили. Пришел он к нашим боярам, а они, перекрестясь, сделали бочку, набив в нее гвоздья, да в ту бочку хотели его, государя, положить. Увидел то стрелец и, прибежав к государю, сказал: царь-государь, изволь встать и выйти. Ничего ты не ведаешь, что над тобой чинится. И он, государь, встал и вышел, а стрелец лег на его место. Пришли бояре, да того стрельца с постели схватя, положили в тое и бросили в море.

П о с а д н и ц а. А куды истинный-то подевался?

П о с а д н и к. Я по-иному слышал. Наш государь пошел в город Стекло-холм, а там его посадили в заточение. А этот, что ныне царствует, не наш государь Петр Алексеевич. Иной.

П о с а д н и ц а. В книгах пишут, будто осьмой царь — антихрист. А наш — осьмой царь. Да нешто его мать царица? Она еретица была, все девок рожала.

П и с а р ь (пьяно). За такие слова голову долой... Общество слышало внятно произнесенную крупную речь против особы императора.

П е р в ы й м у ж и к. Ты кто?

П и с а р ь. Бунин я. писарь.

П е р в ы й м у ж и к (смеется). Присарь... Ты кого ви- нишь, писарь? Ты не хмель вини, ты огородника вини. Сна- чала огородник берет верх над хмелем, потом хмель берет верх над огородником. *(Поет.)* Эх, сладко попито, поедено, похожено. Вволю корушки без хлебушка погложено. Боси- ком по снегу потоптано, спинушку кнудом побито... *(Гово- рит.)* Эх, пойти бы с алтыном в котомке, да вязовой дубиной за плечами в разбойнички к Афоньке Попугаю.

В т о р о й м у ж и к. Господин писарь, чего на него сер-

чать. Он во хмелю здорлив. Выпил винца денег на шесть, а по крепости и дешевизне пенника достаточно учиниться шумным.

Первый мужик. Эх, пенник, утешитель русского человека. И стоит дешево, две деньги. А подымные берут алтын с дыма, с погребов да бань по рублю.

Третий мужик. Соль надо бы вольно продавать. В деревнях соль редка. Выше рубля за пуд. Едят без соли, цинжают и умирают.

Посадница. Роды царские пошли неистовые. Государь с простой шведкой живет, из шведского королевства не выходит. А свою царицу послал в Суздаль с одной только постельницею, в худой карете, на худых лошадях.

Второй помещанка. А что государь лучше жалует иноземцев и добрее до них, нежели до русских, то верно. А довелось мне об этом слышать у городи Архангельского от немца Матиса. Прихаживали к Матису иноземцы и разговаривали то по-немецки, то по-русски: дурак-де русак, не ваш-де государь, а наш. Вам, русским, нет до него дела.

Посадник. Государь немца любит, а царевич немца не любит. Приходил к нему немчина и говорил неведомо какие слова. И царевич за то на нем одежду сжег и его опалил до тела.

Второй помещанин. Слышал, пришли к Кроншлоту царских и шведских девяносто кораблей и просят у его царского величества бою. А буде бою не будет, так чтоб отдал назад царевича. А буде его не отдаст, чтоб отдал изменников, которые его украли.

Первая помещанка *(вздыхает)*. Стало быть, опять война да стражение будет?

Второй помещанин. Ничего не сделаешь. Сам я читать не могу, но грамотей один мне сказывал: была ведомость, шведский флот уж к берегу лифляндскому пристал да транспортировал людей на берег. Велико-то будет худо, если правда. Требуют в цари наследника Алексея Петровича. Государь Петр Алексеевич вроде бы согласен, да у нас в Петербурге не согласен на то Меншиков с сенаторами. И

войска наши далеко главные. Они друг на друга сердитые, помогать не станут. Великую беду шведы починить могут.

Первый мужик. Не все то перенять, что по Волге плывет. Много брешут. Мы ж сами и придумываем.

Посадник. А что сами, мы люди простые, что видим — тем и бредим. Вот царицу свою оставил, а иную поял.

Писарь Бунин (*ньяно*). Гляди... Ты к поношению чести высоких особ клонишься... Свяжуть...

Старовер. Меня-то ладно или его... А ежели он законного наследника русского престола на чепь посадил. Стрельцов всех переказнил за то, что они его еретичества знали. Навешал стрельцов, как полтей, скоро солить будет.

Старик. Дураки вы, блядские дети, что за свои головы не умеете стоять. Когда бунтовал Разин, я ходил с ним. Я еще по старости тряхну. (*К собутыльнику.*) Ты, казак, с какой реки?

Казак. Молодцы наши с Дона. Пойдем хоть половиной реки, а Москву возьмем, Петербург разорим, да немцев будем рубать и сажать в воду.

Астраханец. Эх, тогда б вам, казакам, с Дона и Терека, как мы в Астрахани поднялись, нас подпереть. Шли б мы до самой до столицы, до родины его до немецкой, до немецкой слободы, да корень бы весь вывели.

Старовер. Нам, староверам, велел шапки с рогами носить да кафтаны с козырем на спине. Вот и хоронимся за Соликамском на реке Тагиле. С Керженца бежали. Строим скиты в лесах, гонимы от еретичной веры.

Казак. Сказывают, царя дважды хотели убить, да не убьют. Нечистые духи ему помогают.

Астраханец. Против нечистых духов есть святой крест, а против злодея есть литой нож.

Старик-стрелец. Мы, стрельцы — христиане, а солдаты — басурмане. Первым нам на кол должен попасть царь, потом его сворня. Выбил нас в дождь и слякоть. Чем на Тереке татар рубать, лучше нам в Москве да Петербурге бояр рубать. Не одни стрельцы пропадью плачут на царские семена. Вона он, бесовский-то образ. (*Показывает на порт-*

рет Петра). Тьфу! (Плюет.)

С т а р а я м е щ а н к а. Не в царе дело-то, в боярах. Государя у нас бояре изведут, а посла и царицу всеконечно изведут. Великий же князь мал. Стоять некому. И будет у нас великое смятение.

С т а р о в е р. У нас законный наследник имеется, Алексей Петрович, народный заступник.

С т а р а я м е щ а н к а. А он немощствует. Сказывали мне-то проезжие молебщики, в Риге его видали.

П е р в ы й м у ж и к. Все-то ты врешь, что государь немощствует... Пускай его умрет. Государь ведь не бессмертен, воля Божия придет, умрет. А уже тогда-то царицу я за себя возьму. (Смеется.)

С т а р а я м е щ а н к а. Дурак ты, дурак, сам-то ты все врешь...

П е р в ы й м у ж и к. А что за беда. И государь Петр Алексеевич врет.

П и с а р ь Б у н и н. За многие злые слова, касающиеся до превысокой чести его величества...

П е р в ы й м у ж и к. Гляди, присарь, на доносчика первый кнут.

С т а р а я м е щ а н к а. Сказывают, бояре хотят всю царскую фамилию извести, а Россию разделить на четыре четверти. Разве же государь толщину убавит, сиречь бояр, то, пожалуй, не лучше ли будет. А то много при нем толщины, и изведут его свои.

П и с а р ь Б у н и н. Поубавить толстых, говоришь? Эй, баба, не намек ли на Петра Андреевича Толстого, первенствующего члена его величества Тайной канцелярии? Гляди, как бы тебя за такое не сожгли.

П е р в ы й м у ж и к. Пей, присарь, угощайся. (Наливает ему. Вместе выпивают. Мужик запеваёт, писарь подхватывает.)

Как и стал Ваня говорить жене:

Тыними с меня шелков пояс

С позолоченым на нем ключиком.

Отпри жена кован сундук.

Уж ты вынь отоль золотой казны,
Ты дари, жена, молодого палача,
Чтоб молодой палач легче наказывал.

К у п е ц (*второму купцу*). Как перевел государь торговлю с Белого моря на Балтийское, так русское купечество в разорении.

В т о р о й к у п е ц. Однако, Петербург взял верх над Архангельском.

П е р в ы й к у п е ц. Петербург-то вверх, да мы-то вниз. Вельможи и боярство не ставят купечество ни в яичную скорлупу. Все указы, да выемки, да запреты. Без клейма фискала своим товаром располагать не можем. Да все: тем не торговать, с тем не торговать. В Хиву свинец да порох не продавай, железными гвоздями да скобами не торгуй, полы портят, русским платьем не торгую под угрозой ссылки. Всюду образцы, чучела повесили, чтоб русского человека в венгерский кафтан вырядить да с кудрями. Кто такое платье выдумал, чтоб самого того повесили, брадобрейца. Ты за свою бороду сколько платишь?

В т о р о й к у п е ц. Шестьдесят рублей в год.

П е р в ы й к у п е ц. Что так дешево? Я сто плачу.

В т о р о й к у п е ц. У тебя борода купеческая, а у меня рядовая торговая. (*К второму крестьянину.*) Ты, мужик, за свою бороду сколько платишь?

В т о р о й м у ж и к. Мы бороду даром носим. Только при въезде в город да при выезде из города по копейке платим.

П е р в ы й м у ж и к. Зелено вино, да закусочка слегка спотухла... За что ж копейку-то платить?.. Все неправда... По казенному расчету у нас дворы лучший, середний и молодой. Да молодой платит больше лучшего.

В т о р о й м у ж и к. Мы люди приборные, а дворы расписали по неприборным, которые и бороны-то не видели.

Т р е т ь и й м у ж и к (*стараясь перекричать*). Имеем пятьдесят восемь десятин ржаной пашни. У меня отцина да у него отцина... Шабры мы...

В т о р о й м у ж и к. Шабры-то, шабры... А суседи? А подсосудники? Да все на одно ржаное поле.

Т р е т и й м у ж и к (*кричит*). Различать надобно пашни, которые в тягле, или в диком поле. Которая пашня окладная, которая не окладная.

В т о р о й м у ж и к. Пожиточные крестьяне-горланы с себя убавили. Стали жить с полвыти. На средних переключали. А те свои доли на младших переключали, сами же пашни пахут на пустошах.

Т р е т и й м у ж и к (*кричит*). Платить надобно с живота!

П е р в ы й м у ж и к. Если нынешний царь Петр станет долго жить, он нас всех переведет. И как его еще никто не убил. Едет рано и поздно по ночам, малолюдством.

В т о р о й м у ж и к. Не царь, обморок мирской. Как его Бог нам на царство послал, так и светлы дни не видели. Отдыху нет нашему брату. А сыновей выволок на службу в Балтийский флот.

Т р е т и й м у ж и к. Крестьяне все измучены. Высылают на службу с подводами, да с нас же берут сухари.

Д о л г о р у к и й (*Плееру*). Сколько уж было штрафований, а говоруны не понимают. Жажда толков и новостей распространяется среди простолюдинов, недовольство повсюду, да кто его подберет? Думали, царевич подберет, но оказался он слаб и труслив.

П л е е р. Да, мы в Европе тоже излишне надеялись на принца Алексея. Слышал я, что он помещен в доме подле дворца государева. Здоров ли?

Д о л г о р у к и й. Носится общая молва, что царевич помешался в уме и пьет безмерно.

П л е е р. Отрекся ли он добровольно?

Д о л г о р у к и й. Царевич был принужден к отречению. Долго жил в Твери, сказавшись больным, и в Москву не ехал. Но принужден был приехать на тайный совет в Москву, где в то время находился двор. Царевич отрекся от престола в большом аудиенц зале кремлевского дворца при

духовенстве, министрах и других высших лицах. Петр объявил, что царевич действовал против славы и чести народа российского. В Кремле при том стояли три батальона лейб-гвардии с заряженными ружьями. Царевич был приведен без шпаги, как арестант. Он упал к ногам Петра, признал себя во всем виновным и со слезами просил прощения и помилования. Петр вышел с ним в ближайшую комнату, и там царевич открыл главных сообщников своих.

П л е р. Напрасно царевич надеется. Не пощадит его царь Петр. Страшный, грубый человек. В нем жестокость русского барина сочетается с грубостью голландского матроса. Только тем от прежних московских деспотов и отличается. Недавно в посольском приказе плюнул в лицо голландскому послу, слова которого показались ему дерзкими. Посла гольштинского двора ударил кулаком по спине.

Д о л г о р у к и й. Тем более нас, русских, не щадит, даже и ближних царедворцев. Меньшикову разбил до крови нос за то, что пошел танцевать, не отстегнув шпаги. Дочери вице-канцлера Шафирова, которая отказалась пить водку, крикнул: "Злая жидовка, я научу тебя слушаться." И надавал пощечин. Старому князю Голицину, который отказался есть огуречный салат, потому что тот полит уксусом, велел уксус насильно влить в рот. Но становится день ото дня невыносимей, и счастлив тот, кто не должен постоянно находиться подле него.

П л е р. Даже и в Турции такого нет. Каково его происхождение? Я слышал разное.

Д о л г о р у к и й. По матери своей — Нарышкиной — считают его чешского происхождения из рода Нарисци. Однако татарин Нарыш из свиты Ивана Грозного более верен. И с отцом не все ясно. Года с три тому назад был я царю собутыльником в доме Тихона Стрешнева. Выпив чрезмерно, Петр указал на Мусина-Пушкина да говорит: "Этот вот знает, по крайней мере, что он сын моего отца, но от кого же я сам? Уж не от тебя ли, Тихон Стрешнев? Ну, говори, не бойся". Да как ухватит Стрешнева за горло: „Говори, не то задушу". Стрешнев захрипел да взмолился: "Батюшка, смилуйся. Я не знаю, что тебе сказать". *(Долгорукий и Плеер смеются.)*

В кабаке становится все более шумно. Слышны крики и хохот. Иные уже валяются.

П о с а д с к и й *(кричит первому мужику)*. Ты как крестишься?! Как пальцы слагаешь?

П е р в ы й м у ж и к. Как хошь крестись. Я крещусь хоть так, хоть сяк. В том силы нет, хоть кулаком крестись.

П о с а д с к и й. А вот я тебя кулаком! *(Дерутся. Вокруг подзадоривают дерущихся. Валятся лавки, падает посуда со столов. Сидевший до того молча в дальнем конце кабака человек, который в одиночестве пил водку за отдельным столиком, вскакивает.)*

Г а б р и е л ь *(дрожа от гнева)*. Вы ничего не знаете, и у вас все варвары! Собаки! Собаки! Гундсфоты!

П о с а д с к и й. Это Еремка-немец. Портняжка, пьяница. Ты, Еремка, народу не груби. Народ тебя побьет.

Г а б р и е л ь. Врешь, врешь, собака. Я не есть Еремей, я есть Габриель.

В т о р о й м у ж и к. Православные христиане, вот кого бить надобно, а вы меж собой.

Народ подступает к Габриелю. Тот отбивается.

Г а б р и е л ь *(кричит)*. Я вам сделаю, как мой Бог жив, так я вам отомщу. Мужики, свиньи, собаки! Добро, собаки, я вам заплачу!

Габриеля бьют. Подходит Долгорукий.

Д о л г о р у к и й. Оставьте его.

П е р в ы й м у ж и к. Так ведь он, барин, немчин этот, иноземец, нас, русских, всех обозвал смердовичами. Его в острог надобно.

Д о л г о р у к и й. Я его сам спрошу. Вот, возьми на водку.

Долгорукий дает деньги первому мужику. Народ расходится

по своим местам. Габриель садится за стол Долгорукова и Плеера.

П о с а д с к и й. Я в комедиальной хороmine, в анбаре комедиальном представление видел про дурацких персон. Про Петрушку, про жену Петрушки Маланью Пелагеевну, про цыгана, про доктора, про квартального, про немца и про собаку. *(Смеется.)*

П о с а д н и ц а. Да еще про арапку и татарина. *(Смеется.)* Изобрази, Терентич, повесели народ.

Т р е т и й м у ж и к. Изобрази. Уважь народ.

П о с а д с к и й *(меняя голос то под немца, то под Петрушку).* Немец! Дойч, черт бы тебя побрал! Как ты сюда попал? Вас? Я, я, я, я... Ты да я, да нас с тобой двое. *(Народ смеется.)* Да ты говори не по-вороньи, а по-ярославски... Вас? Квас... Пошел вон от нас, мы не хотим знать вас. *(Народ смеется.)* Немец ударяет Петрушку палкой. Петрушка немца убивает. *(Народ смеется.)*

П л е е р *(Габриелю).* Вы немец?

Г а б р и е л ь *(утирая слезы и кровь с лица).* Родом я швед. Я из здешних мест, из шведского города Ниешанц. Когда пришли сюда казаки, татары, калмыки, башкиры, кучи пепла остались от красивого города. Жители, которых не зарезали, бежали в Выборг. Моя жена и дети тоже бежали. Кто сам не бежал, тех прогнали. Меня взяли в плен и послали строить Петербург на месте Ниешанца. Не русские мужики, а мы, шведские пленные, строили Петербург. Русские мужики землю копали, а мы прокладывали улицы, мостили их камнем, строили набережные, сажали деревья.

П л е е р. Оттого Петербург не похож на иные русские города. Петербург напоминает Стокгольм.

Г а б р и е л ь. Много шведов умерло от голода и болезней. Я ноги отморозил и грудь простудил. Да нашелся милостивец, купецкий человек, взял меня в приказчики... Не угостите ли водкой? *(Плеер наливает ему. Габриель выпивает.)* Взял да прогнал из-за пьянства моего. Пить здесь привычился, поскольку иного удовольствия не имею. Теперь живу тем, что зарабатываю портняжным делом... Имею просьбу,

господа. Не передадите ли письмо жене моей в Финляндию, в город Сердобол. *(Дрожащими руками достает письмо из бокового кармана)*. Я всегда ношу письмо с собой в ожидании случая. Русские вскрывают письма иноземцев в почтовых конторах. *(Плеер берет письмо.)* Благодарю вас, господа, благодарю. *(Встает, отходит, но затем возвращается и садится.)* Еще хочу спросить, господа: отчего Европа так терпима к московскому рабству? Отчего она не объединится? Христианские государства не должны пропускать русские корабли в море.

П л е е р. Возьмите кошелек. Здесь сто дукатов. *(Протягивает кошелек.)*

Г а б р и е л ь *(берет кошелек)*. Благодарю вас, благодарю. *(Кланяется и уходит.)*

В кабаке входит нищий.

Н и щ и й. Народ русский, кто ваш государь?

В т о р о й м у ж и к. А ты-то кто? Пошто спрашиваешь?

Т р е т и й м у ж и к. Гляди, похож.

В т о р о й м у ж и к. На кого похож? *(К нищему.)*

Ты на кого похож?

Н и щ и й. Водки сперва налей. *(Ему наливают водки, он выпивает.)* Отец мой царь. На царство посадил в грузинской земле. Потом служил в Преображенском полку енеромом.

П о с а д с к и й. Да я ж его знаю. Он уже давно ходит. Восемь лет, как осамозбродился и в самозбродстве сжег свой дом.

П е р в ы й м у ж и к *(замахивается на нищего.)* Ах ты, гангрена!

В т о р о й м у ж и к *(удерживает руку первого мужика)*. Погоди, не этот, так иной явится. Слышал я, царевич в Пскове объявился, в Печерском монастыре. Скрывается под личиной монаха. Может, не сегодня, так завтра явится в нищем облике народ русский поднимать.

П о с а д с к и й. Какой это царь. Это турок. Ест говядину

в среду и пятницу и заставляет себе готовить лягушек. Прогнал жену и живет с чужеземкой.

П о с а д с к а я. С ливонской курвой живет. Я слыхивала, он ей при первом свидании дукат заплатил.

П е р в ы й м у ж и к. Встать бы на царя Петра всем народом и возвопить. Хорошо бы за это постоять. Хоть бы и умереть.

В т о р о й м у ж и к. Эх, куда уж там. Народ наш как на конце ножа живет. В какую сторону свалится, в такую и пойдет.

Т р е т ь и й м у ж и к (*пьяный, лежа на земле*). А казамерские татары вместо "ура" "урат" кричат. (*Смеется.*)

Музыканты играют и поют.

М у з ы к а н т ы. Пойду во зеленый сад.

Нащиплю я хмелю ярого.

Накурю вина зеленого.

Напою мужа хмельного.

Положу среди двора.

Обложу его соломою, соломою
гречишною.

Кое-кто подпеваает, кое-кто пускается в пляс.

ЗАНАВЕС

Сцена 12

Петербург. Комнаты фрейлины Марии Гамильтон. Ненастный, дождливый вечер. Мария бледная, с растрепанными волосами лежит на кровати. Рядом с ней сидит ее горничная, Катерина Терновская.

М а р и я. Ох, мочи нет, лихорадит меня, ломает каждую косточку.

К а т е р и н а (*встревоженно*). Может, рудометку позвать, барыня, чтоб рожками из головы руду отметала.

М а р и я (*стонет*). Согрей-ка лучше воды. Да за мужем своим пошли, Саввой Терновским.

К а т е р и н а. Барыня, так ведь муж мой, Савва Терновский, помер уж месяца три тому. Я могу другого моего мужа кликнуть, конюха Василия Семенова.

М а р и я. Кликни, да поскорей. *(Стонет.)*

Входит экономка Анна Кремер с судками и ставит судки на стол.

А н н а. Госпожа, Марья Даниловна, принесла вам из придворной кухни есть и пить.

М а р и я. Есть не хочу. Аппетита не имею. А пить хочу.

А н н а. Вот сбитень малиновый на белом меду. *(Подает сбитень.)*

М а р и я *(жадно пьет)*. За то, что ходите за мной во время моих тяжелых болезней, подарю вам, девки, гостинцев. Тебе, Анна, в награду за службу дам два жемчуги, да серьги с бурмитскими зернами, да чепчик парчевый. Тебе, Катерина, пять яхонтов, да две юбки, коломянковые.

К а т е р и н а. Спаси вас Бог, барыня, за вашу доброту.

А н н а. Благодарю вас, госпожа.

М а р и я. Ты, Анна, сама скоро госпожей станешь. Ты уж государя любимицей сделалась, слыхала я. И государыня к тебе добра. *(К Катерине.)* Пойди, пойди, куда я сказала. *(Катерина уходит.)* О чем же ты, Анна, с государем беседуешь?

А н н а. Государь обещал мне освободить из заточения братьев моих, Готлиба и Манфреда, которые, как и я, под Нарвой в плен взяты.

М а р и я. Обещал — исполнит. Тебя не обманет. Ты красавица, умна, умеешь снискать доверие и держаться при дворе, наконец, ты женщина бесчувствительная... Будешь придворной дамой. Ты, кажись, сегодня приглашена в собрание танцевальное?

А н н а. Приглашена, госпожа.

М а р и я. Мои алмазы одень.

А н н а. Да ведь вы больны, госпожа. Как же пойду?

М а р и я. Ничего, минет. *(Стонет.)*

А н н а. Худо вам, Марья Даниловна?

М а р и я. Месячное у меня не ко времени, да такое сильное.

Входит Катерина.

К а т е р и н а. Барыня, скоро он явится.

А н н а. Госпожа, тут счета пришли. Коровницам за молоко четырнадцать рублей тридцать один грош четыре деньги. Швейке Сигре-Сисель двадцать три рубли восемь грошей и две деньги.

М а р и я. Возьмешь в сундуке, заплатишь. *(Стонет.)* Завтра заплатишь... Иди, иди, на меня не гляди, за мной Катерина ходить будет.

А н н а. Спокойной вам ночи, Марья Даниловна. *(Уходит.)*

М а р и я *(стонет)*. Еле спровадила... Ох, мочи нет... Волнами идет, то отпустит, то приступит. Тело жидкое... Согрей воды, Катерина.

Входит конюх Василий Семенов.

С е м е н о в. Бог помочь, барыня. Звали?

М а р и я *(стонет)*. Звала... Поднеси ему водки, Катерина. *(Поднимается с постели, закутавшись в одеяла, шатаясь идет в другую комнату.)* Ветер-то какой. Быть наводнению. Нева многих погубит. *(Стонет.)* Дверь запри входную... Поди, Семенов, запри дверь на засов. А ты, Катерина Екимовна с Василием здесь побудете... Ежели не кликну. *(Уходит в другую комнату, оставив дверь приоткрытой. Стоны оттуда становятся все сильнее и сильнее, переходят в плач и вой. Возвращается Семенов, заперев дверь.)*

К а т е р и н а *(дрожа прижимается к Семенову)*. Ох, Вася, ох, сдается мне, барыня родинами мучается. *(Из-за дверей особенно сильный крик Марии и следом слышен крик ребенка. Катерина подбегает к приоткрытым дверям. Крик ребенка обрывается, возникает вновь и снова обрывается.)* Ох, Вася, барыня на судно села и сидя младенца опустила в судно. *(Плачет.)* Слышала я, судно стукнуло... Слышала я, младенец вскричал.

С е м е н о в. Тише, Катя, не дрожи ты так.

К а т е р и н а *(плачет)*. Как не дрожать... Барыня младенца того руками своими, засунув младенцу тому палец в рот, задавила... Приподняла младенца и придавила... Господи Боже. *(Крестится, плачет. Бежит к двери, кричит.)* Что вы, Мария Даниловна делаете? *(Мария, шатаясь, появляется на пороге с завернутым в кровавое полотенце трупиком.)* Что вы, барыня, сделали?

М а р и я *(тихо, почти шепотом)* Я и сама не знаю.

К а т е р и н а *(плача)*. Зачем вы, барыня, младенца придавили?

М а р и я. Молчи. Дьявол ли тебя спрашивает. Возьми, Катерина, с полотенцем, отнеси куда-нибудь и брось.

К а т е р и н а *(плача)*. Не смею я этого сделать.

М а р и я. Коль ты не смеешь, то муж твой, Семенов. *(К Семенову.)* Пожалуй, сего мертвого младенца брось куда-нибудь... Да молчите вы... Я вас как нищих взыскала, а вы меня не хотите слушаться.

С е м е н о в. Надо бы в кулек положить. Сделай, Катерина, кулек из салфетки. Ежели барыня добрая, то и прислуга должна подсоблять и удерживаться от извету.

Катерина делает кулек и укладывает туда завернутого в полотенце младенца. Отдает Семенову. Тот выходит.

К а т е р и н а *(плача обнимает за плечи так же плачущую Марию и помогает ей лечь в постель)*. Кто был тот младенец?

М а р и я. Мальчик был.

З а н а в е с

Сцена 13

Петербург. Комната фрейлины Марии Гамильтон. Солнечный день. Мария, еще бледная, но нарядно одетая, сидит на диванчике рядом с Орловым. Катерина хлопочет по хозяйству.

М а р и я. Катерина, поди свари кофе, чтоб угостить Ивана Михайловича. *(Катерина уходит.)* Рада я, Иван, что ты при-

ехал. Скучала по тебе. *(Обнимает и целует его.)* Ты уж постарайся, Иван, теперь возле меня побыть.

О р л о в. Это уж как государь посмотрит. Ездил я в Петель по поручению государя, да, может, вскоре в Москву поеду. Знаешь ведь, розыск идет по делу царевича. Наш государь в беспокойстве, а тем паче слуги его. *(Смотрит на Марию.)* Ты, Марьюшка, красива стала, но бледна. *(Целует ее.)*

Слышал я по приезде, что ты чуть было не умерла. Что с тобой сделалось?

М а р и я. Бок у меня болел. Также и месячное пришло. Худо мне было, Ваня. Я уж и мальчика посылала спытать, приехал ли.

О р л о в *(глядя на Марию)*. Вижу, слаба ты стала, Марьюшка.

М а р и я. Малехонько было не уходилась. Вдруг схватило. Сидела я у девок, сиречь у фрейлин, и после насилу привели меня в палату. И месячное вдруг хлынуло из меня ведром.

О р л о в. А ну, поглядь на меня, Марья, поглядь мне в очи. Марья, ходят слухи, что в летнем огороде у фонтана нашли мертвого подкидыша. И говорят иные, что это дитя Гамильтон. Как это на тебя говорят, что ты родила ребенка и убила?

М а р и я *(плачет)*. Для того-то ты пришел, Ваня. Я тебя ждала, а ты пришел не повидать меня, а распытать. Разве бы тебе я не сказала о родах и убийстве? Ведаешь ты и сам, какая большая охотница я до ребят. Разве не могла я содержать в тайне ребенка? Ведь ты ведаешь, меня здесь никто не любит, оттого и брешут.

О р л о в *(вставая с дивана и расхаживая по комнате)*. Я, Марья, напротив, подозреваю, что ты любима слишком многими, более, чем нужно для тебя, а паче для меня. Семен Алебардьеv, говорят, да Александр, подьячий, да Семен Маврин жили с тобой в любовной связи, как я. А Родион Кошелев говаривал — она со мной брюхо сделала.

М а р и я. Эх, Ваня, ты же знаешь, какие слухи и сплетни ходят при дворе меж денщиками, фрейлинами, служанками,

дамами придворными... И на тебя говорят, что ты с иными девицами, с фрейлинами и дамами. Они нас ревнуют, Ваня. А с иной стороны, те денщики, пажи и камер-юнкеры, которые за мной хотели волочиться, желают рассорить меня с тобой. А что Кошелев говорил, так я на него челом бить буду, жалобу подам. Кошелев тебе, видать, говаривал, что я ребенка убила?

О р л о в. Не Кошелев. Кошелев, напротив, говаривал, что у тебя от множества сотрудников не могло быть ребят и мертвый подкидыш от прочих фрейлин или дам. Однако иные все же твердят, что найденный при уборке мусора у фонтана ребенок — твой.

М а р и я *(плачет)*. Пусть гром меня поразит, пусть Бог накажет, пусть рука отсохнет, которой крещусь. Я ведь не одна была, как у меня месячное появилось.

О р л о в. Марьюшка, я тебе, может, поверю, одначе в застенке у Толстого божбе не верят. Там дыбе верят да кнуту. Государь вскоре в Москву едет упражняться в гражданских делах, поскольку следствие и суд будут над сыном, да над первой женой, да над сестрами, да над многими вельможами и именитыми женщинами. Оговаривается людей все больше и больше, надзор пытливый за всем и каждым, в онное ужасное время преступление такое, хоть и не политическое, не может остаться в тайне. Потому еще раз спрашиваю тебя, Марья. Скажи без божбы и глядя мне в очи — детоубийца ты, али нет?

М а р и я *(тихо)*. Умилосердся, Ваня, не пытай меня. Я уже не помню, что говорю.

О р л о в *(кричит)*. Проклятая враговка! Я за тебя на дыбе висеть не хочу.

Орлов уходит. Мария валится на диван, охватив голову руками, заливаясь слезами. Входит Катерина с кофием.

К а т е р и н а *(ставит кофий на стол)*. Барыня, видать, вновь повздорили с Иваном Михайловичем. Уж не побил ли он вас, как прежде бивал? *(Мария, не отвечая, продолжает плакать. Катерина вздыхает.)* Видно, правду пишет календарь.

Сей год более к болезням, нежели к здравью склонен, а особливо зима и весна. Спаси и помилуй, Господи Иисусе
(Крестится.)

З а н а в е с

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КОЛОДНИЧЬИ ПАЛАТЫ

Сцена 14

Москва. Пыточный застенок Преображенской канцелярии. Слышны крики и стоны пытаемых из соседних камер, свист кнутов, звон железа. За столом Петр, Толстой и царевич Алексей, который сидит рядом с отцом. На столе лежит кипа бумаг, приговоры и пыточные записи. Тут же на столе бутылки водки и закуски.

П е т р (к Толстому). Петр Андреевич, уж который приговор смотрю. Пьяным обычаем ты их что ли подписываешь. Из дела не видно, почему этому наказание строже, а тому легче. (Рвет бумагу.) Этот наказан батогами, этот бит кнутом и освобожден, этому вырваны ноздри и сослан на каторгу. А тяжесть преступления, как я вижу, у всех едина. Уложение имеется, а ты судишь по произволу.

Т о л с т о й. Уложение имеется, государь, да не все в нем растолковано. К примеру, можно ли богохульников к исповеди допускать перед смертной казнью? Послал запрос в синод, месяц уж не отвечают. И как, государь, приговор исполнить, со священником али нет?

П е т р. Читай воинский артикул, там указано и по казням и по пыткам.

Т о л с т о й. Читал, государь, да не нашел ничего.

П е т р. Дурно читал. Я сам целую главу написал по пыткам и расспросам с пристрастием. Часть вторая, глава шестая. (К Шапскому.) Феофилакт, Кикин готов к допросу?

Ш а п с к и й. Еще в изумлении, государь. Палач молодой, персты злодея в тиски заклал, да свинтил чрезмерно.

П е т р (*сердито*). Сколько раз говаривал и собственно-ручно показывал, как пытать надобно. Надлежит палачу и судье при пытке быть осторожны, чтоб тело, которое пытаются истязанием не озлобить и сделать нечувствительным. Ты, Феофилакт, мне розыск портишь. Розыск мне надобно с Кикина начинать. (*К Толстому.*) Что имеется помимо розыска заговорщиков?

Т о л с т о й. Всякое, государь. Разбойников взяли. Али монаха-книгописца. В нарушение указа писал, запершись, имел в келье бумагу и книг множество. Ходил по торгам, читал книги мужикам.

П е т р. Как звать книгописца?

Т о л с т о й. Селивестр Книги, которые он в келье содержал, в синод отправлены. Феофан Прокопович смотрел. Тридцать четыре из них отданы в духовную академию, пятьдесят четыре в университет, сто шесть сожжено.

П е т р. Пришли монаха, посмотрю на него.

Т о л с т о й (*палачам*). Монаха-книгописца сюда.

А л е к с е й (*дрожащей рукой наливает в стакан водки, выпивает*). Книги смутить могут, особливо людей слабых... И меня книги смутили... Да Бог помог, батюшка-государь мой, Бог помог... Надо бы лишь Афросиньюшке моей в Берлин пасс, не мешкая, отправить, чтоб получа онный, не мешкая, ко мне ехала с новорожденным. Петр Андреевич, я ей письмо хочу написать, что уж все позади. Меня ото всего уволили, и батюшка-государь милость проявил, чтоб нам с Афросиньюшкой позволено было жить в деревне. (*Снова дрожащей рукой наливает стакан и выпивает.*)

Т о л с т о й. Напишите, напишите, царевич, ваше величество. Да еще напишите, чтоб не верила до своего приезда ведомостям о вас, а верила только письмам вашим, понеже в немецких ведомостях много неправды пишут.

А л е к с е й. Напишу, Петр Андреевич, напишу, как вы советуете.

Т о л с т о й. А я от себя напишу Афросинье Федоровне, что ждем ее в своем отечестве. Дай Боже, государыню, Афросинью Федоровну, нам купно при вас, государь-царевич, видеть.

П е т р. Вот иные говорят, что ты, Алексей, с сей бездельной работной девкой жил незаконно еще при жене своей, принцессе Шарлотте.

А л е к с е й. Лгут на меня, государь-батюшка. Лгут. *(Снова наливает стакан.)*

П е т р *(отнимает у Алексея стакан)*. Вечером напьешься. Сейчас тебе свидетелем быть друзьям твоим — заговорщикам.

А л е к с е й. Соблазнительям и губителям моим. Они моей жизнью играли, заради своего честолюбия. Вот Петр Андреевич мне верит.

П е т р *(усмехнувшись)*. Ну и выбрал же ты себе зон, заступника.

Т о л с т о й. Вы, государь, ко мне несправедливы. Аль не верите мне?

П е т р *(хлопает Толстого ладонью по лысине)*. Эх, голова, голова, кабы не была так умна, не держаться б тебе на шее.

Т о л с т о й. Не сомневайтесь, государь, голова моя крепко на шее держится и вам верна.

П е т р. Помню, помню, как ты в стрелецком бунте против меня шел. Однако ныне заслуги твои, верно, велики. И думаю, я тебя в графское звание возвести, да деревень, у заговорщиков конфискованных, подарить.

Т о л с т о й. Нижайше кланяюсь, государь. У Авраама Лопухина в Мещере деревни хороши, да в Тульской губернии Ясная Поляна.

П е т р. Дарю тебе. Станешь графом Толстым из Ясной Поляны, и дети, и внуки, и правнуки твои будут графья Толстые.

Вводят Селивестра. Ряса его разорвана, руки связаны, на лице запекшаяся кровь.

П е т р. Ты кто?

С е л и в е с т р. Книгописец, государь.

П е т р. Тебе известен указ, что писать, запершись, вос-

прещено, дабы не распространялись подметные письма. И без разрешения лицам не государственного звания бумагу иметь воспрещено.

С е л и в е с т р. Я, государь, к подметным письмам интереса не имею. Более читал книги духовные и много уведал от сых светлых писаний.

П е т р. Ты Нестора читал?

С е л и в е с т р. Читал. Да и записал кое-что из Нестора на поллиста.

П е т р. И я молодым читал, да писал. Вот ныне времени читать и писать духовное не имю. А у тебя время имеется, да не то пишешь, не то читаешь. Ходишь по торгам и мужику книжки читаешь. Служить надобно новой России, а не мужику ленивому, который на соломе валяется да на солнце греется. Ежели ты публицист, то и пиши для государя, для отечества, поскольку публицист есть доноситель государю. Вот публицист Посошков, крестьянский сын, верно пишет мне, что надобно из мужика да посадского делать среднего чина людей, без коей новой России не устоять перед Европою. У нас для дела людей не хватает, а густая масса людей лишних... Работают не в пользу отечества и государя. Поди, книгописец, подумай о словах моих.

Т о л с т о й. Так куда его, государь? Я уж присудил его к отсечению головы за писание книг.

П е т р. Слышал ведь, я его думать послал. Чем же он думать будет? Возьми у него подписку о неразглашении, раз уж он побывал у тебя в гостях. *(К Селивестру.)* Дашь расписку: ежели я впредь какие непристойные слова буду говорить али писать, то по учинению жестокого наказания сослан буду на каторгу, на вечную работу, или учинена мне будет смертная казнь.

Слышны новые стоны и крики. Шалский пронесит горящий веник. Слышен крик, вой, стон, и два палача проволакивают под руки пытаемого.

П е т р. Запомнил, книгописец, смысл поучения моего?

С е л и в е с т р . Не хуже поучений Эзопуса, государь.
(Застеночный подъячий протягивает ему бумагу. Селивестр

расписывается на ней дрожащей рукой.) Известно вашему величеству онное дерзновенное состояние, слабость необузданного языка, который иногда с разумом не согласуется.

П е т р . Куда пойдешь ныне, книгописец.

С е л и в е с т р . Ежи позвольте, в Киев на богомолье.

П е т р . Нет, в Киев не пойдешь. Выпишем-ка мы тебе прогонные, да поезжай-ка ты за караулом в ссылку, в архангелогорскую провинцию, на Пусто-озеро. А вовсе по такому делу освобождать нельзя. Оттого в народе зловредье будет. (Селивестра уводят.) Если б, Толстой, мы лучше за людьми надзор имели, да больше поучали, меньше пришлось бы кнут мочалить, да топор тупить. Вот вчера вечером подали мне обстоятельную записку. Верный мой человек узнал об одном тайном сходбище, разведал о людях, составляющих общество. Я вечером перед сном прочитал донос и пометил крестиками, кого первоочередно брать. (Петр роется в кармане сюртука.) Куда ж бумага подевалась? (Начинает сердиться.) Помню, уложил донос в карман. Кто меня вчера раздевал? Кто дежурил? Поспелов, кто вчера дежурил?

П о с п е л о в . Орлов, государь.

П е т р . Именно, Орлов. Немедля позвать.

П о с п е л о в . Здесь его нет, государь.

П е т р (гневно). Разыскать гуляку. Не впервой, едва засну, как он с дневальства отправляется к приятелям и гуляет всю ночь. Уж ныне я его проучу, уж за бумагу сполна спрошу. Помню, велел сюртук с бумагой в кармане мне под подушку покласть, а проснулся — сюртук на стуле.

Ш а п с к и й . Государь, Кикин от изумления в ум пришел.

П е т р . Давай к допросу. (К Толстому.) Особ, которые к пытке приводятся, надобно по разному рассмотреть. Твердых, бесстыдных и худых людей надобно пытать жесточее. Те же, кто деликатного тела и честные суть люди, легче. И буде такой пытки довольно, то не надлежит судье его приводить к большому истязанию.

Вводят Кикина. Он неузнаваем. С почерневшим лицом, с всклокоченными, слипшимися от крови волосами.

Т о л с т о й (к Шапскому) Что говорил?

Ш а п с к и й. На огне говорил то же, что и на духу.

К и к и н (с трудом шевеля губами). Взят ли князь Михайло Долгорукий?

Т о л с т о й. Ты за себя будь в ответе.

К и к и н. Нас истяжут, а Долгоруких царевич ради фамилии закрыл.

А л е к с е й. Ты, Кикин, не вертись. А кто мне советовал, что клубок не гвоздем будет пробит и мочно его снять?

К и к и н. Сего не говаривал.

А л е к с е й. Врешь — говаривал. Меня против батюшки-государя подбивал... Говаривал... А?.. Врешь... Говаривал...

К и к и н. Я говаривал, мне к тебе часто ездить невозможно. От двора батюшки в том на меня подозрение. Говаривал мне царевич, когда Бог изволит, что будет монархом, тогда меня чести удовольствует. Я же отвечал: служил и служу государю Петру Алексеичу. Царевичу говаривал: отец ваш не хочет, чтоб вы были наследником одним именем, но самим делом.

А л е к с е й. Врешь, Кикин... Петр Алексеич, пытаться его надобно до трех раз, чтоб правду говорил... Горячими угольями пытаться...

Т о л с т о й. Успокойтесь, царевич. Правду он скажет. Кикин, какой ради причины так давно зачато думать, чтоб уехать царевичу от отечества.

К и к и н. Как могу памятовать о том, доношу истинно. Когда повелено ехать царевичу в немецкие земли, тогда мне он говаривал, что рад той посылке. Я спросил: для чего рад? Сказал, что будет жить там, как хочет.

П е т р. А к венскому двору ездил ли ты, чтоб царевичу путь показать? Про Францию не советовал ли, чтоб идти в то время во Францию?

К и к и н. То явная немилость. Про Францию говорил я слова царевича, который неоднократно сетовал: напрасно-де я сюда приехал, сиречь в Россию назад. А что клубок не

прибит, не говаривал. Перед отъездом был царевич у меня на квартире и, выпив водки, пошел от меня. А мне приказал, чтоб не ходил к нему на квартиру. То знатно, для своей девки сделал. Царевич ко мне давно начал быть немилостив. А ежели мне готовить царевичу место в Вене, то сие было бы глупее всякого скота.

А л е к с е й (*кричит*). Батюшка-государы! Кикин мне говаривал, что есть замешание в армии, которое обретается в Маклебургской земле, а именно, в гвардии, где большая часть шляхты. Что б вас, государь, говорит, убить, а царицу сослать.

К и к и н. Какую мне на царевича надежду полагать? А что ему на меня по немилости своей говорить, тому есть явные причины. Первое, что я от него задолгое время отстал. Второе, за доношение мое на него Петру Андреевичу. Ежели б он был надобен, я б на него не доносил. Что поздно повиную свою написал, только в том виноват.

Вводят слуг, Ивана Большого Афанасьева, Ивана Малого Афанасьева и Якова Носова. Все со следами пыток, в рваных лохмотьях, в ручных и ножных кандалах.

Т о л с т о й. Иван Большой Афанасьев, что сказывал тебе царевич про свой отъезд?

И в а н Б о л ь ш о й. Велел мне убрать, что с ним надобно в путь против прежнего, да стал плакать: как мне оставить Афросинью и где ей быть. Не скажешь ли кому, что буду говорить. Я-де не к батюшке поеду, а к цесарю или в Рим. Только-де у меня про это ты знаешь, да Кикин. Для меня он в Вену проведовать поехал.

Т о л с т о й. Кикин, верно ли Иван Афанасьев говорит?

К и к и н. Врет, лакей. Я еще до отъезда государева в Амстердам доносил государыне-императрице, и если б в то время по тому моему доношению повелено было освидетельствовать, тогда ж намеренье царевича стало б явно.

П е т р (*в гневе*). Ты государыню в свое темное воровство не впутывай твоими мазепиными речами.

А л е к с е й. Письмо обманное писано мной по совету

Кикина. А нарощно писано из Корольца, чтоб не признали, что по совету Кикина. Он же мне советовал писать о побеге моем князю Михайле Долгорукому, а отдать ему, Кикину. Буде на него суснет, то объявит письмо и скажет, что письмо перенял.

П е т р. Ну-ка, Феофилакт, сполосни-ка вора Алексашку Кикина в трех огнях, аки в трех водах.

Ш а п с к и й. Любо, любо! *(Два палача хватают Кикина, а Шапский горящим веником опаливает ему спину. Кикин кричит и падает.)* В другой раз в изумление пришел, государь.

П е т р. Волоките его, пока болезнь минет, что паки и паки пытатъ. *(К Толстому.)* На всех ямах учредить караулы. Никого не пропускать без подорожной за моей подписью, либо подписью сената. Вижу я, заговор широко пошел и знатных немало вовлечено. Что Долгорукий?

Т о л с т о й. Думаю, сослать его надобно. С австрийским резидентом Плеером виделся тайно и клеветнические доношения помогал составлять.

П е т р. Сказать смерть, а потом учинить наказание — в ссылку. Сослать в Соли-Камской. *(К застеночному подъячему, ведущему запись.)* В провожатые Михайле Долгорукому дать четыре солдата. И жить ему тамо, как и прочие ссыльные. От Петербурга до Соли-Камска дать под него шесть подвод. На корм в дорожный проезд выдать ему из взятых у него золотых червоных пятьдесят золотых, а чем ему будучи в Соли-Камске питаться, учинить определение в Сенате *(К Толстому.)* Как Галицыны?

Т о л с т о й. Супруга князя Галицина, родная дочь старого князя Прозоровского привезена вчера была в Преображенское, как вы, государь, велели. На пыточном дворе, в кругу сотни солдат положена на землю с обнаженной спиной и очень больно высечена батогами.

П е т р. Знатные фамилии думали, что я до них не достану. Хвост кнута длиннее хвоста бесовского.

Подводят Ивана Малого.

Т о л с т о й. Иван Малый Афанасьев, получал ли ты письма с дороги от царевича?

И в а н М а л ы й. Получал из Нитавы да Мамеля. Писано азбуки. Циферные письма.

Т о л с т о й. Кому отдавал?

И в а н М а л ы й. Кикину да Спасскому протопопу Якову Игнатьеву. Мне письмо было, звал меня царевич к себе.

А л е к с е й. Тебя, Иван Малый, видать, мало кнутом хлестали, что лжешь.

И в а н М а л ы й. Нет, звали, ваше величество. Чтоб ехал я за ним не медля и настигал бы в Гданьске. А буде до Гданьска не настезешь, оставлю-де у почтместера письмо, на которое города, куды тебе за мной следовать в Прусы. Велел за банковские деньги, за восемь тысяч рублей взять из сибирского приказа товарами, мехами и икрой, чтоб продать в немецкой земле.

Т о л с т о й. А кто тебя о царевиче спрашивал?

И в а н М а л ы й. Князь Василий Володимирович, да Михайла Васильевич, да Иван Нарышкин. Говаривали, это хорошо, что в цесарии обретается и цесаря держится. Цесарь его-де к отцу никаким образом не отдаст. Слава Богу, говаривали, царевич в хорошем охронении обретается. Кикин, как слышал о возвращении царевича, говаривал мне: куда-нибудь скрыться. Я ему сказал: не знаю, куды без пасса ехать.

И в а н Б о л ь ш о й. А как узнали господин Кикин, что царевич сюды едет, называли господина Толстого Иудою, что он царевича подпоил и подманул.

Я к о в Н о с о в. Мне царевич говаривал, что Петербург не долго за нами будет.

П е т р. Довольно. Всех увести, вновь пытаться.

Слуг уводят.

А л е к с е й. Батюшка, се Вяземский все мутил. Лакеев подучал. Вяземский да Кикин, главных два заговорщика, меня к бунту подбивали.

Т о л с т о й. Шапский, Вяземский где?

Ш а п с к и й. Еще на дыбе висит. Покаместь ни в чем не сознался.

П е т р. Давай вперед Вяземского сестрицу мою, царевну Марью Алексеевну.

Вводят царевну Марью Алексеевну.

М а р ь я А л е к с е е в н а. Братец мой, Петр Алексеевич, здравствуй многие лета. Устал ты лицом. Видать, много имеешь огорчений. *(К Алексею.)* Говаривала я тебе, говаривала — утешай отца и будь ему послушен. Говаривала.

П е т р *(Алексею)*. Что говорила тебе царевна в Либау?

А л е к с е й. Про видения мне говорила, будто ты опять мать мою, Евдокию, царицею возьмешь. Да про государыню Екатерину Алексеевну говаривала, что от нее зло мне да детям моим, да матери моей. Что ты де ею хвалишься, она тебе не родная.

М а р ь я А л е к с е е в н а. Про видения сказывала не мое, а новгородского владыки. А какое видение видел владыка, того не упомяну. А про государыню, Екатерину Алексеевну, того не говаривала. А говаривала прежде многожды, чтоб он, царевич, государыне о своем пострижении бил челом. Она де у отца сделает. А что не мать родная, то все ведают. Мне было для чего ему-то говорить.

Т о л с т о й. Ваше величество, царевна Марья Алексеевна, имели ли вы связи с Суздадем?

М а р ь я А л е к с е е в н а *(беспокойно)*. Которые связи? Говаривала лишь, чтоб мать почитал, а отца утешал и слушал. Алексей отвечал: я того делать не могу. Отец мой долго изволит стоять, а мне нельзя оттого престол иметь.

А л е к с е й. Письма и деньги она в Суздаль посылала и меня к тому принуждала.

М а р ь я А л е к с е е в н а. Неужели ты мыслишь, изменник, перебежавший к иноземному кесарю, что братец мой тебе, никчемному, поверит. Клевете твоей на меня, безвинную.

Т о л с т о й. Письма ваши, царевна Марья Алексеевна, в

Суздаде вынуты в числе прочих. Связи ваши с приверженцами инокини Елены открылись.

М а р ь я А л е к с е е в н а (*падает Петру в ноги*). Припадаю к ногам вашим, прошу милосердия того моего преступления, прошу о прощении, чтоб мне безгодною смертью не умереть.

П е т р (*устало*). Поедешь, сестрица, в Шлиссельбург за крепким караулом. (*Марью Алексеевну уводят.*)

Т о л с т о й. С отправкой в Шлиссельбург надо б повременить, государь. Царевна нужна для допросов по суздальскому розыску.

П е т р. На время розыску оставляю ее в Петербурге, в плац-майорских красных хоромаш с повелением писем ни от нее, ни к ней ни от кого не принимать, никого к ней не допускать, а приносителей писем брать под арест. (*Вводят Вяземского.*) Что, Никифор Кондратьевич, так-то ты берег сына моего, тебе доверенного, от дурных людишек и дурных мыслишек.

А л е к с е й. Когда по погребении крон принцессы я получил от вас, батюшка, письмо и сказал Вяземскому: пишет батюшка, чтоб отрицаться наследства и идти в монастырь, Вяземский говорил: чего ж тебе жаль? Ты в монастырь поди. И избирал монастырь, куда мне идти. И стих из Полтавской службы, где на вас, батюшка, хула, читал мне.

В я з е м с к и й. Нет государич, сами вы читали тот стих, а я ублажал вас, чтоб такого противного и неусмотрительного произношения не было... Весьма опасно и речивисто там было произношено. А учил я его иным стихам в форме возгласения многолетия. (*Поет.*) Вечному и превознесенному отцу отечества Петру Великому, императору слава...

А л е к с е й. Не ханжи, Никифор.

В я з е м с к и й. Это вы, государич, ваше величество ханжили, да водились с попами. Протопопа Якова Игнатова себе в отцы избрали. Говаривал он вам, что есть подлинный отец, а не государь ваш отец. Говаривал многожды. Я же вас иному учил, чтоб вы того не чинили, за что бывал от вас, государич, бит не однажды. Всегда имели на меня гнев, о чем известно каждому.

А л е к с е й. А из книги кесаря римского Барониуша разве не учил против батюшки-государя?

В я з е м с к и й. Государь, обвинение сие явная клевета. Из Барониуша государич выписывал один, и я тем менее мог помогать ему, что книга эта на немецком и на польском языках, которых я не знаю. Хотел мне государич от своего двора отказать, понеже я мешал его общению с дурными людишками, однако не сумел, понеже я назначен был именным указом государя. С тех пор всегда имел государич гнев на меня, был я бит не однажды и искал моей смерти. Как были в Польше, послал меня государич из Торуня через Сандомир, Желкву и Дубню к Москве с письмом, зная, что войска наши из тех мест все выведены, и надеясь, что поляки меня убьют. Посему прошу, государич, меня, яко невинного, освободить. Все затеяно государичем по злобе и ненависти, чтоб меня безвременно умертвить.

П е т р. Эх, Никифор, видно, не злодей ты, а попросту глупый и пустой человек. Моя вина, что назначил тебя в воспитатели к наследнику. Поэтому поедешь в Архангельск без наказания. Хватит с тебя и того, что повисел на дыбе да кнута попробовал.

В я з е м с к и й. К стопам вашим, государь, припадая, кланяюсь. *(Кланяется. Его уводят.)*

П е т р. Поспелов, что, открыли гонцы Орлова?

П о с п е л о в. Государь, Орлов не найден, однако бумага нашлась. *(Протягивает бумагу.)*

П е т р. Где была?

П о с п е л о в. В подкладке вашего сюртука, государь.

П е т р *(рассматривая бумагу)*. Значит, Орлов не вор бумаги. Однако пусть его разыщут. Я желаю сделать гулякденщику внушение. Уж не впервой, как он надобен, так его не найти.

Вводят духовника Якова Игнатова.

Т о л с т о й. Государь, расстрига Яшка низвержен с архи-

рейской кафедры по выписке его преступлений, мной подписанных.

П е т р (*к Алексею*). Поди, зон, да выцелуй ему руки, как прежде выцеловывал.

А л е к с е й. Он мою душу да мое сердце поработил, батюшка. Говаривал, что в народе любят меня и про мое здоровье пьют, называя надеждой российской.

Т о л с т о й. Говорил ли тебе, Яшка, царевич на духовной исповеди, что желает отцу смерти?

И г н а т о в. Говорил.

А л е к с е й. Сии мысли он сам мне внушил. Говаривал: Бог тебя простит, мы все желаем ему смерти.

И г н а т о в. Это спроста говаривал. Хотел царевичу угодить. Сам же так не мыслил.

П е т р (*гневно*). Вот он, тать, бездушник да ябедник. Вот кто по монастырям, храмам, церквам приходским народ наш учит, сам же веры Божьей не имеет, а одно лишь атенство, которое есть у него фундаментом. И все чинит образом святым, под видом агнеца, прикрытый его кожей. Такого-то адского сына ты, Алексей, в отцы себе взял да свояки. Шапский, пытать Яшку еще троекратно. Угольями горячими пытать, чтоб знал, как в аду ему будет, куда вскоре он явится.

Игнатову уволакивают. Вводят Евдокию в монашеском облачении. Она оглядывается, замечает Алексея, кидается к нему. Мать и сын обнимаются.

Е в д о к и я (*плачет*). Олешенька, уж не чаяла увидеть тебя. Погубил ты себя напрасно.

А л е к с е й (*плачет*). Батюшка наш милостив. Батюшка простит. Проси, мать, батюшку о милости к тебе да ко мне.

Е в д о к и я (*Петру*). Вашего величества нижайшая раба, бывшая жена ваша, Авдотья, просит вас за себя и сына своего, Алексея. И ныне надеюсь я на человеколюбные вашего величества щедрости. А я обещаюсь по-прежнему быть инокою и пребывать в иночестве до смерти своей. И буду Бога молить за вас, государя.

Т о л с т о й. Государь, лейб-гвардии Преображенского

полка от бомбардир капитан-поручик Григорий Скорняков-Писарев, посланный мной в Суздальский Покровский монастырь, пришел в келью инокини Елены, никем не видимый. Застал бывшую царицу, ныне инокиню, в мирском платье, в телогрее и повойнике. Сундуки ее также наполнены телогреями и кунтушами разных цветов без всяких признаков чернечной одежды. А под телогреями и кунтушами найдено письмо, которое царица-инокиня едва не вырвала. Дозвольте зачитать?

Петр. Читай.

Толстой (*читает*). Человек ты еще молодой. Первое, искуси себя в посте, в терпении, в послушании, воздержании брошна и пития. А и здесь тебе монастырь. А как придешь достойных лет, в то время исправится твое обещание.

Евдокия. Это, государь, список с моей пометы на челобитную одного мужика, который приходил постричься.

Петр. Воровская твоя оговорка, Авдотья. Как была ты молодой лжива, так лживой и состарилась.

Толстой. Писано это к царевичу, о чем имеются показания монашки Каптелины, чьей рукой писано, да юрода Михайлы Босого, которому сие отнести было поручено.

Петр. Какое обещание царевича должно было исполниться, Авдотья? Молчишь? Запираешься.

Толстой. Кроме того, государь, вынута в Покровском монастыре, в Благовещенской церкви на жертвеннике таблица, в которой инокиня именуется — великая государыня и великая княгиня Евдокия Федоровна, а царевич — великий государь и великий князь всея Руси.

Алексей (*испуганно*). Не знал я того, батюшка, не ведал. Без меня то делали. Я с матерью давно разлучен и туда не ездил.

Вводят Глебова. Он идет с трудом, сильно искалеченный пыткой.

Евдокия (*смотрит на Глебова*). Стешенька... Как тебя всего-то поломали. (*Хочет кинуться к Глебову, но стражники не пускают.*) Сердце мое, Стешенька. Друг мой.

Петр *(в гневе)*. Авдотья, жила ли ты с ним блудно?

Евдокия. Жила. В то время, как он был у рекрутского набору, я с ним жила. И в том я одна виновата. На то я его подговорила.

Толстой. Степан Богданов Глебов, живучи с бывшей царицею блудно, спрашивал ли ты ее, с какой причины она платье чернечное скинула и для какого намеренья, и кто ей в том советовал и обнадеживал и чем обнадеживал? *(Глебов молчит. Толстой к подъячему.)* Пиши — запирается. Степан Глебов, от нее к сыну и от сына к ней писем не переваживал ли, и в бытность твою любовником присылали ли от кого какие письма, и ты их видал ли и в какой силе видал? А ведашь тебе всякую тайну ея надлежит, для того, что с ней жил в крайней любви. *(К подъячему.)* Пиши — запирается. При отъезде царевича в побег с бывшею царицею говорил ли о том, от нее слышал ли, что она про побег сыновий ведаешь, и от кого и через кого? Пиши — запирается. Азбуки цифирные, которые у тебя вынуты, с кем ты по ним списывался, и которые у тебя письма цифирью, от кого и что в них писано? С кем из офицеров гренадерского полка своего переписку имел?

Глебов. Ни в каком заговоре не винюсь и не признаю за собою ничего, кроме блудного дела. *(К Петру.)* Ты, царь, с незаконной женой живешь, а я уж с твоей законной жил. Ты от Авдотьи того не имел, что я получил. И в славянском блудодействии жил, и в елинской кощуни жил. *(Смеется.)*

Алексей *(истерично кричит)*. Батюшка, на кол его надобно садить! Железный кол ему в зад воткнуть, чтоб через кишки прошел и через затылок вышел.

Глебов *(к Алексею)*. А ты, дурак, царевич, вернулся да запродавал всех. Всех, кто на тебя надежду имел, как на русского спасителя. Иуде Толстому поверил. Приехал для того, что отец тебе посулил жениться на Афросинье.

Толстой. Волоките его вон.

Петр *(гневно)*. Привязать его к столбу. Босыми ногами, чтоб стоял на доске с деревянными гвоздями.

Глебов *(вырывается, борется с волокущими его)*

стражниками. Кричит.) Жолв тебе, царевич, не женитьба будет... Напрасно сюда ехал... Голову тебе отсекут... *(Его уволаскивают.)*

П е т р *(взволнованно и гневно)*. Надобно учинить ему смертную казнь. Мне Алексея подсказка по нраву. На кол посадить. Да чтоб мучился подольше.

А л е к с е й *(дрожащей рукой наливает стакан водки, выпивает)*. Надобно, батюшка, на колу том скамеечку сделать, чтоб сидеть ему было удобно. Чтоб подолее сидел живьем с колом в кишках. Да шубу и шапку на него надеть, чтоб от мороза не сдох прежде времени. Может, на колу и покается.

П е т р. Ты, Алексей, умен, я это всегда понимал. Хорошим бы ты мог быть наследником мне и отечеству на радость, если б не нрав твой слабый, да окружение твое многолетнее.

Е в д о к и я *(плачет)*. А мне-то куда, государь?

П е т р. Бить бы тебя батоги, как сводниц твоих уж побито, игуменью Покровского монастыря да старицу Каптелину. Но уж лады, поедешь в старую Ладугу, в Ладожский монастырь с карлицею и скарбом.

А л е к с е й *(обнимая Евдокию)*. Хорошо-то как, маманя. Монастырь там хороший, я бывал. Может, поселят тебя в игумениных кельях, а батюшка разрешит, то навещу тебя с радостью. Там городьбы и ворот около монастыря, и никакой крепости нет. Вид там вольный, и с монастырем сим смежны многие дворы поповские, посадские, ямские. А место глухое. Через монастырь лежит дорога, тройки ездят, колокольца звенят. Весело. *(Плачет. Целует Евдокию.)*

Е в д о к и я *(плачет)*. Прощай, Олешенька, прощай. Прости, что ты у меня из пеленок рано вывалился. Если бы близко был, не так бы то и было. *(Ее уводят.)*

А л е к с е й. Батюшка, позволь и мне удалиться, ежели более не потребен.

П е т р *(Толстому)*. Петр Андреевич, потребен тебе еще сегодня царевич?

Т о л с т о й. На сегодня не потребен.

П о с п е л о в *(входит)*. Государь, Орлова разыскали да привезли.

Петр. Что сказано ему?

Поспелов. Сказано, что государь в гневе на него и повелел непременно отыскать.

Петр. Орлова сюда давай, я ему внушение сделаю, а царевича отвезти надобно с дежурным офицером в дом кабинет-секретаря Макарова. А обед ему пусть из придворной кухмистерской привезут.

Алексей. За милость вашу благодарю, батюшка. Позвольте еще на дорогу. *(Наливает водки, выпивает и уходит.)*

Толстой *(просматривая бумаги)*. Государь, спытать еще хотел, куда посылать сеченых баб? К прикладу, бабы Алена Андреевна да Авдотья Кузьмина еще в июне высечены кнутом, и уж сколько месяцев длится переписка, а ссылка их на прядильный двор состояться не может. Бабы эти стары, работать не могут, а кормить их кумпанейщиками от себя без работы не можно. У нас же, в тайной канцелярии после приговору и секуции на них пайка не имеется, и ежели их, государь, вновь не станут принимать, то думаю, освободить с запискою о молчании на волю.

Входит Орлов.

Петр. Погоди, Петр Андреевич, с твоими сечеными бабами. Уж сам, без государя, разберись. *(К Орлову.)* Где гуляка, был, что тебя сыскать не могли? Знаешь, что я на тебя гневен.

Орлов *(падает на колени)*. Виноват, государь, люблю Марьюшку.

Петр *(удивленно)*. Которую Марьюшку?

Орлов. Марью Данилову. Фрейлину Гамильтон.

Петр. Ну-ко, встань с колен, да толком расскажи, давно ль ты ее любишь?

Орлов. Третий год.

Петр. Бывала ли она беременна?

Орлов. Бывала.

Петр. Следовательно, и рожала?

Орлов. Рожала, но мертвых.

П е т р. Видал ли ты их, мертвых?

О р л о в (*с испугом*). Нет, государь, не видал, а от нее сие знал.

П е т р. Незадолго, при очищении нечистот, найден был мертвый младенец, обернутый в дворцовую салфетку. Тогда не могли отыскать матери младенца, иначе из твоих ответов вижу, что убийца ребенка никто другой, как фрейлина Гамильтон. Вновь тебя спрашиваю, Орлов, знал ли ты о сием детоубийстве?

О р л о в (*в страхе*). Нет, государь, не знал.

П е т р. В твою невинность не верю. Отвести его на гауптвахту. (*Орлова хватают и уводят*). Петр Андреевич, над фрейлиною, убийцею нераскаянною, повелеваю учредить уголовный суд со строгим исполнением закона. (*Молча сидит, задумавшись.*) Москва мне, Толстой, опротивела, дышать здесь тяжело. Надо переменить место, отдохнуть, освежиться. В Петербург пора. Петербург мой парадис. Московский розыск кончим, почнем розыск петербургский.

ЗАНАВЕС

Сцена 15

Петербург. Комнаты императрицы Екатерины Алексеевны. Утро. Императрица сидит у окна за маленьким столиком и штопает чулок. Входит Анна Кремер.

А н н а. Государыня, его величество государь-царевич приехали в сопровождении дежурного офицера для поздравления вашего величества с праздником.

Е к а т е р и н а. Проси Алексея Петровича. (*Прячет штопку в ларец. Встает.*)

А л е к с е й (*входит быстрой нервной походкой с букетиком вербы в руках.*) Катерина Алексеевна, в день светлого праздника, Вербного воскресенья здравствуйте на множество лет. (*Протягивает ей вербу, троекратно с ней целуется.*)

Е к а т е р и н а. Того же и вам желаю как вашего величества дружбноохотная мать.

А л е к с е й (*дрожащим голосом*). Я, ваше величество государыня, зело радовался, получа ведомость о вашем счастливом разрешении, но зело сожалею, что счастья не имел в том времени в Петербурге присутствовать. Я, ваше величество, всеусердно о том поздравляю... Ехал я днями в санях мимо дворца вашего величества, но случая не имел повидать и боялся, явившись самовольно, батюшку прогневать. Но вот праздником пользуясь и приближением Святой недели, хочу, государыня... (*Падает Екатерине в ноги.*) Государыня, живу надеждой увидеться с Афросиньей и жениться на ней, о чем в светлый праздник, канун Пасхи умоляю вас.

Е к а т е р и н а (*растерянно*). Ваше величество, Алексей Петрович, встаньте, прошу вас.

А л е к с е й (*плача*). Матушка, Екатерина Алексеевна, выпросите для меня у батюшки позволения жениться на Афросиньешке и жить мне в деревне, как батюшка обещал.

Е к а т е р и н а. Алексей Петрович, я не оставлю склонности к вашей особе, в чем можете обнадеженным быть. Встаньте, Алексей Петрович. Сядем у окошка. Или в диванную пойдемте говорить.

А л е к с е й. За вашу ко мне явленную любовь (*плачет*) всеусердно благодарствую. И впредь прошу, не оставляйте меня.

Е к а т е р и н а (*пытается его поднять, тот сопротивляется, прижимается к ее ногам*). Алексей Петрович, живете-то где, в Петербурге?

А л е к с е й. Живу, как живу, государыня. Не жалеюсь. На Адмиралтейском острове. Мне б в деревню.

Е к а т е р и н а. На Адмиралтейском острове — это я уж догадываюсь, где вас расположили. Нет, там вам не место... Однако я говорить не могу, когда вы у меня в ногах валяетесь. (*Алексей мгновенно поднимается.*) Пойдемте сядем у оконца. (*Берет Алексея за руку, подводит к окну. Они садятся. К Анне.*) Напиши от меня гофмейстеру двора, Мошкову, пусть прикажет очистить для царевича двор, где стоял шаутбейнахт. Пусть, что испорчено, велит починить, полы вымыть и вычистить. (*К царевичу.*) Вчерась государь говорил

мне о вас. Ваше дело вызывает в нем беспокойство, и я опасаюсь, как это отразится на его расстроенном здоровье.

А л е к с е й. Катерина Алексеевна, помогите мне и бабушке. Только вы можете. Бабушка любит и слушает вас. Это ваше заступление за Войноровского, мазепинового племянника, которого в Гамбурге немцы выдали бабушке, помогло, спасло Войноровского от смерти.

Е к а т е р и н а. Алексей Петрович, я сделаю все возможное, но влияние мое не так сильно, чтоб ради меня государь простил политического преступника. Этих людей он карает пуще злодея, татя и убийцы. Войноровский спасен от смерти, но уж много лет пропадает в Якутии. Говорят, оброс, одичал, забыл культурное обхождение и иностранные языки.

А л е к с е й. Да разве государь считает меня государственным преступником?

Е к а т е р и н а. Государь этого не хочет, но при дворе есть вельможные люди, которые этого хотят и которые в том убеждают государя.

А л е к с е й. Знаю, что многие злоковарные вымыслы обо мне говорены и злые люди находятся, которые смерти мне желают, но ныне, услышав о вашем заступничестве, слава Богу, наитежелейший камень от сердца моего отвалился. Ныне я на сердце своем ничего не имею, кроме надежды, что позволят мне дожить жизнь в деревне с Афросиньей. В вашем заступничестве я нуждаюсь, поскольку бабушка мой умный и добрый человек. Он знает, что бабушке моему непослушание, сей грех и стыд причина та, что с младенчества своего жил с мамою и девками, где ни к чему иному не обучался, кроме избяных забав, а более научался ханжить, к чему я от природы склонен. И потом, когда меня от мамы взяли также с теми людьми, которые при мне были, а именно, Никифор Вяземский, да Кикин, да прочие.

Входит Петр, веселый, со свежим от холода лицом. За ним следует негритенок с подносом. На подносе водка и пирог.

П е т р (весело). Катенька, с праздником тебя. *(Целуются.)* И ты, зон, здесь?

А л е к с е й. Приехал поздравить матушку Екатерину Алексеевну с Вербным воскресеньем. И вас, батюшка, от глупины сердца своего, от грешного своего сердца. *(Плачет.)* Злые люди, какие были при мне, такое учинили. Я обык их слушать и бояться, и они больше отводили от вас, отца моего, в забавы с попами и чернецами и с другими людьми таковыми, в такое я впал, а дела воинские мне обмерзли. К тому моему непотребному обучению великий помощник был мне Александр Кикин, когда при мне случался.

П е т р. За грех прощение, но за злодейство с умыслом — никогда. Так в Писании. Кикин — прежний любимый мой денщик — колесован. Мучения его были медленны, чтоб он чувствовал страдание. Вчера я ехал мимо через Троицкую площадь, Кикин еще был жив на колесе. Он умолял пощадить его и позволить постричься в монастырь. Я нашел его мучения достаточными и велел обезглавить, а голову воткнуть на кол. Это последняя казнь перед Святой неделей. И пытки в застенках до конца Святой недели я велел прекратить. *(Берет из рук негритенка бокал, выпивает, закусывает пирогом.)* Выпей, Алексей. Накануне Святой недели хочу надеяться, что ты, сын мой, не злодей, а человек слабый и иными запутанный. Тут и мой грех имеется, что за тобой не уследил. Да и кто Богу не грешен, кто своей бабушке не внук? Выпьем за Иисуса сладчайшего, который тысячу семьсот пятьдесят один год тому в сей день въехал в Иерусалим, чтоб своей жертвой спасение принести. *(Выпивает. Петр целуется с сыном.)* Пирогом закуси. Не бойся, это русская пища, не итальянская.

А л е к с е й. Славно здесь в России, батюшка. Вчера ледоход смотрел.

П е т р. От Ижоры до новой крепости река протекла. А от новой крепости до Троицкой пристани лед взломало. Ты, Алексей, в какую церковь к обедне поедешь, к Исаакию Долматскому али в Троицу?

А л е к с е й. Куда прикажут, батюшка. Я ведь не сам езжу...

П е т р. На Вербное воскресенье да на Пасху я тебя от

офицеров заберу. Поедешь к обедне и всенощной со мной в Троицу. Я велел сегодня поднять штандарт, а пальбы чтоб не было. Но в светлое Христово воскресенье будут палить из пушек. Когда пойдут кругом церкви со кресты из одиннадцати, да во чтение Святого Евангелия из пятнадцати, а по отпуске литургии из двадцати одной.

А л е к с э й. Я, батюшка, с радостью повсюду с вами буду.

П е т р. А хошь, на свадьбу со мной поедем к английскому инженеру? Человек он нужный, обидеть жалко. Надо поехать.

А л е к с е й. С превеликим удовольствием, батюшка.

Е к а т е р и н а. Петруша, я тебе чулки заштопала. *(Достает из ларца чулки.)*

П е т р. Ну, спасибо, хозяйюшка моя. *(Целует ее.)* Чулки добрые, жаль выбрасывать.

Е к а т е р и н а. Новые купить бы. И башмаки новые купить. Те, что носишь, уж больно стоптаны. Да завели б, Петруша, экипаж получше. В твоём экипаже не всякий купец решится на улице показаться.

П е т р. К чему такое щегольство, Катеринушка? На свадьбу к иноземцу поедем, возьму экипаж напрокат, у щеголя нашего, прокурора Ягужинского. Он в детские годы свиней пас босой в Литве, ему нынешнее щегольство к лицу. А мне, государю, оно к чему? Простоты бы поболее. Я и лечусь теперь попроще олонецкими мерциальными водами да порошком из желудка да крыльев сороки, и вот уже давно в урине болей не имею. Лекари ж мои придворные — ослы. Я их побил дубинкой и прогнал. Доверить им не можно. Вот лекарь Туленщиков спяна вместо рачьих глаз золотник сулемы больному отвесил, оттого тот и помер. Нет уж, без лекарей лучше.

А л е к с е й. Верно, батюшка, вы лицом посвежели. А я вот сплю дурно.

П е т р. Семя конопляное возьми. Три зерна на ночь. Более возьмешь, помрешь.

Служитель входит.

С л у ж и т е л ь. Господин тайный советник Толстой и майор Румянцев.

П е т р (обрадованно). Жду их. Проси.

Входят Толстой и Румянцев. Петр целуется с ними.

Т о л с т о й. С праздником, государь. С праздником, государыня. И вас, царевич.

Е к а т е р и н а. Вас также, господа. Петруша, вы здесь дела обсуждать хотите. Так мы с Алексеем Петровичем пока в буфетную пойдем кофе пить.

А н н а. Господа, поскольку такое счастливое собрание людей мне нужных, позвольте, государь, сказать мою просьбу.

П е т р. Говори, Анна.

А н н а. Бью челом в канун Святой Пасхи с прошением освободить от смерти Марию Даниловну Гамильтон. Преступление ее велико, но убийство сына своего новорожденного можно извинить человеческой слабостью ее, страстью ее и стыдом ее.

Е к а т е р и н а. И я, Петруша, хочу просить за свою несчастную фрейлину. Она уж месяц в кандалах. Не достаточно ли наказание?

П е т р. Катеринушка, но у ней при обыске твои алмазы нашли. И дурные сплетни о тебе пускала.

Е к а т е р и н а. Глупая, несчастная девка. И воровала не для себя, для любовника своего Орлова.

Т о л с т о й. Государь, мне по натуре моей и по должности моей быть к преступлению снисходительным не подобает. Одначе в данном разе я поддерживаю просьбу государыни о милости. Сказано в псалме: аще беззаконие назриши, Господи, кто постоит?

П е т р. Вижу я, что вы все сговорились ходатайствовать. Тогда спросить вас хочу: чей закон есть на такое злодеяние?

Т о л с т о й. Вначале Божий, а потом государев.

П е т р. Что ж именно законы сии повелевают? Не то ли, что: проливая кровь человеческую, да пролиется и его.

А л е к с е й. За детоубийство нет прощения.

П е т р. Да, невинно пролитая кровь вопиет о мщении, и ненаказанное убийство угнетает землю. Я не хочу быть ни Саулом, ни Ахавом, которые, нерассудною милостью закон Божий преступя, погибли и телом, и душою. И если вы, господа, имеете смелость, то возьмите на души свои сие дело, я спорить не буду.

Т о л с т о й. Кто возьмет на себя, государь, дело, на которое у вашего величества нет охоты.

Е к а т е р и н а. Мы с Алексеем Петровичем и с Анной в буфетную пойдем. *(Уходят.)*

Р у м я н ц е в. Государь, тело Глебова, как вы велели, привезено мной из Москвы в Петербург.

Т о л с т о й. Все ли при казни соблюдалось, как велено?

Р у м я н ц е в. Все было исполнено. Привезли Глебова на Красную площадь на санях в шесть лошадей. Его положили на стол и в задний проход воткнули железный кол, который через затылок вышел наружу. Когда Глебов был таким образом посажен на кол, восемь человек отнесли его и водрузили кол на возвышенном месте. Для того, чтоб страдал более и более, кол имел поперечную перекладину, на которой Глебов сидел, а чтоб не замерзнул, на него надета была шуба и шапка. Посаженный на кол в три часа пополудни, испустил Глебов дух только на другой день к вечеру, в полвосьмого.

П е т р. Покаялся ли Степка?

Р у м я н ц е в. Глебов никакого покаяния не принес. Для исповеди при нем был архимандрит Спасского монастыря Лапотинский, да еромонах Маркел, да священник Анофрий. Только ночью просил Глебов тайно Маркела, чтоб он сподобил его святых тайн.

П е т р. Нераскаянным душу свою извергнул из себя злодей. Будут помнить и иные Глебов кол. Перед Святой неделей казней не проводить. После Святой недели поставим перед дворцом на площади четырехугольный столб из белого камня вышиною где-то около шести локтей с железными шписами. На вершине столпа сделать четырехугольный камень в локте вышиной. На нем положить трупы казненных главных злодеев без голов. Головы воткнуть на шписы.

Труп Глебова посадить в середину, чтоб сидел он как бы в кругу других.

Т о л с т о й. Все в точности исполним, государь. Надо лишь подумать, как с Европой обойтись. Я, государь, с Петром Павловичем Шефировым в согласии, что надобно требовать отзыва из России тех чужеземных резидентов, которые ложно доносят своим государям. К примеру, резидент австрийский Плеер многие лжи о нашем государстве и многие клеветы о особе вашей, и о супруге вашей, и о некоторых подданных наших, и о некоторых комплотах войск наших доносил.

П е т р. Я велю Шефирову написать требование об отзыве и пошлю сам цесарю.

Т о л с т о й. Надобно также, государь, в народе дурное впечатление рассеять по случаю казни архирея Ростовского, коего почитали святым. Потому велел на торгах пустить через шпионов слух, что жестокой казни архирей был подвергнут через ошибку секретаря, которому была поручена экзекуция. Приговор же был не столь жесток.

П е т р. От сих святых старцев и главная отрава в народе. Старцам сиим пора пообщипать перьев и поубавить пуха. Не будут летать скоро, лицемеры. Скажут, что явилась икона-де в лесу или ином месте и явление было, чтоб на том месте монастырь сделать или пустыню. А монастырю без деревень быть нельзя. Древние монахи трудолюбивыми руками себе пищу добывали и нищих от себя питали. Эти же одной рукой крестятся, а обеими все крадут. Какие народу они воспитатели? Народ без воспитания церковного живет, и надобно мне, иные дела оставя, церковные делать. Вот идет Святая неделя, а опасение имею, что вновь будет непотребство да пьянство в народе. Потому велел при крестном ходе все кабаки запирать, велел ежегодно исповедоваться и по праздникам ходить к обедне под опасением штрафа. А также под штрафом стоять в церкви смирно и не разговаривать.

Т о л с т о й. Третьего дня зашел в церковь на Васильевском острове мужик один хмельной, снял с чаши воды святой крышку и прикрыл ею голову. Воду вылил. Наказан кнутом.

П е т р. Плетью надобно за подобное. Про меня брешут, что я антихрист, я же обряды церковные чту и точно соблюдаю, но не соблюдаю постов испросив разрешения на то синода.

Т о л с т о й. Будете ли петь на клиросе, государь, и в какой церкви? Люблю послушать, как вы поете.

П е т р. Да, уж приглашен петь вместе с певчими Исаакия Долматского. Слава Богу, церковное воспитание имею. Могу держаться на клиросе не хуже любого дьячка и прочесть наизусть Евангелие и апостолов. Люблю попеть с добрыми певчими, особливо пасхальные каноны. *(Поет.)* О, любезного, о, сладчайшего гласа... Ноне и певчих-то добрых с трудом сыщешь. Под маской певчих всякий темный люд по монастырям хорониться. Потому велел певчих в монастыри не пускать. Поют и старицы хорошо, лишь бы вера была. А не так, что в церкви поют: спаси от бед, а на паперти деньги на убийства собирают.

Т о л с т о й. Духовенство наше обновления требует, ибо по селам священники так же, как и мужики, темны и невежи.

П е т р. Да и архиереи иные лучше лишь формою. Пугают народ ужасами загробной жизни, а не умеют внушить уважение ни к себе, ни к храму Божьему. Семьсот лет заботятся о спасении души русского народа, а зайдя в избы по деревням, глянь на образа, где на голове надлежит глазам да устам быть, одни точки и образ стал. Потому, указал сделать школу дешевой иконописи, а по иконам смотрение иметь живописцу малороссийскому Ивану Зарудневу.

Входит Екатерина.

Е к а т е р и н а. Петруша, занят ли все? Имею разговор к тебе.

П е т р *(к Толстому и Румянцеву)*. Потерпите, господа? Дела семейные.

Т о л с т о й. Уж как не понять, государь. Потерпим. *(Петр уходит с Екатериной.)* Государыня, заступница, доброе

сердце. А царевич через полученное прощение в животе своем, уверен. *(Тихо.)* Государь намеренье имеет царевича из розыску живым вытащить и на иных отыгаться. Одна надежда нам на девку, которая случай подаст для открытия главных тайностей. Ты, Александр Иванович, должен последить, чтоб девка с обозом аккуратно прибыла.

Р у м я н ц е в. Следят люди мои при ней. Вот черные письма царевича к архиереям и сенату никак не найдем. Видно, спрятала их девка, подороже торговать себя хочет.

Т о л с т о й. Без писем царевич попросту запутанный иными, а не умышленный политический преступник. Жениться на девке царевичу государь не позволит, а в монастырь отправить его может. Подобное же для нас всех и для России новой — смерть, поскольку царевич наследник законный, а здоровье государя слабо стало.

Р у м я н ц е в. Бог поможет. Слава Богу, внутренний огонь открыли да тушим.

Т о л с т о й. Одно мне понятно, царевича живого оставлять нельзя ни в монастыре, ни в ином месте.

Входит Петр, устало садится на стул.

П е т р. Господа, как быть судьей в собственном доме? Боюсь Бога, дабы не погрешить, ибо натурально есть, что люди в своих делах меньше видят, нежели другие. Також и врачи, хотя бы из всех искусней был, то не отважится свою болезнь сам лечить, а призывает других.

Т о л с т о й. Мы, государь, верные слуги ваши, готовы всемерно помочь вам сию страшную болезнь лечить.

П е т р. Чтоб лечить, понять надобно, где она гнездится. Думаю, кабы не монахиня из Суздаля, не монах Яков, не Кикин, не Глебов да прочие, сын мой не дерзнул бы.

Т о л с т о й. Государь, любя вас и государыню вашу и великие дела ваши во благе Российской империи, должен сказать: болезнь в сыне вашем, который дает надежду всем силам враждебным во вне и внутри.

П е т р. Ты мне, Толстой, страшные слова говоришь. Та-

кие слова про сына моего без доказательства говорить не можно.

Р у м я н ц е в. Государь, царевич писал письма, призывающие к бунту духовенство и сенат.

П е т р. Где письма? Такие письма означают для царевича смерть, а я клятвою суда Божия письменно обещал сыну своему прощение.

Т о л с т о й. Вы, государь, обещали прощение, если он истину скажет. А ежели он главную истину скрыл?

П е т р. Тяжко мое положение при страшном выборе. Страдаю, да все за Отечество. Враги пакости мне делают демонские, но Бог знает правду.

Петр садится на стул, опускает голову на руки. Сидит, задумавшись.

ЗАНАВЕС

Сцена 16

Петербург. Церковь Исаакия Долматского. Идет служба.

А р х и е р е й Ф е о ф а н П р о к о п о в и ч. В нынешний пресветлый праздник Воскресения Христова подай, Господи, благочестивому великому государю нашему Петру, отцу Отечества и императору всероссийскому и его благочестивой великой государыне императрице Екатерине Алексеевне и великому князю, наследнику, младенцу Петру Петровичу благоденственное пребывание и мирное житие, здравие же и спасение и во все благое поспешение ныне и вперед будущие многие и несчетные лета, во благополучном пребывании многие лета здравствовать.

Х о р п о е т: Многие лета, многие лета.

Народ становится на колени. Слышна орудейная пальба и колокольный звон.

П о д њ я ч и й Д о к у к и н. Мерзко-то как слышать...
Харкнуть хочется. *(Плюет.)*

М о л я щ и й с я м и р я н и н (*испуганно*). За злые слова и харканье в святом храме сожгут тебя. (*Отходит прочь.*)

Петр выходит на клирос. Певчие поют:
"Бог ище хочет, побеждает естества чин."

Д о к у к и н. Поют певчие нанятые, а государю любо, что его с Богом равняют.

Петр с певчими поет на клиросе.

И животворящей троицы трисвятую песнь припевающе,
Всякое ныне житейское отложим попечение.

Д о к у к и н (*громко*). Я, подъячий Ларион Докукин за невинное отлучение от наследства и изгнание всероссийского, Богом хранимого государя Алексея Петровича, христианской совестью и пресвятым Евангелием не клянусь и животворящего креста Христова не целую!

Т о л с т о й. Берите его!

Д о к у к и н. Народ православный! Соболезную о царице Алексее Петровиче! Он от истинной жены, а наследником младенца Петра Петровича за истинного не признаю! Когда Петр Петрович будет царствовать, то сообщится с иноземцами и будет от них православным спона, сиречь — вред. (*Продолжает кричать, отбиваясь от стражников.*) А пришел я с тем явиться, чтоб пострадать за слово Христово! (*Стражники волокут его. Он кричит.*) В том воля Бога моего Иисуса Христа! По воле его святой за истину аз раб Христов Ларион Докукин страдати готов! (*Его уволакивают.*)

П е т р. Фарисеи. Сказано — бойся кваса фарисейского. Христос Спаситель ничего апостолам бояться не велел, а этого велел.

В церкви воцаряется порядок. Вместе с певчими Петр поет.

Царю небесный, утешителю души.

Истины иже везде сы и вся исполняй сокровище благих
И жизни подателю.

Прийди и вселися в мы и отчистини от всякой скверны
И спаси блажие души наши.

Аминь.

З а н а в е с

Сцена 17

Петербург. Застенок тайной канцелярии. Слышны стоны,
крики и удары кнута из соседних казематов.

Т о л с т о й. Государь имею надежду начать розыск девки
Афросиньи Федоровой. Но жду, что скажут лекаря. Имеет ли
силы девка после разрешения от бремени и рождения мертво-
го младенца быть на допросе. Ведь третий день пошел только
сему.

П е т р. Кого родила?

Т о л с т о й. Мертвого мальчика. Обоз шел торопливо,
чтоб поспеть в Россию к ее родам. Видать, растрясло. Живо-
го младенца оставлять за кордоном было нельзя.

П е т р. Знает ли уже царевич?

Т о л с т о й. Нет, государь. Кроме стражи да двух лека-
рей, никто не ведает. Рожала она здесь, в Петропавловской
крепости. Роды были тяжелы. Может, и застудилась дорогой.

П е т р (*задумчиво*). Тяжелое дело. И я, кажись, засту-
дился, тело ломит. Видать, на свадьбе у Мусина-Пушкина за-
студился. Свадьба была на середине реки, против Троицкой
пристани, на фрегате шведском, взятом нами. В ночи, как
всякими фонарями фрегат убирали, видать, и простудился...
Ветренно... И река меня беспокоит. (*Кричит.*) Поспелов!
(*Входит Поспелов.*) Отчего не скоро рапортуют об реке?

П о с п е л о в. Послали письмо с вестовым к коменданту
Шлютенбурга, как вы велели, государь.

П е т р. Пошли еще вестового. Чтоб комендант каждый
день об реке рапортовал, а ежели имеется угроза наводнения,

того-де часу конных к нашему караулу, а наш караул того часу чтоб рапортовал сюда. Прислали ли вымерки?

П о с п е л о в. Вымерки имеются, государь. *(Достаёт бумагу, читает.)* От Санкт-Петербурга, от Петровских ворот до Троицкой пристани по Неве двести пятьдесят сажен. От Троицкой пристани до почтового двора триста сорок семь сажен. От Зимнего двора до конца вымерки четыреста шестьдесят четыре сажени.

П е т р. Ты, Поспелов, можешь идти. *(Поспелов уходит.)* Пока выяснение идет по розыску царевича, надо б заняться делом детоубийцы.

Т о л с т о й *(стражникам).* Девку Марию Гаментову сюда, да Ивана Орлова, да горничную, Катерину Тарновскую.

(К Петру). Вчера дано девке Гамонтовой пять ударов кнутом, на Орлова не показала.

П е т р. Может, он и невиновен, али виновен отчасти. Если в другорядь на Орлова не покажет, сослать его на каторгу без наказания, али вовсе свободить. Как думаешь, Толстой?

Т о л с т о й. Думаю, что на Орлова не показывает – воровская оговорка. Любовника своего выгораживает.

П е т р. От Орлова ли младенец убитый, вот задача. Вот что разыскать надо бы. *(Наливает себе стакан водки, выпивает.)* Что-то знобит меня. Устал я от всего, бросить бы все, да поехать в леса. Едва ли кто из государей сносил столько бед и напастей, как я. От сестры Софьи был гоним до зела. Она была хитра и зла. Монахине, первой жене был несносен – она глупа. Сын меня ненавидит. Он упрям. Петр Андреевич, а мертвого младенца, которым девка Афросинья разрешилась, в спирт покласть надобно, подобно выкидышу маршальши Олсуфьевой. Сдать младенца в спирт в кунсткамеру как научный экспонат, но без обозначения наименования. Я как был в Амстердаме, видел в амстердамской анатомичке кости, жи-лы, мозг, телеса младенческие и как зачинается во чреве дитя. Видел сердце человеческое, легкие и как в почках родится камень. Видел кожу человеческую, выделана в толщину бараньей кожи. Видел пленки, которые на мозгу у человека живут. Вся в жилах, косточки маленькие, будто молоточки,

которые в ушах живут. И нам надобно свою медицину поощрять, а на тебя, Петр Андреевич, мне жалобы пишут, что ты анатомички, в которых студиязы обучаются в московском госпитале на Яузе да здесь в Петербурге, мертвыми телами обделяешь.

Т о л с т о й. Даю, государь, сколько могу. Остальное пусть в богадельнях ищут.

П е т р. Сам ведь знаешь, в богадельнях тела старые да больные, а профессорам медицинской школы тела здоровые нужны. Вот выписал я из Германии доктора Бидлоо, это племянник известного немецкого профессора из Лайдена. Деньги ему плачу великие, а ты, Толстой, науке мешаешь.

Т о л с т о й. Государь, иные тела после казни подлежат сожжению, иные родственники требуют для захоронения, а которые без родственников, отдаем для погребения в убогий дом по православному обычаю.

П е т р. Однако и науку обижать не след.

Вводят Катерину Тарновскую.

Т о л с т о й. Почнем розыск. Катерина Екимова Тарновская, с какого и по какое служила ты у Марьи Гамонтовой?

К а т е р и н а. У Марьи жила года с полтора, с Великого поста.

Т о л с т о й. На прошлом допросе ты показала, как Марья Гамонтова родила над судном, как задушила младенца собственными руками, наконец, как поручила конюху Семенову тело дитяти. Подтверждаешь ли ты эти показания?

К а т е р и н а. Подтверждаю. А с кем Марья того младенца прижила, я не знаю.

Т о л с т о й. Был ли Иван Орлов при родах?

К а т е р и н а. Не было. Был неведомо где, в отлучке.

Т о л с т о й. Получила ли ты от Марьи в подарок краденые вещи и видела ли краденое?

К а т е р и н а. Краденых вещей и собственных Марии у меня ничего не имеется. Только дала мне Мария во всю бытность у нее несколько подарков. Про краденые вещи ничего

не знала, понеже у ней, Марии, в то время была казначейшей девка Анна.

Т о л с т о й (Петру). Надо б допросить казначейшу.

П е т р. Анну Кремер к следствию привлекать не след. Давай Марью на очную ставку.

Вводят Марию Гамильтон. Она сильно изменилась, измученная пыткой.
На руках ее кандалы.

Т о л с т о й. Девка, Марья Гаментова, признаешься ли ты в краже вещей ее величества государыни?

М а р и я (тихо). Будучи при государыне, Екатерине Алексеевне, вещи и золотые червонцы крада, а что чего позорнь, не упомню.

Т о л с т о й. А сколько всего? Говори громче, застеночный подъячий не слышит, что записывать.

М а р и я (громче). Все у меня при обыске вынято.

Т о л с т о й. Какое число ея величества государыни червонных роздала ты денщику Ивану Орлову и прочим твоим любовникам?

М а р и я. Ивану Орлову триста червонных из своих вещей. Кроме же его, никому не давала.

Т о л с т о й. С кем прижила ты ребенка?

М а р и я. С Иваном Орловым.

Т о л с т о й. Кто был при родах?

М а р и я (указывая на Катерину). Она была. Того ребенка я не давила. Родила над судном, который в то судно выпал. И стала беспамятна. И сея женка, Катерина, меня с того судна подняла и положила на постель. И тот ребенок остался у ней, у бабы. И как я пришла в память, тот ребенок был у той женки, которая сказала, что тот ребенок уже умер. И сказав, понесла вон, а где девала, не знаю.

Т о л с т о й. Кто же задавил ребенка?

М а р и я. Она. И она в том виновата.

К а т е р и н а (кричит). Сами, сами задавили, барыня! Как родила над судном, засунула тому младенцу палец в рот и подняла его, младенца, и придавила.

М а р и я. Нет, она задавила.

Т о л с т о й. А для чего горничная твоего ребенка задавила?
М а р и я. Из злобы на меня, что я ей мало подарков давала.

П е т р (*гневно*). Поднять на виску. Пять ударов. (*Палачи поднимают Марию на дыбу, свистит кнут, Мария кричит и стонет*). Кто давил ребенка?

М а р и я. Я не давила... Бросила младенца, он ушибся.

П е т р. Еще кнута. (*Свистит кнут.*)

М а р и я (*стонет, кричит, плачет*). Не давила, государь... Помилуйте, государь.

П е т р (*гневно*). Встряхнуть дыбу, чтоб кости ее трещали.

Свистит кнут, Мария стонет и плачет все сильнее и вдруг слышится громкий плач младенца. Все застывают, даже палач перестает хлестать.

П е т р. Откуда младенец?

П о с п е л о в. В соседнем каземате фрейлина царевны, Марьи Алексеевны, Жукова, под пыткой на виске родила. Дано ей тридцать ударов, а на котором родила, неизвестно, со счету сбились.

П е т р (*кричит*). Шапского сюда! (*Хватает за ворот вошедшего Шапского.*) Зверь! Долго ли тебе людей жечь. Слишком заработался. Я ведь велел не пытаться беременных женщин.

М а р и я (*с дыбы плачет и стонет*). Государь, я мого младенца задавила... Я во всем виновата.

П е т р. Спустить ее с виски. (*Палачи развязывают Марию, она падает.*) Нет тебе, Мария, прощения перед законом Божьим и уголовным, поскольку твое преступление сделано с намерением. (*К Шапскому.*) Ну-ка, Феофилакт, принеси младенца. (*Феофилакт приходит и приносит плачущего младенца, завернутого в кусок тряпки. Петр берет младенца на руки.*) Мальчик... Этот малый будет со временем добрым солдатом. Поспелов, вызвать лекаря, да сдать младенца в приют. Имейте о нем попечение. Я при случае о нем спрошу. (*Отдает младенца Поспелову, который его уносит. Вводят Орлова в кандалах.*)

О р л о в (*падает на колени перед Петром*). Государь, прошу себе милостивого прощения. Ни о чем я не ведал.

П е т р. Жил ли блудно с Марией?

О р л о в. Блудно с ней жил, а о том, что она младенца родила и бросила, от нее не слыхал. Когда пьян был, то называл ее блядью, называл курвой и бивал, а что младенца родила, не ведал. Слышал лишь, что брюхата была трижды. Двух ребенков она вытравила лекарствами, которые брала от лекаря государева двора. А что воск государыня кушает от угрей, от ее слыхал и государине донес. Потому прошу помилования.

Т о л с т о й. Давала ли тебе девка Марья Гамонтова краденые червонцы и иные краденые вещи?

О р л о в. Дала триста червонных, сказав, что то ее. А что государини, не ведал.

Т о л с т о й *(Марии)*. Правду ли говорит твой любовник?

М а р и я. Правду... У государини вещи крада сама. Орлов о том не ведал.

П е т р. Ведал ли об убийстве дитяти любовник твой, Иван Орлов?

М а р и я. Не ведал.

П е т р. Уведите ее. *(Марию уводят. Она идет с трудом, звеня кандалами.)* Не пытаться ее более. До приговору поместить в Трубецком раскате. *(К Орлову.)* Скажи она одно слово против тебя, и был бы ты вздернут на дыбу. Кнут да огонь пошли бы в дело.

О р л о в. Прошу себе помилования, государь. Моя невиновность подтверждена.

П е т р. С твоим помилованием еще погожу, Орлов. *(Орлова уводят.)* Петр Андреевич, приняты ли меры о непропуске за границу? Дабы при нынешнем розыску не ушли кто из тех, которые приличны.

Т о л с т о й. Войска приграничного надо бы поболее. А то пагубство с побегами. Не токмо ныне, да не токмо участники заговору. И ранее, как и ныне, мужики, да посадские, да прочий люд бежит в Литву, в Польшу, даже к магометанам в Турцию.

П е т р. Как же это, русский человек с православной родины своей бежит?

Т о л с т о й. Чернь в волнении. Сей заговор царевича страшен не столько вельможными бунтарями, сколько чернью, которая к нему примкнуть намеревалась. Во многих местах подметные письма явлены в народе. *(Входит Афросинья в сопровождении Румянцева.)* Государыня моя, Афросинья Федоровна. Поздравляю вас, мою государыню, с благополучным выздоровлением. Милостью Божью все исправилось, как мы с вами желали.

Р у м я н ц е в. Государь, Афросинья Федоровна к очной ставке с царевичем готова.

П е т р *(К Афросинье.)* Вот ты, однако, какова. Рыжа, да ростом мала. Чем сердце сына моего покорила, не пойму.

Р у м я н ц е в. Простите, государь, однако уж на чей вкус.

П е т р. Да уж в этом нет моего, государева, слова. А в ином я слово держу. Смотри, девка, за мной не пропадет.

А ф р о с и н ь я. О том помню, государь.

Вводят царевича.

А л е к с е й. Афросинюшка! Сердце мое! *(Хочет к ней броситься, но стража удерживает его.)* Матушка моя, писал к тебе, как узнал, что ты уже в Риге. Баб тебе в помощь посылал. Как Селебен-то наш?

Т о л с т о й. Отвечайте, Афросинья Федоровна. Кому письма писал из русских ли иль из иноземцев? Сколько раз в Тироле и в Неаполе?

А л е к с е й. Селебен-то наш как, Афросинюшка?

А ф р о с и н ь я. Писал по-русски, писано не в первых днях, но гораздо спустя, как в крепость посадили.

А л е к с е й. Афросинюшка, где наше дитя? Я лишен титула и по обещанию батюшки буду на покое с тобой жить в деревнях.

А ф р о с и н ь я. Также писал к цесарю с жалобами на государя. К цесарю писал жалобы многожды. Сказывал мне, что в войске бунт, и когда слышал о смущении в Маклебургии, тогда о том радовался и всегда желал наследства. Для того и ушел, чтоб ему жить в покое, доколе отец жив будет. И на

следства он, царевич, весьма желал и пострижения отнюдь не хотел.

Т о л с т о й. На кого царевич надежду имел?

А ф р о с и н ь я. Надежду имел на сенаторей. Говорил: чаю де сенаты и не сделают, что хочет батюшка.

П е т р (Алексею). Верно ли, имел надежду на сенат?

А л е к с е й (тихо). Я имел надежду на тех, кто старину русскую любит. (Плачет.)

А ф р о с и н ь я. Он говаривал мне, что хочет ехать в некие вольные города. Едучи из Гданьска, не упомяну, в каком городе бранденбургском, что подле моря, подвыпив, говорил мне, да тем, что были при мне: армия да гвардия моя будет. Вся от Европы граница моя будет. А когда господин Толстой приехал в Неаполь царевич хотел из цесарской провинции уехать к Папе Римскому, я его удержала.

Т о л с т о й. Афросинья Федоровна, скажите про письма.

А ф р о с и н ь я. В фортеции Неапольской отдал мне царевич письма черные и велел онные сжечь, однако ж я не сожгла, в постель спрятала и в обозе привезла.

Алексей вскрикивает и закрывает лицо руками.

Т о л с т о й. Вот письма, государь. (Протягивает письма.)

А ф р о с и н ь я. А писал царевич, чтоб в Петербурхе их подметывать, а иные архиреям подавать.

Т о л с т о й. Государь, письма случай подают для открытия главных тайностей заговора.

П е т р (Алексею). Когда слышал, будто бунт в Маклебургии, в войсках и радовался, то чаю не без намеренья было пристать к онным бунтовщикам?

А л е к с е й (устало). Когда б прислали ко мне, то я б к ним поехал. А без присылки не имел намеренья.

Т о л с т о й. Государь, все сказано. Перед вами, государь, не сын неспособный, бежавший от принуждения к деятельности и возвратившийся, чтоб жить в деревне с женщиной, которую полюбил. Нет, государь, перед вами наследник престола, хорошо знающий свои права и требующий их. Он рас-

считывает на сочувствие многих, прислушивается к слухам, имеющим целью гибель отца, готовый воспользоваться возмущением, если б даже отец еще был жив, лишь бы возмущающиеся были сильны. Готовый даже возмутить чернь. Но того мало, государь. В письмах к сенаторам и духовенству программа деятельности по занятию престола уже начерчена. Близкие к вам люди будут заменены другими, все пойдет на оборот, все, что стоило вам, государь, таких трудов, все из-за чего вы, государь, подвергались таким бедствиям и наконец получили силу и славу для себя и государства. Все будет низвергнуто. И, конечно, не будет пощады государине Екатерине Алексеевне и детям ее.

Петр (Алексею). Я поклялся сохранить тебе жизнь, но не я, а ты нарушил клятву, утаив наиважнейшие дела и особливо замысел свой бунтарский против нас.

Алексей (падает в ноги, плачет). Милости прошу, милости, батюшка.

Петр. Кающимся и повинующимся милосердие. Однако ныне, когда выставлена неполнота и неправильность твоих прежних показаний, уж не я, отец, а суд и закон государства российского пусть о тебе позаботится. Я, Алексей, хотел тебе блага, а ты был всегдашний мой противник. *(К Толстому.)* Одеть на него железа и отвести в крепость.

Алексей (кричит). Меня в крепость, а сына моего куда? Младенца Селебена куда? В спирт? Наследника русского престола в спирт! *(Алексея уводят.)*

Петр. Потерял я сына. А всему виной бородачи, старцы да попы. В них корень зла. Отец мой имел дело с одним бородачом-патриархом, а я с тысячью. Ой, бородачи. Бог-сердцевед судья вероломцам. Когда б не они, Алексей не дерзнул на такое неслыханное зло. *(К Афросинье.)* А ты-то, девка, отчего с ним поехала?

Афросинья. Меня взял он обманом. Сказал, чтоб проводила до Риги, оттуды взял с собой, сказав мне и людям, которые со мной были, что ему велено ехать тайно в Вену для деланья альянса против турка и чтоб тайно жить и чтоб не сведал турок.

Р у м я н ц е в. Государь, ежели б не Афросинья, то не знаю, что бы и делали. От Папы Римского царевича бы не взять.

П е т р. Афросинью освободить.

А ф р о с и н ь я. Слезно благодарствую, государь.

Т о л с т о й. Надо б в приговоре указать, что девке Афросинее Федоровой за правое сказание по государеву милосердию живот дарован и в монастырь послана на вечное покаяние. Она ж может жить в деревне и ежели замуж пойдет, то получит из казны приданое. Для сокрытия облик ее изменить, указав высокого роста и толстогубой. Изменить также имя ей и фамилию.

А ф р о с и н ь я. Я б, государь, не хотела б вам более докучать, только сказать еще хотела: у царевича по деревням раскольники живут и любят его. А подпив, царевич многожды матерно лаял вас, государь.

П е т р. Ладно уж, иди. *(Афросинья уходит с солдатом.)* Александр Иванович, помимо майора гвардии и деревень, отнятых у бунтовщиков, получишь Андреевский орден, о чем сегодня же отпишу сенату. Также и тебя, Петр Андреевич, награжу орденом, помимо графского титула, чина тайного советника и деревень. Девиз на Андреевском ордене: за веру и верность. Оба сегодня вы девизу подстать за такую великую службу не токмо мне, но паче Отечеству в привезении по рождению сына моего, а по делу злодея и губителя отца и Отечества. *(Петр обнимается и целуется с Толстым и Румянцевым.)*

ЗАНАВЕС

Сцена 18

Петербург. Тайная канцелярия. Застенок Трубецкого раската. Истерзанный пыткой Алексей висит на дыбе, растянутый. Руки его в хомуте, и хомут на веревке привязан к верхней перекладине, ноги связаны ремнем и привязаны к поперечному столбу. Тут же Шапский и иные палачи. Допрос ведут Петр и Толстой.

Т о л с т о й. Когда имел надежду на чернь, не посылал ли кого у черни?

А л е к с е й (*стонет*). Письма писал... Говаривал про тягости народные. А чтоб про бунт, того не бывало.

Т о л с т о й. Что говорил с Иваном Афанасьевым да с иными лакеями, то было еще до отлучения от наследства?

А л е к с е й. То говаривал пьяный. О тягостях народных. Что не стерпя что-нибудь сделают. Как-де народ терпит тягости.

П е т р. Когда слышал, будто бунт в Маклебургии, то радовался?

А л е к с е й. Радовался... Чаял, быть присылке по смерти вашей, для того, что писано — хотели вас убить. А чтоб живого вас отлучить, не чаял.

П е т р. Если б сильны были бунтовщики, и при живом поехал бы?

А л е к с е й. Если б сильны, то бы мог и поехать.

П е т р. Как писал ты в сенат и к архиреям, чтоб тебя они оставили ныне, то слово "ныне" в какую меру дважды написал?

А л е к с е й. То описался. Что объявил, больше не знаю.

П е т р. Спытай его, Феофилакт.

Ш а п с к и й. Сколько, государь?

П е т р. Пока не скажет.

Шапский хлещет Алексея кнутом по спине, по ребрам, по ногам.

А л е к с е й (*крича от боли*). Писал "ныне", чтоб за меня больше стали в народе. Чтоб онные письма были явлены в люди. Чтоб меня не оставили "ныне..." Чтоб когда онное в людях явлено, что как-нибудь вступились за меня. Прошением или угрозами за меня вступились.

Т о л с т о й (*Петру*). Государь, подъячий принес на подпись приговор по девке Марии Гаментовой.

П е т р (*к Шапскому*). Пытай его, пытай. (*К Толстому*.) Пусть читает.

Шапский бьет Алексея кнутом, тот воет и стонет.

П о д њ я ч и й. Великий государь, император Петр Алексе-

евич, вся великая, малая и белая России самодержец, будучи в канцелярии Тайных разыскных дел, указал: девку Марию Гаментову, что она с Иваном Орловым жила блудно и была того брюхата трижды и двух ребенков лекарствами вытравила, а третьего удавила и отбросила, за такое душегубство, также за то, что у государини Екатерины Алексеевны крада алмазные вещи и золотые червонцы, в чем она с двух розысков повинилась, а также повинилась и в детоубийстве своем, казнить смертью. А бабе Катерине, которая о последнем ее ребенке, как она, Мария, родила и удавила, видела и по ее прошению того ребенка с мужем своим мертвого отбросила, а о том не доносила, в чем учинилась с нею сообщницей, вместо смертной казни учинить жестокое наказание: бить кнутом и сослать на прядильный двор на год.

Т о л с т о й. Ивану Орлову что будем учинять, государь?

П е т р. Ивану Орлову еще допрос чинить будем. *(Подписывает приговор. Подъячий уходит.)* Феофилакт, что царевич говорит?

Ш а п с к и й. Пардону просит, государь.

П е т р. Ты, я вижу, Феофилакт, бьешь жалеючи. Али неумел стал? Палач должен знать свою профессию и пользоваться своим инструментом, как и иной служащий государю и отечеству. Али опасешься того и рассуждаешь, что питанный сын мой? Несмотря на лицо, сделай правду.

Т о л с т о й. Государь, имеются сведения о сношениях царевича со Швецией. Посредством Понятовского собирався вступить в заговор с Карлом Двенадцатым. Хотел говорить о помощи и о возврате назад Швеции Петербурга и Лифляндии.

П е т р. Русской кровью политую землю шведу вертать хотел... Нут-ко Феофилакт, дай-ко мне. *(Берет у Шапского кнут и начинает с размаху бить Алексея, все более впадая в ярость.)* Пардону просишь? Ноне будет пардон не в пардон.

Ш а п с к и й. Уже хрипит, государь.

П е т р *(бьет с размаху).* Ничего... Кнут не архангел, души не имеет. Нут-ко, принеси мне веник.

Палачи приносят горящий веник. Петр хватает веник и приставляет его

к иссеченной кнутом, кровоточащей спине Алексея. Алексей воет и визжит по-животному и тут же замолкает.

Ш а п с к и й. В изумление пришел.

З а н а в е с

Сцена 19

Петербург. Комнаты Петра. С запитым слезами лицом, стоя на коленях, Петр в домашнем халате молится перед иконой Богоматери.

П е т р. Ты, милосердная, Пречистая Дева, Ты, Услышительница. Ты принимаешь на Свои руки и людей, которым нет возврата к благой жизни. Прими, помилуй и спаси меня. Да судит мя милосердный Бог и помилует пред праведным судом Своим.

Входит Екатерина и Феофан Прокопович.

Е к а т е р и н а *(утирая слезы)*. Петруша.

П е т р *(не слыша, молится)*. Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас. *(Плачет.)*

Е к а т е р и н а. Петруша, Феофан Прокопович приехал, как ты просил.

П е т р *(словно очнувшись, встает с колен и быстро подходит к Феофану)*. Святой отец, уж осьмой день ежедневно молюсь я на коленях с горькими слезами, прося Бога внушить мне мысли, согласные с моей честью и с благом народа и государства.

Ф е о ф а н. Государь, мы все с превеликою тоскою зрим, как печаль вашего императорского величества ваше императорское здравие коротает.

Е к а т е р и н а. Поговори со святым отцом, Петруша. Я вас оставлю одних.

П е т р. Которое время?

Е к а т е р и н а. Уж первый час ночи.

П е т р. Как приедет Толстой с офицерами, сразу докладывать мне. *(Екатерина уходит.)* Святой отец, страх и трепет

объял меня, на душу мою налегли тяжкие помышления. Как поведать вам сии страшные тайны.

Ф е о ф а н. Вижу, государь, сердце ваше, сердце пресветлого монарха зело тяжкое с той поры, как своевольный царевич по привозе в заключении.

П е т р. Да, тяжко моему родительскому сердцу знать, что смертный приговор сыну уже готов. Верховный суд постановил — казнь смертью без всякой пощады. *(Берет приговор и читает.)* "Царевич не хотел получить наследство по кончине отца прямою и от Бога определенною дорогою, а намерен овладеть престолом через бунтовщиков, через чужестранную цесарскую помощь и иноземные войска с разорением всего государства, при животе государя отца своего. Весь свой умысел и многих несогласных с ним людей таил до последнего розыска. Подвергаем, впрочем, наш приговор в самодержавную власть".

Ф е о ф а н. По здравому рассуждению, государь, и по христианской совести такой наследник достоин смерти. Явно, умысел бунтовой против отца и государя, через коварные вымыслы и надежду на чернь.

П е т р. Все то понимаю. Надобно выбирать — или они, или мы. Или преобразованная Россия, или видеть Россию в руках человека, который будет истреблять память о преобразованиях. Надобно выбирать. Среднего быть не может, ибо заявлено, что клобук не гвоздем будет прибит к голове. Но как, святой отче, как казнить родного сына. *(Плачет.)* Где силы взять, отче?

Ф е о ф а н. В Священном Писании, государь. Там истинное наставление и рассуждение, какого наказания сие богомерзкое и авессаломовому прикладу уподобляющееся намеренье сына вашего. Потому, немало можна поискать от Священного Писания образцов и статей сему делу приличных. Отцегугатель, сын Ноев, проклят был от отца и рабом брату своему осужден. Аще, кто злоречит отцу своему и матери своей, смертью да умрет. То же и сам Христос вспоминает у Матфея во главе пятнадцать и у Марка во главе семь. И в притчах Со-

ломоновых сказано: злословящий отца или мать угашает светильник свой. Сам Христос повиновался отцу своему мнимому Иосифу и матери своей, как указано у Луки во главе второй.

П е т р. Сия икона Богоматери, перед которой молюсь, была со мной под Полтавою. Карл Двенадцатый громил тогда земли русские, и к кому, как не к Ней обратиться было. Перед началом сражения повелел я носить сей образ Богоматери в полки, и сам, со слезами молил царицу Небесную о победе, которая должна была решить судьбу России. Тогда молитва бы моя была услышана. Услышит ли теперь молитву мою Заступница русских? Ныне также Полтавское сражение должен вести я в сердце моем, ибо наследник — есть будущая Россия.

Ф е о ф а н. Правда у вас, государь. Совесть ваша остается чистой в дни страшного испытания. Да и впервой ли подобное? Вспомните, что и византийский император Константин Великий казнил сына своего за измену.

П е т р. Пока жив разрушитель, дух мой спокоен не может быть. Тем более, с чужим войском намеревался он в Россию идти и так о престоле отеческом мыслить. Потому велел я, чтоб виновного судили не яко царского сына, а яко подданного.

Входит Екатерина.

Е к а т е р и н а. Петруша, Петр Андреевич с офицерами.

Входят Толстой, Румянцев и Мещерский.

Т о л с т о й. Всемилостивейший государь. Только вернулись мы из крепости, где прочитали осужденному приговор.

П е т р. Что царевич?

Т о л с т о й. Едва царевич о смертной казни услышал, то зело побледнел и пошатнулся, так что мы едва успели его под руки схватить и тем от падения долу избавить. Мы уложили царевича на кровать и поручили его слугам и лекарю.

Одним лишь едва успокоили, что приговор Верховного суда еще вашим величеством не утвержден.

П е т р. Сколько слуг при нем?

Т о л с т о й. Постельничий, да мастер гардеробный, да мастер кухонный. Иные при переводе царевича из дому в крепость все отобраны.

П е т р. Возьмешь и этих.

Т о л с т о й. Понял, государь. Надобно крепостному караулу трех-четырех солдат мне, чтоб с теми солдатами всех челядинцев якобы к допросу в коллегию отправить и там тайно под стражею задержать.

П е т р. Начальнику стражи велишь отойти от наружных дверей каземата царевича, вместе с иною стражею, якобы стук оружия недужному царевичу беспокойство творит и вредоносен может быть.

Т о л с т о й. Понял, государь.

П е т р (к Феофану). Благослови меня, святой отче.

Ф е о ф а н. Государи благий, помыслил ли ты, да не каяться будешь?

П е т р. Злу, отче святой, мера грехов его преисполнилась, и всякое милосердие от сего часу в тяжкий грех нам будет пред Богом и пред славным отечеством нашим. Благослови меня, владыко, на указ зело тяжкий моему родительскому сердцу и моли всеблагого Бога, да простит мое окаянство.

Ф е о ф а н (молится и благословляет). Да будет воля твоя, пресветлый государь. Твори, яко же пошлет тебе на разум сердцевед Бог.

П е т р (подойдя к Толстому и офицерам). Слуги мои верные, во многих обстоятельствах испытанные. Се час наступил, да великую мне и государству моему услугу сделаете. Онный зловредный Алексей, его же сыном и царевичем срамлюсь звати, призрев клятву, пред Богом данную, скрыл от нас большую часть преступлений и общеников. Суд верховный российский, яко вы ведаете, праведно творя и на многие законы гражданские и от Святого Писания указуя, его, царевича, достойно к понесению смертной казни судил.

Яко человек и яко отец, я болезную о нем сердцем, но яко справедливый государь знаю, что нетерпимо отечеству несчастья от моего сердолюбия, и должен я ответ строгий дать Богу, на царство меня помазавшего и на престол Российской державы посадивший. Того ради, слуги мои верные, спешно идите к одру преступного Алексея и казните его смертью, яко же подобает казнить изменников государю и отечеству. Не хочу поругать царскую кровь всенародной казнью к радости черни, но да свершится сей предел тихо и неслышно, якобы ему умерша от естества, предназначенного смертью. Идите исполните то, что хочет законный ваш государь и изволит Бог. В Его державе мы все есмь.

Т о л с т о й. Всемиловитейший государь, веление ваше исполним.

Р у м я н ц е в. Я чту вас, государь, яко величайшего моего благотворца и сделаю все, что вы велите. Надо быть камнем или какою иною бездушною вещью, что от благодарствия вам, государь, отречься.

П е т р. Где Анна? *(Входит Анна Кремер.)* Анна, поедешь с сими господами в крепость. Когда совершится, тебя позовут. Ты омоешь тело царевича, нарядишь его и уложишь в гроб.

А н н а. Сделаю, государь, как вы велите.

П е т р. Что сотворите ныне ночью, что увидите глазами своими и услышите ушами, сохраните глубоко в сердцах своих, никому не поведавая о том из живущих на земле.

Т о л с т о й. Сохраним тайну государеву даже ценой живота своего.

Феофан крестит их и благословляет. Анна Кремер, Толстой и офицеры уходят.

П е т р. Верховному служению государству я приношу в жертву своего сына.

Уходит в боковую дверь, поддерживаемый Екатериной и Феофаном.

З а н а в е с

П е т е р б у р г. Камера Петропавловской крепости. Мария Гайтон, закованная в цепи ручные и ножные, ходит в полутьме по кадре. Звучит перезвон колоколов.

М а р и я. Третий час ночи. Колокола бьют в церкви святых апостолов Петра и Павла. Какая страшная тоска от колокольной прелюдии. Как терзает душу. Сейчас разыграют прелюдию, и будут часы бить. *(Слышны крики часовых.)* Звон церковных колоколов, унылый бой часов, крики часовых да мой голос — вот и все звуки. *(Плачет.)* Одна надежда на милость государя и на доброе сердце государини. Надежда на помилование не оставляет меня. Ведь и святая Магдалина была грешница. И святая мученица Иулиана грех искупила. *(Подходит к окну.)* Вчера суббота была, память мученицы Иулианы. В природе все так весело и чудно. Роскошная Нева, тепло, радостно... Апостол Павел глаголит, что плоть против духа восстает. И звезды небесные силы свои и в душу и в тело вливают. Так в книгах писано. Отсюда и войны и злодейства. У множества человек плоть более перемагает. Того ради случается, когда хотение телесное исполняется, война и душегубства, того ради удавила я мальчика своего. *(Слышен скрежет ключа.)* Кто это ко мне ночью? Не помилованье ли? *(Дверь камеры открывается. На пороге стоит сержант с горящей лучиной в руках. Рядом с ним закованный в кандалы Орлов.)*

О р л о в. Марьюшка, государиня милостиво дозволила наше свидание.

М а р и я. Ваня! *(Бросается к нему, они обнимаются, гремя кандалами.)* Был ли тебе приговор, Ваня?

О р л о в. Приговору мне не было. Хотели меня за караулом на Котлин остров послать, одначе пока отменили. А тебя, Марьюшка, пытали ли вдругорядь?

М а р и я. Не бойся, Ваня, про тебя ничего не сказала. А пытать меня более не будут. Мне сон снился, вещий голос в неясном образе то ли ангела, то ли святого сказал — не бойся, тебя бить более не станут.

Орлов. Я ничего не ведал про твое детоубийство.

Мария. И я не ведала, Ваня. А ведали про то лишь звезды небесные. Они всему виной. Небесные призраки в дела мирские втручение имеют.

Орлов. Эх, Марьюшка, ведь звезды небесные батогом не высечешь, на дыбу не поднимешь, голову не отсечешь.

Мария. Однако должно быть смягчение наказанию, потому как положение при детоубийстве женщины есть необыкновенное, и часто она, терзаемая стыдом, страхом, угрызениями совести и изнуренная телесными страданиями, почти лишается рассудка, следственно, покушается на ужасное преступление без ясного об онном перед собою сознания.

Орлов. Ты, Марьюшка, такое не говори, за такое не помилуют. Ты кайся и проси государя и государиню, а более ничего не говори.

В коридоре слышен шум шагов.

Сержант. Свидание окончено.

Мария и Орлов плача обнимаются. Сержант уводит Орлова и запирает дверь.

Мария. Летняя ночь уже к концу. *(Подходит к окну.)* На Васильевском острове уже пробуждение. По каналу вон барки плывут. *(Бой часов.)* В Голландии часы звонят от механизма, здесь же в колокола бьют приставленные люди. Как была на колокольне — видела. Тоска какая. Отчего Европа не вступится за меня? Я осуждена несправедливо здесь, в дикой России. Мой сородич — герцог Норманский. Наш фамильный герб старинной фамилии Гамильтонов из Англии и Шотландии. Меня же наказывают здесь телесно через палачей. Но государиня добра ко мне. После аресту я ехала из Москвы не с колодниками, в отдельной повозке в штате государини. *(Звяканье ключа в замке.)* Снова кто-то. Сегодня ночь необыкновенная. Будет, будет помилование от государя. *(Входит Анна Кремер со свечой.)* Анна! Тебя прислала государиня?

А н н а. Марья Даниловна, я пришла успокоить вас и сообщить, что хлопоты о вашем помиловании не кончены. Прежде всего государиня хлопочет.

М а р и я. Я виновна, что крада у нее, поскольку, как камер-фрейлина денежного жалованья в месяц сто рублей получала, не многи более карлиц, музыкантов и хайдуков. А от любовников по скупости их подарков не имела... Ты, Анна, пленная, мы ж, Гамильтоны, сами приехали сюда, наслышавшись легенд о русском дворе и русских любимцах счастья... Вот оно, мое счастье. Я слышала, ты, Анна, уже особа доверенная. Скажи мне, отчего государь так суров ко мне? Что причина строгости государя к женщине, которая пыткой и самым ужасным заключением в кандалах достаточно уж наказана за свое злодеяние.

А н н а. Строгость государя прямо вытекает из желания неуклонно выполнять закон.

М а р и я. Всегда ли выполнял государь закон? Ведь во многих случаях он уступал просьбам государини, приближенных вельмож, а то и шута, даже любимой собаки, на ошейнике которой догадывались привязать челобитную о помиловании.

А н н а. Марья Даниловна, надо надеяться до последнего момента. Были случаи, когда и на эшафоте государь шепчет на ухо палачу, чтоб ударил топором мимо шеи, по колоде.

М а р и я. На казнь свою наряжусь я в платье шелковое, белое с черными лентами. Любимое платье государя. Красива ли я еще, Анна?

А н н а. Красивы, Марья Даниловна.

М а р и я. В белом шелковом платье и широкой белой шляпе взойду я на эшафот в последней надежде, что если хлопоты не помогли, то, может, мое погребальное кокетство произведет впечатление на монарха. *(Слышны шаги идущих мимо камеры людей.)* Что это? Кто это идет?

А н н а. Караул сменяют.

М а р и я. Нет, караул так не ходит. Я шаги караула знаю. Куда это идут? Страшно-то как... Страшно... Страшно-то как. *(Слышна прелюдия колоколов. Бьют часы.)*;

ЗАНАВЕС

Сцена 21

Камера царевича Алексея. Полутьма освещена лишь горящей перед образами лампадой. Царевич спит, сбросив одеяло, полубоженный, вскрикивает и стонет во сне. Открывается дверь камеры, тихо входят Толстой, Румянцев и Мещерский. Останавливаются и смотрят на царевича.

Т о л с т о й (*шепотом*). Стонет царевич, разметавши одежды, якобы от некоего страшного видения.

Р у м я н ц е в (*шепотом*). И вправду недужен вельми. Потому, выслушав приговор, святого причастия сподобился из страха не умереть, не покаявшись в грехах.

Т о л с т о й (*шепотом*). Однако лекарь говорил — здравие ныне далеко лучше стало и к совершенному выздоровлению надежду крепкую подает. Потому сам собой и не умрет.

М е щ е р с к и й (*шепотом, с дрожью в голосе*). Господа, не лучше ли его мирного покою не нарушати? Не лучше ли его во сне смерти придати и тем от лютого мучения избавити?

Т о л с т о й. Лучше бы. Одначе совесть на душу налегла, да не умрет без молитвы. Так что укрепимся силами. (*Подходит и тихо толкает царевича в плечо.*) Ваше царское величество. (*Царевич стонет сильнее.*) Ваше царское величество, восстаньте.

М е щ е р с к и й (*в страхе*). Очеса открывает.

Алексей поднимается и садится на постели. Смотрит, недоумевая и ничего не говоря.

Т о л с т о й. Государь-царевич. По суду знатнейших людей земли русской ты приговорен к смертной казни за многие измены государю, родителю твоему, и отечеству. А мы, по его императорского величества указу, пришли к тебе суд исполнить. Того ради молитвою и покаянием приготовься к

твоему исходу, ибо время жизни твоей уже близко есть к концу своему.

А л е к с е й (вскакивает с воплями и плачем, бежит к двери). Душегубство! Люди добрые! Народ! Убивают! Борется у двери с Мещерским. Мещерский отталкивает царевича на середину камеры.)

Т о л с т о й. Не возымеешь ты успеха из крика того. Готовься к смерти, как подобает царскому сыну.

А л е к с е й (падает на пол с плачем). Горе мне, бедному, горе мне, от царской крови рожденному! Не лучше ли мне родиться от последнего подданного.

Т о л с т о й. Утешься. Государь яко отец простил тебе все погрешения и будет молиться о душе твоей. Но яко государь-монарх он измен твоих и клятв нарушения простить не мог, боясь в некое злоключение отечество свое повергнуть через то. Того для, отвергши вопли и слезы, единых баб свойства, прими удел твой, яко же подобает мужу царской крови и сотвори последнюю молитву об отпущении грехов своих.

А л е к с е й (плачет и кричит). Нет, не отец он мне, не батюшка мой! Детоубийца! Детоубийца! Не отец он народа русского! Мучитель! Детоубийца! Всю Россию измордовал, замучил! Детоубийца!

Т о л с т о й. Видим, молиться ты не хочешь. Берите его, господа, под руки, ставьте на колени. *(Румянцев и Мещерский хватают Алексея и после короткой борьбы ставят на колени.)* Один кто из вас говорите за него молитву.

М е щ е р с к и й (в страхе). Говори ты, Румянцев. У меня язык не идет.

Р у м я н ц е в. И я запинаясь.

Т о л с т о й. Скорей, господа, говорите.

Р у м я н ц е в. Господи, в руки Твои передаю дух мой.

А л е к с е й (кричит и плачет). Господа, пустите меня, молю, пустите, стану государем, всех помилую да одарю... Афросиньюшка, матушка моя, зачем покинула меня... Селебена, мальчика нашего удавила и отбросила. *(Плачет.)* Мальчика нашего в спирт покладут...

М е щ е р с к и й. Что говорит, разобрать нельзя. Разума

помрачение случилось.

Т о л с т о й (*нетерпеливо*). Скорей, господа.

Р у м я н ц е в. Господи, упокой душу раба твоего Алексея в селении праведных, презирая погрешения его, яко человеколюбец.

Т о л с т о й. Вали его на ложницу спиной! (*Все трое валят Алексея на постель.*) От возглавия два пуховика бери... Румянцев! Главу накрывай ему! Главу! За ноги держать... Мещерский, за ноги! Пригнетай!

А л е к с е й (*вырвав голову из-под подушек*). А-а-а! А-а-а! О-о-о!

Т о л с т о й. Пригнетай (*Давят подушками.*)

М е щ е р с к и й (*дрожащим голосом*). Все... Будя... Движения рук и ног утихли.

Т о л с т о й (*прикладывая ухо к груди Алексея*). Сердце биться перестало.

Р у м я н ц е в (*дрожащим голосом*). Скоро сделалось, ради его немощи.

Т о л с т о й. Царевич Алексей Петрович с сего света в вечную жизнь переселился. Уложим тело царевича, яко бы спящего, и помолимся Богу о душе.

Толстой, Румянцев и Мещерский подходят к образам, перед которыми горит лампада, и молятся: Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас.

Р у м я н ц е в. Я, господа, во многих сражениях бывал, но такого страха николи не терпел.

Т о л с т о й. Господин Мещерский, поди покличь госпожу Кремер. (*Мещерский выходит.*) Ты, Румянцев, с Мещерским здесь останетесь, чтоб кто-либо из сторонних сюда не вошел, а же к Петру Алексеевичу с донесением о кончине царевича поеду. Петр Алексеевич велел сразу ехать и будить в случае надобности. Но думаю, он не спит, дожидается.

Р у м я н ц е в. Час который?

Т о л с т о й. Светает. Видать, пятый. (*Входят Анна и Ме-*

щерский, неся гроб.) Госпожа Кремер, тело царевичево совместно с офицерами опрятайте и к погребению изготовьте. Облеките в светлые царские одежды.

А н н а. Гроб из плохих досок. Подобаает ли царскому сыну?

Т о л с т о й. Гроб для погребения иной готовят, дубовый, черным бархатом обтянутый. Пока же в сей кладите. Простой, чтоб подозрения не было. Пока смерть царевича не объявят, заказали у плотника для иного арестанта.

А н н а (*подходит к телу царевича, укрытому с головой одеялом*). Ежели голова отрублена, чтоб приставить во гробе, надо бы шею шейным платком обвязать.

Т о л с т о й. Голова цела, одначе лицо синее. Белил бы положить надобно.

А н н а. Ежели задушен, то и шея синяя. Все одно, шейный платок надобно.

Т о л с т о й. Приступайте, господа. В седьмом часу, когда колокол церкви Петра и Павла возвестит о кончине царевича, чтоб он был обряжен и лежал в гробу.

З а н а в е с

Сцена 22

Петербург. Соборная церковь Петра и Павла в Петропавловской крепости. За цепью солдат-преображенцев толпится народ разного чина и сословия. Тут же иностранные дипломаты и иностранцы.

П о с а д с к и й (*мужику*). Три дня, пока тело царевичево отпевали в церкви Пресвятая и Живоначальные Троицы, я там бывал. Ныне же, как узнал, что погребение будет в церкви святых апостолов Петра и Павла да дозволено будет всякого чина людям, кто желает, приходить ко гробу его, царевича, и видеть тело его и с онным прощаться, сюды поспешил.

М у ж и к. Я тоже любитель похорон царствующих особ, особливо, когда войско в окончание дает по батальному залф.

Г а н о в е р с к и й п о с л а н н и к (к *Шефирову*). Господин Шефиров, от имени гановерского двора и от имени иностранных резидентов при русском дворе, хотел бы узнать о смерти принца Алексея.

Ш е ф и р о в. Я, господа, специально послан к вам от чужеземной коллегии по указу государя, чтоб пресечь неверные и противоречивые слухи при дворе, в народе и среди иностранцев. Все так учинилось. После того, как царевичу был прочитан смертный приговор, вынесенный сенатом за многие измены и политические преступления против государя и отечества, от сильного волнения последовал с царевичем апоплексический удар.

Г а н о в е р с к и й п о с л а н н и к. Был ли смертный приговор утвержден императором?

Ш е ф и р о в. Нет, господа. Смертный приговор государем утвержден не был, и я имею сведения, что государь намеревался царевича помиловать, заменив смерть ссылкой в монастырь. Но когда вестник объявил, что царевич не переживет вечера и желает говорить с отцом, его величество отправился к умирающему царевичу, который, увидав своего отца, со слезами сказал, что виноват перед Богом и государем, не надеется освободиться от болезни и молит снять с него проклятие, простить его преступления, благословить его и молиться за душу его. Его императорское величество не мог не заплакать, дал ему благословение и прощение и, заливаясь слезами, удалился. Едва он сел в шлюпку, чтоб отъехать от крепости, как прибыл новый вестник с сообщением, что Бог принял душу царевича.

Г а н о в е р с к и й п о с л а н н и к. От имени гановерского двора выражаю свою благодарность за разъяснение. (*Шефиров откланивается и уходит.*)

Плеер (*прусскому резиденту*). Я опасаясь, чтоб письмо мое не было вскрыто в здешней канцелярии и обнаружилось совсем не то, что здесь обнародовано и напечатано. Носится тайная молва, что принц погиб от меча или топора. (*Шенотом.*) Сам царь отрубил ему голову.

П р у с с к и й р е з и д е н т. Известия о смерти царевича

очень различны. Возможно, действительно, после объявления смертного приговора он пришел в такой ужас, что с ним сделался удар и он скончался. Но очень немногие считают, что его смерть естественна.

Г о л л а н д с к и й п о с л а н н и к. Опасно объявить, что думают. Мне, как и вам, господин Плеер, запрещен проезд ко двору, потому что мы слишком смело говорили, и обоим нам грозит отзыв по требованию русского правительства.

П р у с с к и й р е з и д е н т. Что сообщили вы генеральным штатам о смерти принца?

Г о л л а н д с к и й п о с л а н н и к. Я сообщил, что он умер от растворения жил.

Ф р а н ц у з с к и й п о с л а н н и к. У меня, господа, абсолютно достоверные сведения. Принц скончался около пяти часов вечера от яда. К жене моей ходит француженка, мадам Ренбер, которая живет с семьей своей при крепости, следя за чистотой белья и прочего. Повар и челядинцы принцевы, по приказу коменданта, отняли у нее кухню и готовили на ней пищу принцу, и она часто видела, как принц кушал. Однако в тот день был караул, и никого мимо не пропускали. Она говорила дочери: может быть, принц слишком болен, что никого не пропускают. И видела она, что кушанья назад принесены. „Что за яства“, — спросила она. „Со стола принца принесли“, — ответил лакей. А утром следующим пекли у нее в доме пироги, и хлебник сказал: „Пироги печены для поминания. Принц умер“.

П р у с с к и й п о с л а н н и к. Но почему вы знаете, что именно от яда?

Ф р а н ц у з с к и й п о с л а н н и к. Мадам Ренбер была в гостях у жены аптекаря Бера, когда пришел к ней лекарь-француз и сказал, что его послал комендант крепости, чтоб заказать крепкое питье, потому что принц очень болен. Услышав такое, Бер побледнел, затрепетал и был в большом замешательстве. Мадам Ренбер так удивилась, что спросила, что с ним сделалось. Он ничего не мог ответить. Меж тем, пришел сам комендант, почти в таком же состоянии, как и аптекарь, и объявил, что надобно поспешить, потому что принц очень болен от удара паралича. Аптекарь вручил ему серебря-

ный стакан с крышкой, который комендант понес к принцу, всю дорогу шатаясь, как пьяный. Когда лекарь-француз вернулся, принц уже был в конвульсиях и после жестоких страданий около пяти часов пополудни скончался. По императорскому повелению внутренности из трупа были вынуты.

П р у с с к и й п о с л а н н и к. Пойдемте, господа, скоро церемония погребения. *(Уходят.)*

Народ, толпящийся за цепью солдат, перешептывается. Многие плачут.

С т а р у х а. По государини-царицы наговору, государь царевича своими руками забил кнутом до смерти. А наговорила она, государиня-царица так: как тебя не станет, мне от твоего сына и житья не будет. А государь, послушав ее, бил его, царевича, своими руками кнутом, оттого он, царевич, и умер.

Ж е н щ и н а. Царица Екатерина Алексеевна Бог знает какого роду. Мыла сорочки с чухонками. По ее наговору и царевич умер.

М о л о д о й ч е л о в е к в к а р т у з е. Не так было. В Петербурге государь собрал сенат, архиереев и других многих людей. В ту палату вошел царевич, не снял шапку перед государем и сказал: что мне, государь-батюшка, с тобой судиться. Я всегда перед тобой виноват. И пошел вон. А государь молвил: смотрите, отцы святые, так ли дети отцов почитают. И, приехав в свой дом, царевича бил дубинкой. От тех побоев царевич умер.

М у ж и к *(крестится)*. Вынос во гробе тела его, царевича, к погребению. *(Слышно пение, и появляется процессия. Впереди несут икону, за иконою певчие, потом духовенство.)* Перед гробом дьяконы и протодьяконы с кадилами...

П о с а д с к и й. Гроб отверзен, а сзади доску несут.

Плач. Многие из народа становятся на колени и кланяются гробу.

С т а р и к. Не его, царевича, несут. Солдата беглого несут, которого после казни в царский гроб поклали.

Ж е н щ и н а. А где же царевич?

С т а р и к. Слышал я, жив царевич и идет с силою своей против царского войска под Киев.

М у ж и к *(умиленно)*. За гробом царевича изволит высокою своею особою идти его императорское величество и ее величество во скорби.

Петр и Екатерина проходят в трауре со скорбными лицами. За ними следуют вельможи и прочие знатные господа. Гроб устанавливают на возвышении.

Д ь я к о н. Сейчас духовная церемония будет. Надгробное пение к погребению. Сейчас запоют стих: зряще мя безгласна... *(Хор поет.)* Гляди, епископ Карельский и Ладожский Аарон отпевает. *(Крестится и подпевает.)*

П о д ь я ч и й. Погребать будут царевича близ супруги его, принцессы прусской, которая от аборту скончалась.

С т а р у х а *(сердито)*. Ну, народ, в церкви, как на торге. Помолиться не дадут, окаянные.

Звучат хор и молитва.

М у ж и к *(умиленно)*. Государь и государыня изволят с телом царевичевым прощаться и онное целовать.

П о с а д с к и й. Послея господа министры и прочие персоны пойдут, а послея уж иному народу разрешат тело царевичево в руку целовать. Ткнусь-ка поближе. *(Протискивается вперед.)*

Под пение хора длинная процессия движется мимо открытого гроба, и каждый целует царевича в руку. Проходят Плеер и прусский посланник.

П р у с с к и й п о с л а н н и к. Голова принца несколько прикрыта, а шея обвязана платком со складками, как бы для бритья. И щеки набелены.

П л е е р. Теперь главное, кто наследник. Объявленный наследник еще младенец и слаб здоровьем. А сам император Петр тоже весьма болен. От барона Остермана известия, что диктует своему кабинет-секретарю Макарову политическое завещание.

П р у с с к и й п о с л а н н и к . Что ж в том завещании?

П л е е р . План по будущему завоеванию Российской империей господства в мире.

П р у с с к и й п о с л а н н и к . Правда ли?

П л е е р . Барон Остерман обещал добыть отрывки.

П р у с с к и й п о с л а н н и к . Тише, Толстой идет. *(К Толстому.)* Господин Толстой, надо ли объявлять в посольствах траур?

Т о л с т о й . Никакого траура не будет, потому что царевич умер как преступник.

Двигается мимо гроба царевича процессия. Звучит хор.

З а н а в е с

Сцена 23

Петербург. Прядильный двор суконной фабрики. За ткацким станками женщины, некоторые с вырванными ноздрями. Есть пожилые, есть и молодые, хорошенькие. Ткачихи ткут, сидя вдоль стены одна подле другой, все одеты одинаково в белые юбки и белые камзолы, обшитые зелеными лентами. При криках: "Государы! Государы!" — все встают. Входит Петр в сопровождении шумной свиты. Впереди идет барабанщик и бьет в барабан, за ним певчие поют: „Бог ище хочет, побеждает естества чин. Аллилуйя“.

П е т р *(с веселым красным лицом)*. Аллилуйя! *(Протягивает руку назад, негритенок подает ему полный бокал водки.)*

К о м п а н е й щ и к С к о б е е в *(подбегает и кланяется)*. Милости просим, государь.

П е т р . Не кланяйся мне, братец, я к вам от Бога поставлен, и должность моя — смотреть, чтоб недостойному не дать, а у достойного не отнять. Если уж кланяться хочешь, то кланяйся гостю нашему, его величеству герцогу Гольштинскому, жениху моей дочери Анны, да Расскажи, что здесь у тебя да как.

Герцог. O, die Spinnerin.

Компанейщик Скобеев (*к герцогу*). Ваше величество, фамилию имею Скобеев, компанейщик-интересант, аренду фабрику от управления казенных фабрик.

Герцог. Das Spinhaus...Русская девка хороша. (*Смеется.*)

Скобеев. Имею, ваше величество, в шпингаусе сто пятьдесят ткацких станков. За станками все русские, здесь и в иных комнатах. Делаем не только грубые полотна и камку, но и тонкие, как голландские и китайские.

Петр. На прокорм работниц сколько идет?

Скобеев. Четыреста рублей в месяц, государь.

Петр (*к герцогу*). Вот, стараюсь из мужика капиталиста сделать. Даю им дворянские привилегии, а многие предприятия лопают, капитал расхищают. Казенные деньги по зарукавьям плывут, с законом, как в карты, играют.

Скобеев. Мы, государь, как можем трудимся. Пршлый год на Северной Двине торговый дом открыли.

Петр. Трудись, братец, трудись. Ежели б нашу Россию трудиться научить. Европа где позади уж была б. Видишь, братец, у меня на руках мозоли, у меня, у императора российского. А все для того, чтоб показать вам пример и хотя бы на старость видеть себе достойных помощников и слуг отечества.

Крики: "Слава государю!" По знаку Скобеева ткачихи встают и начинают петь.

Ткачихи.

Как во городе во Санкт-Петербурге
На проезжей славной улице
Напротив двора гостиного
У Скобеева да на фабрике
Среди двора да широкого
Как стояла да светла светлица,
Как сидела тут красна девица
Душа Аннушка полотна ткала.

Петр. Замужние среди них имеются?

С к о б е е в. Так точно, государь. Замужним женщинам для отличия я велел одеть шапки, сделанные из золотой и серебряной парчи и обшитые галуном. А незамужние девушки простоволосы. Вон та, с балалайкой, служила семь лет в драгунах... Поклонись государю. *(Драгунша кланяется.)* А запевала — это Пушкина.

П е т р. Которая Пушкина? Федора Матвеевича дочь? Бунтовщика казненного?

С к о б е е в. Нет, государь, Александра Петровича Пушкина дочь. Преображенского капитанармуса. Казнокрада.

Т о л с т о й. У сего Пушкина в Болдино сделали выемку, нашли под половицами коробки сибирского да китайского золота. Хотели покруче осудить, да Мусин-Пушкин хлопотал, дальний родственник.

Хор *(поет)* :

Как съезжались полотна смотреть.
Приезжали к ней добры молодцы.
Что же знала красна девица,
Как пришел ее родной батюшка.
Красна девица испугалась,
Полотна ткати помешалась.

П е т р *(весело)*. Дуню давай. *(И запекает.)* Оставалась девица у молодца ночевать. Снявши платье спать ложилась на тесовую кровать.

Х о р. Ночуй, Дуня, ночуй, Дуня, ночуй, Дуня, у меня...

Начинается пляска. Петр пляшет с Анной Кремер.

П е т р. Ты, Анна, заслужила награду. Хочешь быть гофрейлиной императрицы или гофмейстериною царевны Анны Петровны, невесты герцога?

А н н а. Государь, хочу оставить двор, уехать в Нарву и жить там с братьями моими по возвращении их из заточения. А на наградные деньги куплю себе небольшую вотчину в Рижском округе.

П е т р. Жаль мне тебя, Анна, отпускать, умна ты да красива, но отказать тебе не могу. *(Целует ее.)*

Подходит Шефиров.

Ш е ф и р о в. Государь, здоровья желаю.

П е т р. Здравствуй, Петр Павлович.

Ш е ф и р о в. Я тут, государь, с посланником китайского богдыхана. Интерес имеет к нашему полотняному делу.

П е т р. Конкуренцию русского товара китайскому изучает. Ладно уж, пусть глядит. С Пежином дела устраивать надо, с Пежином давно у нас не ладится.

Ш е ф и р о в. Уж верно, государь, не ладится. Грамоту нашу снова вернули и посланнику объявили выговор.

П е т р. Чего ж?

Ш е ф и р о в. Оттого, что в грамоте ваше имя и титул, государь, написано прежде, а богдыханово после.

П е т р. Напиши в грамоте только титул богдыханов, а я подпишу вовсе без титула.

Ш е ф и р о в. Посланника нашего, поручика Измайлова менять надобно. Вести себя не может. Китайцы на него постоянно жалобы пишут. К примеру, сообщают мне, что когда богдыхан в беседе спросил нашего посланника, учился ли он астрономии, тот ответил, что учился. А когда богдыхан спросил об одной звездочке, которая называется "Золотой гвоздь", то поручик Измайлов ответил очень грубо: я на небе не бывал и имен звездам не знаю.

П е т р. Вот негодник. *(Смеется.)* Я научу таких негодников вести себя с китайцами учтиво. Ты, Петр Павлович, с китайцами завтра ко мне заезжай с утра. Обо многом переговорить надобно. Чтoб наших изменников выдали, которые через Амур в Китай бежали, да чтoб богдыхан приказал своим купчинам выслать нам серебра доброго пуд по тысяче, чтoб купчины покупали бы у нас всякие русские и немецкие товары, какие им годны и в китайском государстве, чтoб дать место под православную церковь, которая будет выстроена русской казной... Однако надобно одновременно способ-

ствовать и проникновению в Китай иезуитства, но тайным путем, через Сибирь. В России же деятельность иезуитства всячески пресечь. О том у меня с тобой да с Петром Андреевичем будет особый разговор.

Ш е ф и р о в. Государь, не переговорите ли сейчас пару слов с китайцами. Китаец просил.

П е т р. Давай его сюда.

Шефилов отходит и возвращается с китайским посланником.

К и т а й с к и й п о с л а н н и к (кланяется). Поклон белому царю от великого богдыхана Кгнанг-си, что по-русски значит — всеобщий покой.

П е т р. Покой означает мир. Как вы в царствующем граде Пежине хотите с нами мира и покоя?

К и т а й с к и й п о с л а н н и к (улыбается). Белый царь, из-за чего нам ссориться? Россия государство холодное, дальнее. Если б богдыхан послал свои войска, то все померзли бы. И хотя бы чем-нибудь овладели, какая в том прибыль? А наша страна жаркая, и если русский белый царь пошлет против нас свои войска, то могут напрасно помереть, потому что к жаре непривычны. И хотя бы завладели чем-нибудь — не велика прибыль, потому что в обоих государствах земли множество.

П е т р. Верно говоришь. Завтра ко мне приезжай для подробностей. А ныне веселись с нами, да гляди, как мы живем, как крепнем. *(Шефилов с китайским посланником отходят.)* Можно ли было представить, друзья мои, еще двадцать лет назад, как мы стоим ныне в Европе и Азии? В свободное время, друзья мои, люблю я подумать да помечтать. И так, мечтая, сделал я недавно гравюру, поскольку изучал гравировальное дело. Гравюра изображает торжество христианской религии над мусульманской. Ангел с крестом и пальмой в руках попирает полулуние и турецкие бунчуги. Будет, будет вновь православный крест в Царьграде над Софией, а турок прогоним в пески, откуда они родом. Будет, будет православная Россия третьим Римом, владычицей мировой. Ибо, как сказано в святом псаломе Давидовом: не-

честивые будут истреблены из града Господня. *(Петр вместе с хором поет торжественный псалом.)*

Благословите Господе все ангелы Его,
Крепкие силой, исполняющие силы Его,
Повинуясь гласу слова Его,
Благословите, Господи, все воинства Его.
Служители Его, исполняющие волю Его.

Петр берет бокал у негритенка, чокается с герцогом и с Толстым.

П е т р. Доброе вино.

Г е р ц о г. Бургундское.

П е т р *(выливает недопитое вино и разбивает бокал)*. Я велел французского вина мне не подавать, понеже французский король враг наш и интригует против нас в союзе с турецким султаном. Ну-ка, принесите мне ту палку. *(Скобеев приносит палку. Петр бьет ею негритенка.)* Еще раз, арапка, французского подашь, плетью высеку.

С к о б е е в. Извольте, государь, испить нашей браги, русского хмельного напитка. *(Подает ковш с брагой.)*

П е т р *(выпивает)*. Вот питье, которое против моей натуры не идет. Давай русскую!

Х о р *(поет)*:

Мне сухие-то сучечки бока наломали,
Мне ползучие муравли ножки целовали...

П е т р *(кричит весело)*. Смотри мне, кумпанейщик, надобно так поставить дело, чтоб через пять лет не покупать для нашего войска мундирного сукна заморского!

С к о б е е в. Быть тому, государь... Ежели, государь, изволите и ежели изволит его высочество герцог, Пушкину да драгуншу вместо мужского партнеру я заставлю проплясать употребительную у здешних крестьян свадебную пляску, которая очень замысловата, но не отличается грацией по причине непристойности движений.

П е т р *(переводит герцогу по-немецки. Герцог смеется и согласно кивает головой)*. Пусть пляшут.

По знаку Скобева хор запеваёт:

Парень-паренечек, миленький дружок,
сшей-ка мне баш-
мачки из желтого песочка.

Девушка-девушка, сама красавица,
напряди мне дратвы из дож-
девых капель.

Парень-паренечек, миленький дружок,
сшей-ка мне платье
из макового цвета.

Девушка-девушка, сама красавица,
напряди мне ниток из белого
снега.

Под эту песню Пушкина и девушка-драгун начинают плясать, следуя одна за другой и делая друг другу знаки лицом, головой, всем корпусом и руками. Потом Пушкина жестами делает объяснение в любви девушке-драгуну, которая, однако, старается избегать ее до тех пор, пока Пушкина перестает ее завлекать, как бы утомившись. Тогда девушка-драгун начинает ухаживать за Пушкиной и с трудом заставляет ее принять в знак любви носовой платок. После этого Пушкина ложится на спину и закрывает лицо платком. Девушка-драгун продолжает плясать вокруг с разными ужимками, то пытается поцеловать, то приподнимая юбку Пушкиной. Потом вдруг девушка-драгун обрывает пляску и убегает. Музыка и хор затихают.

П е т р (который наблюдал с большим интересом, разочарованно). Уж и все?

С к о б е в. Прощения прошу, государь. (Идет вслед за убежавшей девушкой-драгуну и начинает ей выговаривать сердито, потом возвращается.) Прощения прошу, государь, девушка, которая представляет парня, из стыда не хочет закончить пляску.

П е т р. Не беда, мой арапчонок закончит. (Делает знак негритенку, тот выбегает в круг и под музыку и пение, со смешными ужимками проплясав два раза вокруг лежащей Пушкиной, вдруг вскакивает на нее и несколькими движениями заканчивает пляску.) Ей, арапка, обрадовал, повеселил Петрушку Алексева.

Г е р ц о г (смеется). Таких движений нельзя было ждать от ребенка.

П е т р. Поди сюда, арапка. (Целует его.) Поди, Пушкина

сюда. Милую тебя да отца твоего Александра Петровича и возвращаю вам вотчину вашу, Болдино, отписаную в казну. А тебе, арапка, в награду даю палку, которой я тебя побил. Храни ее, да помни милость государеву да надейся на иные милости. *(Пушкина и негритенок целуют Петру руку со слезами на глазах.)*

Т о л с т о й. Радостно служить государю, который в один момент и побьет и помилует.

П е т р. Сердцу моему весело прощать вину виноватому, да жаль, как государь ни в какую силу не могу я поступать таким образом во многих случаях. Знаю, что меня считают тираном. Иностранцы говорят, что я повелеваю рабами. Это неправда, не знают всех обстоятельств. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Эти указы содержат в себе пользу, а не вред. Недоброхоты мои и отечества, конечно, недовольны. Невежество и упрямство всегда ополчались на меня с той поры, как задумал я вести полезные перемены и исправить грубые нравы. Вот кто настоящие тираны, а не я. Я не усугубляю рабства, обуздывая озорство упрямых, смягчая дубовые сердца, не жестокосердствую, переодевая подданных в новое платье, заводя порядок в войске и гражданстве и приучая к людскости, не тиранствую, когда правосудие осуждает злодея на смерть. Пускай злость клеветает, совесть моя чиста. Бог мне судья. Неправые толки в свете разносит ветер.

Т о л с т о й (с бокалом). Желая, чтоб Господь Бог даровал великому государю здравие Моисеева, леты, веку его равные, силу Самсонову, мир Соломонов, обладание Августово, славу Александрову.

Крики: „Ура! Слава государю!“

П е т р. Да уж. слава Богу, тягостный суд по делу царицы позади.

Г е р ц о г. Первое время после смерти принца в европейских дворах ходили разные слухи, однако ныне общее мнение все более склоняется в идее, что несчастный принц мало имел рассудка, обнаружил свой стыд, слабость и буйство. Когда же

стали известны многие подробности по его смерти, принц весьма уменьшился в глазах Европы, и многие находят даже оправдание ненависти вашего величества к своему недостойному наследнику.

П е т р. Тут ошибаются. Ненависти с моей стороны не было никакой. С моей стороны был лишь долг, который повелевал мне казнить опасного политического преступника. Но по счастливым обстоятельствам всемогущий Бог собственною волею пресек сына нашего, Алексея, живот за его преступления против государства. Случилась жестокая болезнь, подобная апоплексии. Он чисто исповедался и признался во всех преступлениях против нас со многими покаянными слезами, а раскаяние нам принеся, прощение просил, которое мы ему по христианской и родительской должности дали. И так он жизнь свою христиански кончил.

Т о л с т о й. Ваше величество государь, как вы повелели в знак полнейшего торжества над внутренним врагом, художник заготовил эскиз медали, которую следует по сему случаю выбить. С лицевой стороны медали будет портрет ваш с надписью: „Петр Великий, император России“. На обороте же изображена корона, лежащая на высокой горе. Из облаков выходит солнце и освещает корону. Надпись полукругом: „Величество Твое всегда ясно“.

П е т р. Хорошо задумано. Корона на высокой горе, а тучи уже минули. Карл Двенадцатый убит в Норвегии под Фредерихале картечью, и смерть его я оплакал. Сын мой, Алексей, умер Божьей волей, и смерть его я тоже оплакал.

Т о л с т о й. Дай Боже нам, государь, очи ваши видеть в твердом камне, в Петербурге, и так же при вас веселиться. Весна пришла, государь.

П е т р. Пусть войдет. *(Входят плечистые румяные молодцы.)* Здорово, Весна.

М о л о д ц ы *(хором)*. Желаем здравствовать, государь.

П е т р *(к герцогу)*. Весна — именуются свистуны, мастера высвистывать по-птичьи. На весенних свадьбах да на прочих весенних праздниках они птичьим высвистом являют Весну. Из каких мест, молодцы?

М о л о д е ц. Все тверские, государь. Хор тверских ямщиков-свистунов.

П е т р. Починайте, братцы. Зовите Весну. *(Тверские ямщики выстраиваются и начинают птичий свист с переливами.)* Трудный год минул, весна пришла, а корона моя высоко. А что не так, Бог мне простит. Вывод народа слабого, бедного, мало кому известного в историю — вот мое оправдание. *(К Толстому.)* В курантах и в иных грамотах печатают — государство наше — Московское, а не Российское. Извольте пресечь. Чтоб печатали не Московское государство, а Российская империя.

Вспыхивает фейерверк. Крики: „Любо! Любо! Слава государю!“

П е т р. Я жгу фейерверки, чтоб и на праздниках приучить народ к военному огню. В военном огне мы родились и уж с военным огнем нам жить.

З а н а в е с

Сцена 24

Петербург. Троицкая площадь. Утро. В ожидании казни собралась толпа. Эшафот окружен цепью солдат. На эшафоте палач Феофилакт Шапский и подручный его, молодой палач, которые в ожидании привоза преступников пьют из бутылок вино. Тут же орудия их труда — топоры и кнуты. Рядом каменный столб со шпиками, на которые воткнуты головы казненных. Среди них можно узнать головы Кикина, духовника царевича Якова Игнатова, суздальского архимандрита Диосифея, богомола Михайлы Босого, слуг царевича обоих Афанасьевых, Якова Носова. На вершине столба посажен труп Глебова. В толпе слышны разговоры.

П е р в ы й з е в а к а. Погода ветреная, утро туманное. *(Зевает и ежится.)* Как стало рассветать, я уж здесь, чтоб место занять. Кого сегодня казнить будут?

В т о р о й з е в а к а. Шведскую графиню.

Иностранец. Ya, ya, schwedische Fraulin.

Второй зевака. Вот и немец подтверждает, а они ноне на Руси все лучше нашего понимают.

Третий зевака. Графиню вчера по указанию императора батогами наказали. А донес на нее Меньшиков.

Четвертый зевака. Не шведскую графиню казнить будут, а фрейлину императрицы Гамильтон, которая вела распутную жизнь и кидала своих младенцев в колодезь.

Пятый зевака. Нет, резала. Меньшиков предложил сделать обыск в ее сундуках. Стали рыться, нашли окровавленное белье.

Старуха. В прежние времена, при Алексее Михайловиче, таковых преступниц за погубление детей живых закапывали в землю по титьки и оттапывали ногами, отчего умирали того же дня али на другой.

Второй зевака. Неужто голову графини, как вон эти, посадят на шпиз?

Шестой зевака. Ни в коей мере. Фрейлина необыкновенная красавица, и голову ее положат в спиртус, да выставят в кунсткамере на вечные времена, чтоб во все времена могли видеть, какие красавицы рождаются на Руси.

Барин. Что за нелепости ты рассказываешь? Как можно, чтоб такой великий и правосудный государь, как Петр Алексеевич, поступил так с невинною красавицею. Эта придворная особа разрешилась от бремени и из желания скрыть свой стыд убила ребенка, что и было открыто. Суд приговорил ее к смертной казни.

Шестой зевака. Я, почтенный господин, лишь в том смысле говорю, что бальзамирование в спиртусах курьезов доставляет много увеселений.

Первый зевака. Эти, которые на шписах головы гниют, все царевича слуги. Сам же царевич умер от кровавого пострела.

Второй зевака. Осужденных из крепости привели.

На эшафот поднимаются Мария Гамильтон, Орлов и Катерина. Все в кандалах. Гамильтон несмотря на холод одета в роскошное белое

шелковое платье с черными лентами и широкополую белую шляпу.

Ч е т в е р т ы й з е в а к а (*восхищенно*). И верно, красавица.

В т о р о й з е в а к а. Государь не замедлил приездом.

Появляется Петр в сопровождении Толстого и секретаря тайной канцелярии.

С е к р е т а р ь. Можно починать, государь?

П е т р. Почнем с Орлова. Иван Михайлов Орлов, последний раз тебя спрашиваю, ведал ли ты о детоубийстве, совершенном твоей любовницей? Ты стоишь на эшафоте и в самое ближайшее время можешь предстать перед лицом Божиим.

О р л о в (*дрожа от страха*). Государь, как перед лицом Божиим говорю — не ведал.

П е т р. Помысли, Орлов, если ведал, то покайся бы чистосердечно. Потому, согрешить есть дело человеческое, а не признаться в грехе есть дело дьявольское. Покайся, и я тебя прощу. Вот тебе мое слово.

И н о с т р а н е ц (*другому иностранцу, тихо*). Император и принцу Алексею дал слово, когда выманивал его из Неаполя. А как исполнены эти клятвы?

П е т р. Подумал, Орлов?

О р л о в. Не ведал, государь.

П е т р (*к Марии*). Стоя на эшафоте и готовясь предстать пред лицо Господа, скажи — ведал твой любовник о твоём душегубстве?

М а р и я (*тихо*). Не ведал, государь.

П е т р (*к Орлову*). Ну, ежели ты и виновен, то так как нет тому точных доказательств, да судит тебя Бог, а я должен, наконец, положиться на твои клятвы. (*К Толстому.*) Орлова освободить, понеже он о том, что девка Мария Гамонтова была от него брюхата и душегубство детям своим чинила, не ведал, о чем она, девка на розыске показала. (*Орлов, громко плача, бросается на колени перед Петром и целует его башмаки.*) Я не Бог, Орлов, мне такое поклонение не потребно. Я и простому народу запретил падать передо мной на колени

да зимой снимать передо мной шапку. Какое же различие между Богом и государем, когда воздавать будут равное обоим почтение. Менее низости, более усердия в службе и верности ко мне и государству. *(К Толстому.)* Снять с него железа, обрить и одеть в новый гвардейский мундир. *(К Орлову.)* Жалую тебя поручиком гвардии.

С о л д а т ь: Ура!

Н а р о д. Слава государю!

Тут же у эшафота Орлова обнимают и поздравляют товарищи по полку.

П е т р *(секретарю)*. Начинай исполнение приговора.

С е к р е т а р ь. Девка Мария Гамонтова да баба Катерина. Петр Алексеевич, вся великая малая и белая Руси самодержец указал за твоя, Мария, вины, что ты жила блудно и была оттого брюхата трижды и двух ребенков лекарствами из себя вытравила, а третьего родила, удавила и отбросила, в чем ты во всем с розысков винилась, за такое твое душегубство — казнить смертью, а тебе, баба Катерина, что ты о последнем ее ребенке, как она родила и удавила, ведала и о том не доносила, в чем учинилась ты с нею сообщницею, учинить наказание — бить кнутом и сослать на прядильный двор на десять лет. Император и самодержец России Петр Первый. Петербург. Марта четырнадцатого, года 1719.

Вдруг раздается крик, и шутиха, Аксинья Трофимовна, бородастая уродка, пезет на эшафот, плача и причитая.

А к с и н ь я. Пощади, государь, пощади Марьюшку. *(К Шапскому.)* Феофилакт, не руби Марьюшку, меня руби. *(Кладет голову на колоду рядом с топором.)*

П е р в ы й з е в а к а. Это дура смехотворствует. В иных случаях государь сам осыпает преступника на эшафоте упреками, насмешками да бранью, а здесь дуру подговорил.

А к с и н ь я. Государь, не казни Марьюшку. А я песенку спою... Ай-ли-лю-ли-лю-ли-ли... А увидел он чужого мужика, а чужого мужика на жоне своей. А он зарвел. А мужик

побежал. *(Плачет. Народ вокруг смеется.)*

П е т р. Поди прочь, дура, кто тебе велел смехотворствовать?

А к с и н ь я. Государь, не казни Марьюшку, мою постылую жизнь возьми.

П е т р *(сбрасывает Аксинию с эшафота)*. В Пустоозерье дуру отправить, в острог.

Народ смеется. Младший палач привязывает Катерину к столбу и начинает хлестать ее кнутом. Катерина кричит и стонет. Петр подходит к Марии и целует ее.

М а р и я *(трепещет от ужаса)*. Пощадите, государь.

П е т р *(тихо)*. Орлова ли младенца ты удавила, Мария, али иного кого?

М а р и я *(тихо)*. Вашего младенца удавила, государь... Сына вашего удавила. *(Петр молчит, опустив голову.)* Пощадите, государь.

П е т р. Прощай, Мария. Без нарушения Божественных и государственных законов не могу я спасти тебя от смерти. Итак, прими казнь и верь, что Бог простит тебя в грехах твоих, помолись только Ему с раскаянием и верою.

Мария падает на колени и с жаром начинает молиться. Петр что-то шепчет на ухо палачу Феофилакту Шапскому.

П е р в ы й з е в а к а *(со слезами)*. Государь изрек все-милостивейшее прощение.

Петр отворачивается. Сверкает топор, и голова Марии скатывается на помост. Петр за волосы поднимает голову и целует ее.

П е т р. Господа, публика, поскольку считаю себя сведущим в анатомии, почитаю своим долгом показать и объяснить присутствующим различные части на голове. *(Держа голову за волосы, показывает пальцами называемые части.)* Мозговой череп с мозговым пузырем. Лицевой череп. Рот, где содержатся язык, слюнные железы, перепонки, элементы, отделения, связки, соки, сосуды. Скуловая мышца. Мышца

смеха. Сонная артерия. Слезная артерия. Семь шейных позвонков. Адамово яблоко отсечено. *(Опять целует мертвую голову, затем бросает голову на помост, крестится и уходит в сопровождении Толстого и прочей свиты. Народ начинает расходиться.)*

А к с и н ь я *(всхлипывая, утирает свое мокрое от слез бородатое лицо)*. Выйму землю из-под следа государева, сделаю из земли той отравленное зелье, чем извести государя насмерть, солью то зелье в кувшин, пойду, посмотрю, где ходит государь, чтоб вылить из кувшина в след государев, в ступню государеву. Зелье то красно, точно кровь. Если волю в ступню, государь жить не будет и трех часов. *(Уходит.)*

Служитель поднимает с помоста голову Марии, укладывает ее в банку со спиртом и уносит.

З а н а в е с

Сцена 25

Петербург. Улица. Звонят колокола. Множество разночинного народа. Общая тревога. Повсюду слышен плач. Выходят два странника, бедно одетых с котомками. В одном страннике с трудом можно узнать постаревшего, исхудавшего монаха Селивестра второй Артемий, его товарищ по острогу.

С е л и в е с т р. Нечто учинилось. Ко времени мы с тобой, Артемий, в Петербург наведались.

А р т е м и й. Спытать надобно. *(К плачущему прохожему.)* Человек добрый, чего учинилось?

Прохожий *(плачет)*. Ужас народный. *(Проходит.)*

А р т е м и й. Да что ужас-то?

Проходит плачущий народ. Вопят женщины.

М е щ а н к а. Что теперь будет с нами? Вопль, вой, крик, плач по всем церквам и соборам.

С е л и в е с т р. *(к другому прохожему)*. Здравствуй, человек добрый. Странники мы издалека. Ничего не знаем, что приключилось.

В т о р о й п р о х о ж и й *(плачет)*. Наш император, Петр Алексеевич, скончался. Синод, сенат и генералитет уже к верному служению ее величества государыне подписались. Глядите, манифесты приколачивают к воротам.

А р т е м и й *(Селивестру)*. Издох... Исчез... Черт его взял.

С е л и в е с т р. Молчи, Артемий, забыл уж Мезенский острог.

А р т е м и й. Мертвого его не боюсь! А тебе, Селивестр нет чести в твоём совете. Сколько наших товарищей на Мезенской каторге в вечной мерзлоте, сколько скелетов во ржавых кандалах.

С е л и в е с т р. Молчи, Артемий. Порядок нынешний по прежним указам.

А р т е м и й. Чьи указы были? Кто указы писал, тот издох. И указы те его пропали, теперь все сызнова пойдет.

У прибитого к воротам манифеста толпится народ. Один читает по складам вслух: "Февраля двадцать восьмого, года тысяча семьсот двадцать пятого... кончина императору случилась от запору жестокой каменной болезни..."

П е р в ы й и з н а р о д а. Упала сильная рука.

В т о р о й и з н а р о д а. Как-никак, но поддерживал порядок. Что ж дальше будет?

Ж е н щ и н а. На нем был ряд положен, на нем все держалось.

М у ж и к. Видел я великого монарха, когда на Ладогеканале работал. Вот царь, так царь. Даром хлеб не ел. Пуще мужика работал.

М а с т е р о в о й *(плачет)*. И-эх... Не было у государя прямых радетелей. Все судьи были.

М у ж и к. Верно, пособников у него было маловато. Он на гору сам десять тянул, а под гору миллионы тянули. Как же дело споро будет?

М а с т е р о в о й. Имели мы, русские, государя доброго, многомыслимого и беспокойного. Кто чтит правду, поймет. Петр Алексеевич, великий самодержец, был русскому народу оборона.

А р т е м и й *(кричит)*. Дураки вы, по ком тужите!? По

мироеду! Весь мир перевел добрых голов, только на него, кутилку, перевода не было. Ан, есть. Выходит, и его голова на нитке держалась. Лгал, да пропал. Пропал, пропал проклятый еретик.

Первый из народа. Ах ты, проклятый, такие речи говоришь. За такие речи секут кнутом, да в ссылку.

Артемий. Врешь, нет более его прав.

Второй из народа. Дурак, ноне уж государя не стало, а государственные законы не оставят, а по государе кто не тужит, разве какой раскольник.

Артемий (кричит). Проклятию предаю покойника вашего! И чтоб его телу сквозь землю провалиться.

Третий из народа. Бейте его. Голову ему отсечь мало.

Артемия валят на землю и начинают бить. Подходит новый народ.

Мещанин. За что бьют?

Второй из народа. Бранил покойного государя.

Мещанин. Ну так бейте его хорошенько.

Селивестр (кланяется народу). Православные, имейте милость к убогому. Вне ума он. Я у него поводырем. Ходим Христа ради.

Народ расступается.

Мещанин. Ежели бесноватый, хай на чеппи сидит. Не зачем над скорбями народа насмехаться.

Селивестр поднимает с земли плачущего Артемия.

Первый из народа. Так-то оно лучше. Чем смеяться ему, пусть поплачет с иными.

Посадский. А вы откель движитесь?

Селивестр. С Пустоозерья. Возле Печоры жили, в ставерстах от Ледового моря.

Второй мужик. Далеко. Слыхивал, там и пахотной-то земли нет, один лишь тундряной, звериный и морской промысел.

С е л и в е с т р. Мы каторжные, там камень били да мерзлоту долбили.

М е щ а н к а. И у меня там сродственники. Скажи, не слышал ли, будет ли послабление для штрафованных в прошедшее царство?

С е л и в е с т р. Облегчение судьбы будет, хоть и не каждому, по обычаю сменять наказанных кончившегося царствования новыми ссыльными царствования наступившего.

Идет манифестация. Несут портреты Петра, Екатерины и хоругви. Впереди Феофан Прокопович с крестом. Звонят колокола.

Ф е о ф а н. Россияне, что сие есть?! До чего мы дожили, россияне?! Петра Великого погребаем. Но, оставляя нас, разрушением тела своего, дух свой оставил нам.

Крики из манифестации: "За государя и отечество! За императора нашего!"

В т о р о й м у ж и к (*глядя на проходящую манифестацию. Тихо*). Имперетор. Много он народу перетер.

Проходит несколько придворных. Среди них Толстой и Мусин-Пушкин

Т о л с т о й (*утирает слезы*). Пятьдесят три года государю было. Мог бы жить долго, если б не натура. Такой деятельности никто не выдержит.

М у с и н - П у ш к и н. Одно утешает, Петр Великий оставил сей суетной свет и все свои мысли теперь обратил к Богу.

Т о л с т о й. Да, теперь государь в покое, а два дня мучился и кричал от жестоких болей. Лекаря пустили кровь, она была густа и тяжела. Потом обессилел от лекарств, лишь стонал. По просьбе императрицы ему дали микстуру для утешения.

М у с и н - П у ш к и н. Сейчас долго стоял я у гроба и смотрел. Меня поразило выражение бледного лица на фоне красной подушки. Верхняя часть лица запечатлена величавым

спокойствием. Мысли нет более, но выражение ее осталось. Такой красоты я не видел никогда. А в нижней части лица жизнь еще как будто не застыла. Уста сжаты гневом и скорбью. Они как будто дрожат.

Т о л с т о й. Этот человек дал нам право на историю и едва не один заявил наше историческое призвание. *(Проходят, беседуя.)*

С е л и в е с т р. Петр начинается с буквы — покой. Однако, веревка делает из мирной литеры виселицу.

М е щ а н к а. Так будет ли теперь народу облегчение, понять не могу?

В т о р о й м у ж и к. Будет, когда камень почнет плавать, а хмель почнет тонуть.

Слышен звук барабана. Проходит гвардия.

С о л д а т ы (поют):

Сенат вздумал взбунтоваться, царя-батюшку убить.

Расположился на это охфицера подкупить.

В непоказанное время царя требуют в сенат.

Царь не долго собирался, кафтан военный надевал.

Кафтан военный надевал, ворона коня седлал.

Ворона коня седлал, ко сенату подъезжал.

Да вы, здорово, часовые, сенаторски сторожа.

Сенаторски сторожа, не прошел ли князь сюда?

Они друг на друга посмотрели и сказали: не прошел.

Да из них один солдат черным глазиком повел.

Царь на это рассердился, часовых всех порубил.

Часовых всех порубил, трое двери проломил.

П е р в ы й и з н а р о д а (осторожно). Гвардия идет государыне присягать.

Крик: „Всепросветлейшей и державнейшей великой государыне нашей императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской, слава!“ Крики: “Слава! Слава! Ура”.

Команда: “Примкнуть баганеты! Распустить штандарты! Барабан!” Лязг металла, звук барабана. Идет гвардия, ошетинившись штыками.

С е л и в е с т р. Императора Петра Первого не стало, да
страх его остался.

Звонят колокола. Слышны пушечные выстрелы.
Народ криками приветствует новую власть.

З а н а в е с

Окончено — декабрь 1985 г.
Западный Берлин

Фридрих Горенштейн – родился в 1932 г. в Киеве. Окончил сценарные курсы. В 1962 году опубликовал в журнале "Юность" рассказ "Дом с башней". В 1972 году по сценарию Горенштейна Андрей Тарковский снял фильм "Солярис". По сценариям Горенштейна поставлено восемь фильмов, в том числе три телевизионных. Однако ни одного прозаического произведения после 1962 г. в России опубликовано не было. С 70-х годов произведения Горенштейна начинают систематически публиковаться на Западе в журналах: "22" (Израиль), "Время и мы" (Нью-Йорк), "Континент" (Париж), "Слово" (Нью-Йорк). Они переведены на французский, английский и ряд других языков. Наиболее крупные книги, изданные за рубежом: "Псалом" и "Искупление"